

А. АДЛЕР

ПОНЯТЬ ПРИРОДУ ЧЕЛОВЕКА

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

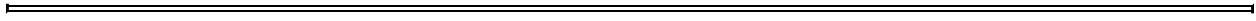
Annotation

Книга знакомит читателя с основами психологии личности А. Адлера. По словам самого автора «цель книги — показать, как неверно выбранная линия поведения одного человека вносит дисгармонию в нашу общественную жизнь, научить людей распознавать свои ошибки и, наконец, показать, как гармонично адаптироваться к социальной среде». В основе подхода Адлера — убеждение в том, что человек способен на свободный выбор и реально отвечает за свои поступки — а, стало быть, в состоянии изменить свое поведение. Книга дает представление о практической системе понимания человеческой природы, которая легла в основу многочисленных направлений современной психотерапии.

- [Альфред Адлер](#)
 - [ПРЕДСЛОВИЕ](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [ЗАКЛЮЧЕНИЕ](#)
 -
 - [СЛОВАРЬ ВАЖНЕЙШИХ ТЕРМИНОВ](#)
 -

◦ ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

■

Альфред Адлер
ПОНЯТЬ ПРИРОДУ ЧЕЛОВЕКА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга является попыткой познакомить широкую публику с основами психологии личности. В то же время в ней демонстрируется практическое применение психологических принципов не только для выстраивания наших повседневных отношений с окружающим миром и другими людьми, но и для организации нашей внутренней жизни. В основу этой книги положен годичный цикл лекций, прочитанных перед аудиторией, состоящей из сотен мужчин и женщин всех возрастов и профессий в Народном институте Вены. Цель этой книги — во-первых, показать, как неверно выбранная линия поведения одного человека вносит дисгармонию в нашу общественную жизнь; во-вторых, научить отдельных людей распознавать и признавать свои ошибки и, наконец, показать им, как гармонично адаптироваться к социальной среде. Ошибки в науке и бизнесе дорого обходятся и достойны сожаления, однако ошибки в выборе жизненного пути могут поставить под угрозу саму жизнь. Таким образом, задача этой книги — осветить путь человечества к лучшему пониманию природы человека.

ВВЕДЕНИЕ

Судьба человека заключена в его душе.

Геродот

К науке о природе человека не следует подходить с излишней самонадеянностью и гордыней. Напротив, тех, кто ею занимается, отличает известная скромность. Понимание природы человека — это задача исполинского масштаба, ее решение было целью нашей культуры с незапамятных времен. Эта наука не из тех, которыми следует заниматься лишь ограниченному числу специалистов. Ее истинной целью должно быть познание природы человека каждым человеческим существом. Однако этот тезис болезненно воспринимается некоторыми учеными, полагающими, что их исследования должны быть исключительным достоянием узкого круга экспертов.

Из-за обособленного образа жизни, который мы ведем, мало кто из нас хорошо знаком с природой человека. В прошлом люди не имели возможности жить так разобщенно, как мы сейчас. С самого раннего детства наши связи с человечеством весьма скучны. Семья изолирует нас от остального общества. Весь образ нашей жизни препятствует близким контактам с другими людьми, а контакты необходимы для развития науки и искусства понимать природу человека. Из недостаточности контактов с другими людьми рождается отчуждение от них. Наше поведение в отношении окружающих зачастую ошибочно, а наши суждения о них нередко ложны. Мы часто повторяем известный трюизм: люди проходят мимо друг друга, а говоря друг с другом, говорят в пустоту. Они обращаются друг с другом как с чужаками — причем не только в обществе в целом, но и в очень узком кругу собственной семьи. Большинство родителей время от времени жалуется, что не может понять своих детей, и в то же время большинство детей заявляет, что родители их не понимают. Все наше отношение к другому человеку зависит от того, насколько мы его понимаем, и значит, такое понимание является основой любых отношений в обществе. Взаимоотношения между людьми стали бы более гармоничными, если бы человек лучше знал свою природу. В таком случае наши социальные взаимоотношения улучшились бы, так как всем известно: большую часть трудностей и разногласий между людьми порождает

недостаток взаимопонимания, а неумение как следует понять друг друга может привести к тому, что мы неправильно интерпретируем внешние проявления отношений окружающих нас людей или обманываемся на их счет.

Теперь нам предстоит объяснить, почему мы пытаемся подойти к проблеме природы человека с точки зрения медицинской науки, имея целью заложить основы точного научного знания в этой обширной и посему не поддающейся точному исследованию области. Также мы рассмотрим предпосылки к созданию подобной науки о природе человека и определим, какие проблемы она должна разрешить и каких результатов от нее можно ожидать.

Прежде всего следует заметить, что психиатрия — это область деятельности, требующая огромных познаний человеческой природы. Психиатр должен как можно быстрее и точнее проникнуть в душу больного. В этой области медицины практикующий врач может ставить диагноз, назначать и проводить лечение только тогда, когда он с уверенностью понимает, что происходит во внутреннем мире пациента. Скользить по поверхности нельзя. Ошибки в диагностике быстро становятся очевидными, в то время как правильное понимание природы душевного расстройства ведет к его успешному излечению. Другими словами, наше знание природы человека проходит здесь суровую проверку. В повседневной жизни наши ошибки в суждениях о других людях не обязательно влекут за собой драматические последствия, так как эти последствия могут дать о себе знать через такое длительное время после совершения ошибки, что причинно-следственная связь между ними не очевидна. Часто мы бываем потрясены, когда ужасные несчастья постигают нас много лет спустя после того, как мы неправильно оценили другого человека. Эти печальные события доказывают нам, что каждый обязан овладеть действенными познаниями о природе человека.

Наши исследования нервных заболеваний показали, что психические расстройства, комплексы и мании, присущие нервным заболеваниям, фундаментально ничем не отличаются по структуре от поведения нормальных лиц. Здесь можно с легкостью распознать те же элементы, те же предпосылки, те же закономерности развития. Единственное различие заключается в том, что у психического больного они более ярко выражены и их легче установить. Выявив эту закономерность, мы можем извлекать уроки из психических аномалий и быть начеку, когда подобные им симптомы проявляются у психически здоровых людей. Для этого необходимо только вооружиться профессиональной выучкой,

вдохновением и терпением, необходимыми в любой профессии.

Первое великое открытие заключалось в следующем: основы человеческой психики закладываются в самом раннем детстве. В этом тезисе как таковом нет ничего исключительного: на протяжении веков великие мыслители не раз делали подобные наблюдения. Новизна состояла в том, что нам удалось установить между опытом, впечатлениями и социальными установками детских лет, насколько мы смогли их определить, и позднейшими психическими явлениями неразрывную и неопровергимую связь. Это, в свою очередь, означало, что теперь мы могли сравнить опыт и социальные установки раннего детства человека с его же опытом и социальными установками зрелого возраста. Таким образом, мы сделали важное открытие: психические явления ни в коем случае не следует анализировать по отдельности, более того — их даже нельзя понять, если не рассматривать как части единого целого.

Итак, мы узнали, что отдельные психические симптомы можно оценить только в том случае, если исследовано и понято их место в общем образе поведения данного человека, во всем его внутреннем микрокосме, в его «стиле жизни». Сделав это, мы оказались в состоянии увидеть, что тайные цели его детства находятся в точном соответствии с его социальными установками в зрелом возрасте. Короче говоря, нам стало до потрясения ясно, что с точки зрения психологического развития практически никаких изменений не произошло. Действия и слова, которыми выражались эти цели, могли меняться, но фундаментальные цели и мотивации, направленные на решение тех же психологических задач, остались неизменными.

Например, взрослый пациент с тревожным складом личности, ум которого постоянно пребывает в сомнениях и подозрениях, а все усилия направлены на самоизоляцию от общества, обнаруживает аналогичные склонности и психологические действия на третьем и четвертом году жизни. Единственное различие заключается в том, что у маленького ребенка, который еще не научился скрывать свои истинные чувства, такие черты характера легче обнаружить и истолковать. Поэтому мы взяли себе за правило сосредоточивать наши изыскания в основном на детстве наших пациентов. Таким образом нам зачастую удавалось догадаться о чертах характера взрослого человека, с детством которого мы ознакомились, раньше, чем нам о них рассказывали. Склонности, которые мы наблюдаем у взрослого, являются фактически непосредственной проекцией пережитого им в детстве.

Ознакомившись с самыми яркими воспоминаниями детства пациента

и зная, как правильно истолковать эти воспоминания, мы можем точно воссоздать нынешнюю структуру его характера. При этом мы имеем в виду тот факт, что отойти от усвоенных в ранний период жизни моделей поведения для человека крайне трудно. Очень мало кому из людей удавалось изменить усвоенные в детстве модели поведения, хотя во взрослой жизни эти люди оказывались в совершенно иных ситуациях. Даже изменение социальной установки во взрослой жизни не обязательно ведет к смене модели поведения. Душа не меняет своей основы; в детстве и зрелости личность сохраняет те же склонности, из чего можно заключить, что ее жизненная цель также неизменна.

Есть еще одна причина сосредоточиться на опыте детства, если мы хотим изменить модель поведения взрослого человека. Если изменить что-либо в огромном запасе жизненного опыта и впечатлений взрослой личности, результат будет ничтожен; необходимо выявить фундаментальную модель поведения нашего пациента. Сделав это, мы можем уяснить себе суть его характера и правильно диагностировать его болезнь.

Изучение детской психологии стало стержнем нашей науки, и исследованию первых лет жизни был посвящен огромный объем научных изысканий. В этой области так много неисследованного, что есть хорошие шансы обнаружить новые важные факты, которые будут представлять огромную ценность для познания природы человека.

В то же время, трудясь на благо человечества, мы разрабатывали способы предотвратить развитие дурных черт характера. Само собой разумеется, что наши исследования привели нас в такую область, как образование, в которой психологи работали многие годы. Образование — заманчивый предмет для исследователей, так как здесь они могут применить все, что узнали в ходе изучения природы человека. Наш основной подход должен быть таким: как можно полнее отождествлять себя с каждым внешним проявлением души человека, проецировать себя на нее и разделять радости и печали других людей примерно таким же образом, каким хороший художник-портретист запечатлевает на холсте не только внешность, но и сущность изображаемого человека.

Большинство людей гордятся тем, что в совершенстве владеют умением понимать природу человека, и были бы оскорблены, если бы кто-нибудь поставил под сомнение их компетентность в этой области, предложив им проверить свои знания на практике. Однако те, кто всерьез желает понять природу человека, как правило, узнавали, чего на самом деле стоят другие, через сопереживание либо в ходе собственных жизненных

кризисов, либо наблюдая за кризисами других и отождествляя себя с ними. Изучение природы человека можно считать искусством, в распоряжении которого имеется множество инструментов, — искусством, тесно связанным с другими искусствами и важным для них всех. Особое значение оно имеет для литературы и поэзии. Его основной целью должно быть расширение наших знаний о людях, то есть оно должно дать нам возможность стать более добрыми, цельными и чистыми натурами.

Вместе с познаниями о природе человека возникает вопрос, как лучше применить эти познания. Проще всего возмутить человека и вызвать на себя его ожесточеннейшую критику, выложив ему напрямик голые факты, обнаруженные при исследовании его психики. Те, кто изучает природу человека, должны учиться ходить по этому минному полю с осторожностью. Лучший способ испортить свою репутацию — это по легкомыслию злоупотребить своими знаниями, например, желая показать, насколько глубоко вы проникли в суть характера вашего соседа за столом. Даже сведущих в науке людей такое поведение оскорбит. Мы должны вновь повторить уже сказанное: знание природы человека обязывает нас к скромности. Мы не должны предавать результаты наших экспериментов огласке немедленно или поспешно. Поступить так было бы извинительно для маленького ребенка, которому не терпится блеснуть умом и продемонстрировать свои успехи, однако взрослому такое поведение не к лицу.

Нам хотелось бы посоветовать исследователям человеческой психики прежде всего протестировать самих себя. Им не следует навязывать результаты своих экспериментов, проведенных на благо человечества, не желающей того жертве. Так они только создадут дополнительные трудности для науки, которая еще делает первые шаги, и результат в конечном счете будет противоположен желаемому. Психологии в таком случае придется отвечать за ошибки, причиной которых был бездумный энтузиазм молодых ученых. Мы должны призвать на помощь свою мудрость и не забывать: не имея перед глазами полной картины, не следует делать каких-либо выводов относительно ее частей. Более того, такие выводы следует предавать гласности лишь тогда, когда мы уверены в их положительном эффекте. Мы можем принести немало вреда, высказав даже верное суждение о чьем-либо характере неподходящим образом или в неподходящий момент.

Перед тем как продолжить, мы должны рассмотреть одно возражение, которое наверняка уже пришло на ум многим читателям. Утверждение о том, что стиль поведения индивидуума остается неизменным на

протяжении всей его жизни, окажется для многих непонятным. Но ведь с течением времени, скажут они, индивидуум накапливает опыт, который с неизбежностью меняет его жизненные установки. Что ж, следует помнить: любой факт этого опыта можно истолковать по-разному и невозможно найти двух людей, которые сделали бы одинаковые умозаключения из одного события. Именно поэтому мы не всегда извлекаем из полученного опыта уроков. Становиться старше — не обязательно значит становиться мудрее! Действительно, мы обучаемся избегать одних трудностей и вырабатываем философское отношение к другим, но характер нашего поведения от этого, как правило, не меняется. В дальнейшем мы увидим, что человеческая личность использует весь свой жизненный опыт с одной целью. При ближайшем рассмотрении оказывается, что этот опыт должен совпадать с ее стилем жизни, укладываться в мозаику ее жизненных установок. То, что мы на самом деле сами творим свой жизненный опыт, вошло уже в поговорку; каждый из нас определяет, что и как он испытает.

В повседневной жизни мы наблюдаем, как люди делают из пережитого любые выводы, какие им угодно. Вот, например, человек, который снова и снова повторяет одну и ту же ошибку. Если вы сумеете убедить его в том, что он ошибается, он может отреагировать на это по-разному. Он может сказать: «Вы правы — в следующий раз я это учту». Однако подобная реакция нетипична. Вероятнее, он заявит, что совершил свою ошибку столько раз, что отделаться от этой привычки уже невозможно. Он также может свалить вину за ошибку на своих родителей или образование. Он может начать жаловаться, что в детстве был оставлен без присмотра, что его тогда чересчур баловали — или что с ним жестоко обращались. Каковы бы ни были его отговорки, какие бы он ни предъявлял алиби, он желает лишь одного — снять с себя ответственность за дальнейшие события. Таким образом он оправдывает свое поведение и ставит себя вне критики. Сам он ни в чем не виноват. Если он не достиг поставленных целей, это вина кого-то другого.

Такие люди упускают из виду следующее: сами они не приложили почти никаких усилий, чтобы преодолеть свои недостатки или избежать повторения ошибок. Они предпочитают упорствовать в заблуждениях и с жаром обвиняют в своих недостатках неудовлетворительное воспитание. Они могут прибегать к одной и той же отговорке на протяжении всей жизни. Любой жизненный опыт может получить множество истолкований, и из него можно сделать весьма различные выводы. Поэтому следует понять, почему вместо того, чтобы изменить стиль поведения, человек извращает и искажает свой жизненный опыт в соответствии с этим стилем.

Самое сложное для человеческого существа — познать и изменить себя.

Всякий кто не овладел теорией и техникой познания природы человека, столкнется с большими трудностями, пытаясь перевоспитать людей с тем, чтобы сделать их лучше. Он обречен скользить по поверхности и заблуждаться, считая, будто достиг чего-то значительного, поскольку внешние проявления личности изменились. Практика показывает, сколь мало изменяет личность такое «перевоспитание»: все изменения затрагивают только внешнюю сторону и бесполезны, так как основная мотивация поведения не была модифицирована.

Помочь человеку изменить себя — не простое дело. Оно требует некоторого оптимизма и терпения, а прежде всего — скромности, поскольку обратившийся за помощью человек сделал это отнюдь не для того, чтобы пощекотать чье-то самолюбие. Более того, процесс преобразования личности должен вестись так, чтобы он казался нужным самому объекту. Всем нам известно: от вкусного и питательного блюда, которое небрежно приготовлено и подано в непривлекательном виде, зачастую отказываются.

Наука о природе человека имеет еще один аспект, который мы можем назвать социальным. Не подлежит сомнению, что люди будут лучше ладить друг с другом и отношения между ними станут ближе, если они будут лучше понимать друг друга. Тогда для них станет невозможна разочаровываться и обманываться в ком-то. В этой возможности обмана заключена огромная опасность для общества. Эту опасность должны ясно осознавать наши коллеги, которым мы преподаем настоящий курс. Они должны внушить своим пациентам важность неизвестных и бессознательных сил. Чтобы помочь больным, им необходимо знать все отклонения, диссимиляции и иллюзии человеческого поведения. Вследствие этого мы и обязаны овладеть наукой о природе человека и сознательно применять ее на практике, ни на минуту не забывая о ее общественном значении.

Кто лучше всего приспособлен для того, чтобы собирать и использовать материал этой науки? Мы уже увидели, что ее практическое применение на чисто теоретической основе невозможно. Мало просто знать все правила и факты. Необходимо применять наши знания на практике и сопоставлять их с практическим опытом, если мы хотим яснее понимать эту науку и глубже проникать в ее суть. Это, собственно, и есть истинное назначение теоретической стороны науки о природе человека. Однако мы сможем извлечь из нее пользу лишь тогда, когда выйдем непосредственно в жизнь и применим выработанные нами теории на

практике. Наше образование дает очень мало знаний о природе человека, причем многое из того, что мы усваиваем, ложно, поскольку образование пока еще не приспособлено к тому, чтобы давать нам действенные знания о человеческом разуме. Вне школы каждый ребенок предоставлен самому себе, он вынужден самостоятельно оценивать свой жизненный опыт и заботиться о развитии своей личности. Традиции передачи истинных знаний о человеческой психике не существует. Таким образом, наука о природе человека находится сегодня на той ступени развития, на которой химия находилась во времена алхимии.

Наш опыт свидетельствует: для подобных исследований природы человека лучше всего подходят как раз те люди, чьи социальные связи не были искажены нашей запутанной системой образования. Это мужчины и женщины, которых в конечном счете можно отнести либо к оптимистам, либо к колеблющимся, потенциальным пессимистам, пока еще не поддавшимся окончательно своему пессимизму. Однако социального контакта с людьми недостаточно: нужен также опыт.

Итак, ввиду недостаточности нашего образования постичь природу человека под силу лишь некоторым категориям людей Среди них немало раскаявшихся грешников; либо тех, кому довелось барахтаться в опасном водовороте собственных мыслей и чувств и кто едва не утонул в своих многочисленных ошибках и заблуждениях, прежде чем выбраться на твердую почву; либо тех, кто стоял к подобному водовороту настолько близко, что ощутил, как он его затягивает. Разумеется, могут этому научиться и другие, особенно если они наделены даром отождествления себя с другим человеком, даром эмпатии, однако лучший способ понять человеческую душу — пережить все ее страсти самому. Следовательно раскаявшийся грешник в наши дни должен цениться не менее высоко, чем во времена основания великих религий Он стоит куда дороже тысячи праведников. В чем тут дело? Представьте себе человека, который сумел возвыситься над жизненными трудностями, выбрался из болота и научился достойно вести себя в неблагоприятной ситуации и извлекать из нее уроки. Он правильно понимает хорошие и дурные стороны жизни. Никто не может сравниться с ним в этом понимании, во всяком случае — не праведники, которые видели лишь хорошую сторону.

Когда мы встречаем человека, поведение которого лишило его способности вести счастливую жизнь, мы считаем, что наше знание человеческой природы обязывает нас помочь ему изменить свои ложные взгляды на жизнь. Мы должны дать ему новые взгляды, взгляды, лучше приспособленные к окружающему обществу, более пригодные для

достижения счастья в жизни. Мы должны научить его по-новому мыслить, указать ему новый образ поведения, в котором интерес к общественным делам и общественный дух играют более важную роль. Мы не предполагаем выстроить для него идеальную эмоциональную жизнь. Новая точка зрения сама по себе очень ценна для смятенных душ, ибо, усвоив ее, они могут понять, что заблуждались. По нашему мнению, строгие детерминисты, которые считают любое человеческое действие процессом, состоящим из причины и следствия, не так уж далеки от истины. Однако если способности к самопознанию и самокритике существуют и хорошо функционируют, причины могут меняться, а результаты опыта — приобретать совершенно иную ценность. Способность познавать себя растет вместе с нашей способностью понимать причины наших действий и динамику нашей души. Стоит понять это — и вы станете другим человеком и не сможете больше уйти от последствий своего знания.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ХАРАКТЕРА

1

ЧТО ТАКОЕ ПСИХИКА?

ПОНЯТИЕ СОЗНАНИЯ

Мы приписываем наличие сознания только движущимся живым организмам. Предварительным условием существования сознания является свобода передвижения, поскольку организмы, прочно укорененные на одном месте, не имеют в нем необходимости. Насколько противоестественно было бы предполагать существование мыслей и чувств у дуба; утверждать, что этот дуб может сознательно согласиться с тем, что его срубят, поскольку он никак не в силах этого избежать; заявлять, будто он может предчувствовать, что его срубят; приписывать ему разум и свободу воли, зная, что он все равно не сможет воспользоваться этими качествами. При таких условиях воля и разум дуба неизбежно останутся мертворожденными.

Между способностью двигаться и сознанием существует строгая причинно-следственная связь. Это и составляет разницу между растением и животным. Анализируя эволюцию психики, мы, следовательно, должны рассматривать все, что связано с движением. Все вопросы, связанные с физическим движением, заставляют психику предвидеть, накапливать опыт и развивать память, лучше вооружаться для жизненной борьбы. Мы можем, таким образом, с самого начала установить, что развитие психики связано с движением и что эволюция и прогресс всех психологических явлений обусловлены подвижностью организма. Эта подвижность стимулирует, активизирует и требует все большей интенсификации умственной деятельности. Представьте себе человека, каждое движение которого кто-то планирует за него: его мысль будет бездействовать.

ФУНКЦИЯ ПСИХИКИ

Если мы рассмотрим функцию психики с этой точки зрения, то поймем, что рассматриваем эволюцию наследственной способности, органа нападения и защиты, при помощи которого живой организм реагирует на окружающую его ситуацию. Психическая деятельность — это

комплекс агрессивных и защитных механизмов, конечное назначение которых — гарантировать продолжение существования данного организма и дать ему возможность безопасного развития. Если мы согласимся с этим положением, на его основе можно сделать дальнейшие выводы, которые мы считаем необходимыми для получения точного представления о психике. Мы не можем представить себе психическую деятельность изолированной личности. Мы можем представить ее лишь относительно окружающей среды, получающей стимулы извне и реагирующей на них.

Вышеизложенное подсказывает немало соображений об особенностях людей, их физической природе, их положительных и отрицательных качествах. Эти понятия весьма относительны, ибо нет объективных критериев, по которым можно судить, является ли та или иная физическая характеристика благом или недостатком. Судить об этом можно только исходя из ситуации, в которой оказался данный индивидуум. Всем известно, что нога человека — это, в некотором смысле, дегенеративная рука. Для животного, которому необходимо лазать по деревьям, нога, подобная человеческой, была бы явной помехой, но человек ходит по ровной поверхности, и нога для него настолько удобна, что вряд ли кто-нибудь предпочел бы иметь для ходьбы «нормальную» руку, а не «дегенеративную» ногу. Не подлежит сомнению: то, что в нашей жизни, как и в жизни других людей, кажется недостатком, не следует считать корнем зла. Лишь исходя из контекста, можно решить, является ли это свойство недостатком или достоинством.

НАША ЦЕЛЬ И ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ

Первое открытие, которое мы совершаем, исследуя самих себя, — наше постоянное стремление к какой-нибудь цели. Следовательно, мы не можем себе представить человеческую душу как нечто единое и неизменное. Лучше всего ее удается представить как набор движущихся частей, возникших из общего источника и стремящихся к достижению единой цели. Эта телеология, стремление к цели, является основой адаптации, и существование человеческой души немыслимо без цели, к достижению которой направлены все наши усилия.

Этой целью и определяется умственная жизнь личности. Ни один человек не способен мыслить, чувствовать, желать или мечтать без того, чтобы все эти действия определялись, продолжались, модифицировались и направлялись к какой-нибудь цели, которую всегда можно отыскать. Это

обусловлено необходимостью для организма адаптироваться к окружающей среде и реагировать на нее. Физические и психологические явления человеческой жизни основаны на продемонстрированных нами фундаментальных принципах. Невозможно представить себе психологическое развитие вне зависимости от всегда находящейся перед нашими глазами цели, содержание которой, в свою очередь, определяется динамикой жизни. Сама цель может представляться нам либо изменяющейся, либо статичной. Исходя из этого, все явления нашего психологического существования можно считать приготовлением к какой-либо будущей ситуации. Душа, по-видимому, состоит главным образом из силы, стремящейся к цели; и психология личности рассматривает все проявления человеческого духа постольку, поскольку они направлены к такой цели.

Знание цели личности, вместе с некоторыми познаниями о мире, дает нам возможность понять значение способов самовыражения данной личности, направления, в котором развивается ее жизнь, и механизм их функционирования для достижения цели. Нам также необходимо знать, какие именно меры должна принять данная личность для достижения своей цели — точно так же, как мы можем предсказать траекторию падения камня, когда роняем его на землю, — хотя люди не следуют какому-то раз и навсегда установленному естественному закону, поскольку всегда находящиеся перед их мысленным взором цели все время меняются. Однако если у каждого из нас имеется своя постоянная цель, весь склад нашей психики должен быть направлен к ее достижению, как если бы он и в самом деле повиновался какому-то закону. Закон, управляющий нашей психикой, действительно существует, и это не подлежит сомнению; однако это не естественный закон, подобный закону тяготения, а закон, выработанный людьми. Говорить о каких-то фактических доказательствах существования естественных законов в психологии — значит стать жертвой самообмана. Всякий, кто считает, что может дать пример необоримой и однозначно предопределяющей события власти обстоятельств, играет краплеными картами. В конце концов, если художник решает написать картину, мир объясняет это тем, что у него имеются социальные установки, необходимые для личности, поставившей себе такую цель. Он будет пользоваться обычными в этих случаях приемами и получит ожидаемые результаты, как если бы в этом проявлялся определенный закон природы. Однако есть ли у него какая-то необходимость написать эту картину? Поскольку известно, что художник обладает свободной волей, мы должны сделать вывод, что наносить краску

на холст его заставляет желание достичнуть поставленной перед собой цели.

Между физическими движениями и движениями человеческой души существует различие. Все вопросы о свободе воли зависят от этого важного тезиса. В настоящее время принято считать, что воля человека не свободна. Действительно, воля человека становится несвободной, как только она связывает себя какой-то определенной целью. А поскольку эту цель зачастую определяют его связи в космическом, физическом и социальном плане, неудивительно, что столь часто представляется, будто жизнь нашей психики зависит от непреложных законов природы. Однако если, например, человек отрицает свои связи с обществом и восстает против них, или если он отказывается приспособиться к реалиям жизни, все эти на первый взгляд непреложные законы отменяются и появляется новый закон, определяемый новой целью. Таким же образом закон общественной жизни ни к чему не обязывает индивидуума, который запутался в жизни и пытается отрицать существование других людей. Следовательно, я должен повторить еще раз: любое движение нашей души может совершиться лишь тогда, когда мы выбрали соответствующую цель.

С другой стороны, наблюдая за деятельностью индивидуума, можно понять его цель. Это особенно важно, поскольку мало кто из людей точно знает, в чем заключается его цель. На практическом уровне именно этой процедуре мы должны следовать, если хотим приобрести какие-то знания о человечестве. Так как большинство действий многозначны, это не всегда просто. Однако мы можем зафиксировать несколько примеров известного поведения того или иного человека, сравнить их и выстроить график. Таким образом, мы приходим к пониманию человека, соединив две точки, в которых выражалась определенная психологическая установка, кривой, выражающей разность времени. Этот метод применяется для получения ясного представления о жизни данной личности. Приведем пример, иллюстрирующий, как можно обнаружить у взрослого модель поведения, которая с поразительным постоянством воспроизводит закрепленные в детстве поведенческие установки.

Тридцатилетний мужчина чрезвычайно агрессивного характера, сумевший добиться успеха и признания несмотря на трудное детство, пришел к терапевту в состоянии глубокой депрессии с жалобами, что у него пропало желание работать и даже жить. Как он объяснил, вскоре он должен обручиться, но смотрит на будущее с крайним беспокойством. Его мучает ревность, и он готов уже расторгнуть помолвку. Факты, приводимые им в объяснение своей ревности, не очень убедительны, и поскольку

молодая особа, о которой идет речь, ни в чем не виновата, необходимо выяснить причину его очевидного к ней недоверия. Он принадлежит к тем индивидуумам, которые сближаются с другим человеком, чувствуют к нему влечение, но сразу же начинают относиться агрессивно, чем разрушают тот самый контакт, который им хотелось установить.

Теперь построим график стиля жизни описанного выше человека, взяв одно событие его жизни и пытаясь связать его с его нынешними установками. В соответствии с нашей обычной практикой мы просим его рассказать о первом воспоминании детства, хотя нам известно, что проверить достоверность этого воспоминания с объективной точки зрения не всегда возможно. Он вспоминает, что был на рынке с матерью и младшим братом. Рынок был забит толпой, и мать взяла его на руки, но потом решила, что ей следует нести на руках того ребенка, который поменьше, поставила его на землю и взяла младшего брата, а нашего пациента толкали в толпе, и он чувствовал себя совершенно растерянным. Тогда ему было четыре года от роду. В этом воспоминании можно заметить нечто уже услышанное нами в описании его нынешнего душевного расстройства: он не уверен, что ему оказывают предпочтение, и не в силах вынести мысли, что кто-то другой может занять его место. Стоило нам указать нашему пациенту на эту аналогию, как он, изумившись, тут же увидел ее и сам.

Психологическая цель, к достижению которой направлены все действия каждого человека, определяется влиянием и впечатлениями детства, обусловленными средой, в которой он растет. Представление об идеальном состоянии, то есть цели, вероятно, формируется в первые месяцы жизни человека. Уже в это время определенные ощущения способны вызвать у ребенка чувство радости или печали. Так на поверхность всплывают первые черты будущей жизненной философии, выраженной самыми примитивными средствами. Основные факторы, оказывающие воздействие на психику, формируются в младенчестве. Далее на этом фундаменте воздвигается надстройка, которая под влиянием различных внешних факторов может модифицироваться и трансформироваться. Вскоре под воздействием множества факторов ребенок оказывается вынужден сформировать определенное отношение к жизни и решить, как именно он будет реагировать на те проблемы, которые ставит перед ним жизнь.

Исследователи, полагающие, что черты характера взрослого человека можно различить в младенчестве, не так уж далеки от истины. Именно поэтому многие считают характер наследственным явлением. Однако

представление, согласно которому характер и склад личности наследуются нами от родителей, однозначно вредно. Помимо прочего, оно мешает педагогу в его работе и подрывает его уверенность в себе, а также позволяет ему уклоняться от ответственности, просто сваливая вину за неудачи своих учеников на их плохую наследственность. Нет смысла объяснять, что это противоречит самой цели педагогики.

Наша цивилизация играет немаловажную роль в развитии психологической целевой установки личности. Она определяет правила и границы, с которыми ребенок конфликтует, пока не отыщет способа исполнять свои желания, дающего как чувство безопасности, так и успешную адаптацию к жизни. Еще в детстве выясняется, какова степень безопасности, которая требуется ребенку с учетом реалий нашего общества. Под безопасностью мы имеем в виду не только защищенность от опасностей, но и ту степень безопасности, которая гарантирует продолжение нашего существования при оптимальных условиях. Ребенок обеспечивает ее себе, требуя большей безопасности, чем необходимо для удовлетворения его первоочередных нужд, большей, чем необходимо для спокойной жизни. Так в его психологическом развитии возникает новая склонность — склонность к доминированию и превосходству.

Подобно взрослому, ребенку хочется превзойти всех своих соперников. Он стремится к превосходству, которое гарантирует ему уверенность и адаптацию, тождественные с целью, которую он ранее поставил себе. Таким образом появляется некоторая психологическая тревожность, которая со временем становится сильнее. Теперь предположим, что окружающий мир начинает требовать более сильной реакции. Если в этот критический момент ребенок не верит в свою способность преодолеть трудности, мы увидим, как он усердно ищет способа увильнуть и изобретает сложные отговорки, смысл которых — утолить снедающую его жажду славы.

При таких условиях основной целью часто становится уклонение от любых серьезных трудностей. Ребенок отступает перед трудностями или избегает их с тем, чтобы на время уйти от ответа на требования, которые ставит перед ним жизнь. Мы должны понять, что психологические реакции человека не являются чем-то неизменным и абсолютным: любая реакция всегда частичка и эффективна лишь в какой-то период времени, поэтому считать ее универсальным решением проблемы не следует. При анализе развития детской психики нам в особенности нельзя забывать, что мы имеем дело с исключительно временной кристаллизацией идеи цели. Мы не можем применять к детской психике те же критерии, которыми

пользуемся при оценке психики взрослого человека. Имея дело с ребенком, мы должны заглядывать дальше и представлять себе то конечное состояние, в которое его в конце концов приведут его энергия и действия. Если мы сможем заглянуть ему в душу, то сумеем понять, каким образом все проявления его характера стремятся к идеалу, созданному им для себя в качестве воплощения желаемого пути к полной адаптации к жизни.

Если мы хотим понять, почему ребенок поступает так, а не иначе, мы должны взглянуть на вещи с его точки зрения. Основная социальная установка, связанная с его точкой зрения, может направить ребенка к цели различными путями. Прежде всего имеется оптимистическое отношение к жизни, когда ребенок уверен, что способен разрешить любые проблемы, возникающие у него на пути. В этих условиях он вырастет человеком, убежденным, что жизненные труды ему по плечу. В этом случае мы видим, что у ребенка развивается мужество, открытость, откровенность, ответственность, трудолюбие и тому подобное. Противоположность этому — развитие пессимизма. Представьте себе, какова может быть цель у ребенка, не уверенного, сможет ли он разрешить свои проблемы! Каким пугающим должен казаться мир такому ребенку! Здесь мы видим робость, погруженность в себя, недоверчивость и другие черты, с помощью которых слабый человек старается защитить себя. Его цель окажется вне его досягаемости и вдали от того переднего края, на котором идут главные сражения жизни.

2

ПСИХИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Чтобы узнать, каким образом кто-либо мыслит, нам необходимо исследовать его взаимоотношения с другими людьми. Межличностные отношения, с одной стороны, обусловливаются самой природой вселенной, а следовательно, они подвержены изменениям. С другой стороны, эти отношения определяются порождениями человеческого общества, например, политическими традициями в данном обществе или стране. Мы не сможем уяснить себе работу человеческой психики, не поняв в то же время эти социальные взаимоотношения.

АБСОЛЮТНАЯ ИСТИНА

Психика не может действовать самостоятельно. Перед ней постоянно возникают проблемы, и необходимость решать их, как правило, и определяет направление развития психики. Эти проблемы неразрывно связаны с логикой нашей общественной жизни; требования общества влияют на личность, но редко позволяют ей влиять на себя, да и то лишь до определенной степени. Однако существующие условия нашей общественной жизни нельзя пока что считать окончательно сложившимися. Они слишком сложны и слишком неустойчивы. Кроме того, мы слишком опутаны общественными взаимоотношениями, чтобы быть в состоянии пролить на проблему психики достаточно света для полного ее понимания.

Единственный выход из этой дилеммы, имеющейся у нас, — это принять логику нашей общественной жизни на земле как абсолютную истину в последней инстанции, которую следует постигать шаг за шагом, предварительно исправив все ошибки и промахи, возникшие из-за несовершенства нашей общественной организации и ограниченности наших способностей. При этом нам следует особо остановиться на материалистической концепции общества, данной Марксом и Энгельсом. Согласно их учению, логику мышления и поведения индивидуумов определяет экономический базис общества. Наша концепция «логики общественной жизни» или «абсолютной истины» отчасти основана на

приятии существующих представлений. Тем не менее история и наше проникновение во внутренний мир личности (а именно психология личности) учат нас, что индивидууму иногда бывает удобно реагировать на требования социально-экономической системы неправильным образом. Пытаясь уильнуть от системы, он может безнадежно запутаться в последствиях своих неправильных реакций. Наш путь к абсолютной истине поможет нам избежать бесчисленных ошибок.

НЕОБХОДИМОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Правила общественной жизни так же очевидны, как законы климата, которые вынуждают нас принимать те или иные меры: желание защититься от холода заставляет строить дома, и так далее. О неодолимой тяге человека к обществу и общественной жизни свидетельствуют институты, формы которых нам не обязательно понимать до конца, например — религия, где совместное богослужение связывает членов общины между собой. Хотя условия нашей жизни определяются в первую очередь непреложными законами вселенной, в дальнейшем эти условия устанавливаются общественной и общинной жизнью людей и законами и правилами, которые она создает. Нужды общества определяют все межчеловеческие отношения. Общественная жизнь предопределяет индивидуальную жизнь человека. В истории человечества нет цивилизации, основы которой не закладывались бы сообща; люди развивались не поодиночке, а общинами. Это очень легко объяснить. Весь животный мир демонстрирует нам непреложный закон: виды, особи которых не способны выстоять в борьбе за существование поодиночке, обретают дополнительную силу благодаря стадному образу жизни.

Дарвин уже давно привлек наше внимание к тому факту, что слабые животные никогда не живут в одиночку. Нам поневоле приходится отнести человека к таким слабым животным, поскольку человек также недостаточно силен для того, чтобы жить одному. Не имея орудий, он может оказать разрушительным природным стихиям лишь самое слабое сопротивление. Даже для того, чтобы попросту не исчезнуть с лица земли, ему требуются всевозможные искусственные инструменты. Представьте себе, что вы без каких-либо орудий, кроме голых рук, оказались в первобытном лесу! Ваше положение будет более рискованным, чем у любого иного живого существа. Люди — существа общественные, а не одиночные. Они не имеют ни скорости, ни силы, ни зубов хищника, ни

зорких глаз или острого слуха, которые предупреждают об опасности других животных. Чтобы обеспечить свое существование, человечеству требуется целый набор различных инструментов. Как наш режим питания, так и наши физические характеристики и наш образ жизни требуют использования таких инструментов.

Таким образом, нам следует осознать, что человек способен выжить только в особо благоприятных условиях. Эти благоприятные условия удалось создать благодаря жизни в обществе. Жизнь в обществе стала необходимостью, поскольку существование общества и разделение труда, посредством которого каждый индивидуум подчинял себя группе, обеспечивало дальнейшее существование биологического вида. Только разделение труда (иначе говоря — цивилизация) способно предоставить человечеству средства к выживанию. Только освоив разделение труда, люди сумели самоутвердиться. Вспомните, как тяжелы роды у человека и сколько заботы требуется приложить, чтобы ребенок не умер в младенчестве! Дети могли получить такой продолжительный уход и заботу только там, где существовало разделение труда. Вспомните об огромном количестве телесных болезней и расстройств, присущих человеку, особенно в младенчестве, — и вы получите некоторое представление о том, какой невероятной заботы требует сохранение жизни каждого человека, и сумеете понять, почему людям необходимо жить в обществе. Общество — лучший гарант нашего дальнейшего существования!

УВЕРЕННОСТЬ И АДАПТАЦИЯ

Из вышесказанного мы можем сделать вывод, что по сравнению с другими формами жизни человек является организмом неполноценным. Это чувство неполноценности и ненадежности существования всегда присутствует в человеческом сознании. Это постоянный стимул к изобретению лучших способов адаптации к жизни на Земле. Этот стимул заставляет людей добиваться того, чтобы не оказаться в невыгодном положении по сравнению с остальным животным миром.

Инстинкт общественной жизни оказал человечеству великую услугу: он изощрил наше самое замечательное орудие защиты от окружающих невзгод — человеческий разум. Именно интеллект позволил такому уязвимому существу, как человек, успешно адаптироваться к окружающей среде и уверенно в ней существовать. Первобытным людям было бы гораздо труднее стать способными побеждать своих естественных врагов,

если бы они попытались обзавестись естественными орудиями защиты — например, рогами, когтями или клыками. Разум сумел немедленно прийти человеку на помощь и компенсировать его физические недостатки. Постоянное чувство собственной неадекватности стимулировало у людей способность предвидеть опасность и избегать ее, и благодаря ему разум сумел развиться и стать тем, чем он является сейчас, — органом мышления, чувств и действий. Общество сыграло в этом процессе адаптации существенную роль, и с самого своего зарождения разум должен действовать в условиях общественной жизни. Все его способности развиваются, опираясь на один основополагающий принцип: логику общественной жизни.

Следующей ступенью развития умственных способностей человека нам, несомненно, следует считать присущие людям понятия логического мышления, которые от своего зарождения обладают всеобщей применимостью. Логично лишь то, что полезно всем. Членораздельная и логичная речь — это чудо, отличающее человеческие существа от всех остальных животных, — является жизненно необходимым инструментом общественной жизни. Феномен речи, форма которой ясно указывает на ее общественное происхождение, опять-таки нельзя оторвать от понятия общей полезности. Речь была бы совершенно ненужной индивидууму, живущему в одиночку; она может пригодиться лишь в условиях общества. Это продукт общественной жизни, связующее звено между личностями в обществе. Общественное происхождение речи подтверждается примером тех индивидуумов, которые выросли в условиях затрудненных или невозможных контактов с другими людьми. Некоторые из этих людей порвали все нити, связывающие их с обществом, по своей воле; другие оказались жертвой обстоятельств. В любом случае они страдают дефектами речи или заиканием и неспособны выучить иностранные языки. Все указывает на то, что овладеть искусством речи и сохранить этот навык можно только в условиях развитых контактов с другими людьми.

Речь необычайно важна для развития человеческой души. Логическое мышление реально лишь при посредстве языка, который дает нам возможность создавать понятия и осознавать различия в значениях. Сами наши мысли и чувства становятся понятными лишь тогда, когда мы признаем, что подобное испытываем не мы одни; наше наслаждение прекрасным основывается на знании того, что признание, понимание и чувство красоты всеобщи. Отсюда следует, что такие идеи и понятия, как разум, интеллект, логика, этика и эстетика не являются личным делом каждого, а рождаются в процессе общественной жизни человечества. Все

это связи между индивидуумами, назначение которых — сохранение цивилизации.

СОЦИАЛЬНОЕ ЧУВСТВО

Теперь мы можем понять, что любые правила, имеющие целью обеспечить выживание человечества, как-то: кодексы законов, тотемы и табу, суеверия и образование, — должны определяться понятиями данного общества и соответствовать им. Мы уже упоминали этот тезис в связи с религией. Мы считаем адаптацию личности к обществу важнейшей психологической функцией как личности, так и общества. То, что мы называем справедливостью и праведностью и считаем самыми ценными чертами характера человека, — не что иное, как исполнение условий, вытекающих из социальных нужд человечества. Эти условия формируют характер и направляют действия личности. Ответственность, верность, откровенность, правдивость и тому подобное — это достоинства, которые возникают и поддерживаются лишь благодаря незыблемым принципам общественной жизни. О том, хорошо или плохо то или иное качество характера, мы можем судить, лишь глядя на него глазами общества. Хорошие поступки, например достижения в науке, политике или искусстве, становятся достойными внимания лишь тогда, когда доказана их ценность для всех. Критерии, по которым мы судим о той или иной личности, определяются ценностью этой личности для человечества в целом. Мы сравниваем личность индивидуума с идеальным образом личности, которая выполняет свои задачи и преодолевает лежащие перед ней трудности с пользой для общества в целом, личности, чье социальное чувство высокоразвито. Если воспользоваться словами одного из наших сотрудников, Карла Фуртмюллера, это такая личность, «которая ведет жизненную игру согласно законам общества».

В ходе наших исследований станет все более очевидно, что хорошо приспособленная к жизни в обществе личность не может сформироваться, если не прививать ей глубокого сознания единства с человечеством и не обучать искусству быть цельным человеком.

3

РЕБЕНОК И ОБЩЕСТВО

Общество налагает на нас определенные обязанности, которые оказывают влияние на нормы и формы нашей жизни, а также на наше умственное развитие. Общество имеет органическую основу. Точкой, где индивидуум и общество смыкаются, можно считать тот факт, что человеческий род состоит из двух полов. В сообществе, созданном мужем и женой, люди удовлетворяют свое стремление к жизни, добиваются уверенности в себе и обеспечивают свое счастье. Если мы вспомним, как продолжительно взросление ребенка, это подтвердит нам, что человеческая жизнь не может развиваться вне общества, дающего ей защиту. Различные обязанности, связанные с жизнью, несут с собой необходимость разделения труда, которое не только не изолирует людей друг от друга, но и усиливает их связи между собой. Каждый должен помогать ближнему; каждый должен ощущать свою связь с товарищами. Так было положено начало межличностным отношениям. Теперь мы должны более подробно рассмотреть те отношения, в которые вступает ребенок после своего рождения.

МЛАДЕНЧЕСТВО

Будучи зависим от помощи общества, каждый ребенок оказывается лицом к лицу с миром, который дает и берет, который требует адаптации к себе, но в то же время удовлетворяет его жизненные потребности. Удовлетворению инстинктов ребенка мешают препятствия, столкновение с которыми болезненно. В начальный период жизни он осознает, что есть другие люди, и они могут удовлетворить свои нужды более полно и лучше приспособлены к жизни. Можно сказать, что его психика рождается в тех ситуациях детства, которые требуют интеграции для того, чтобы обеспечить возможность нормальной жизни. Наша душа достигает этого, оценивая каждую из ситуаций и выходя из нее таким образом, чтобы как можно полнее удовлетворить наши инстинкты с наименьшим вероятным дискомфортом.

Таким образом, ребенок приучается преувеличивать размеры и силу, необходимые для того, чтобы открыть дверь или передвинуть тяжелый

предмет, а также признает право других отдавать ему приказания и требовать послушания. У него возникает желание вырасти, стать таким же сильным, как другие, или даже еще сильнее. Доминировать над окружающими становится главной целью его жизни, поскольку старшие, хотя и обращаются с ним как с существом низшего порядка, обязаны о нем заботиться из-за самой его слабости. У него имеются две возможности: либо подражать действиям и методам взрослых, которые он видит, наблюдая за ними, либо демонстрировать свою слабость, что те же самые взрослые воспринимают как требование их помощи, на которое нельзя ответить отказом. Мы постоянно видим у детей эту бифуркацию психологических склонностей.

Формирование типов характера начинается в раннем возрасте. В то время как одни дети развиваются по пути накопления сил и стараются добиться признания благодаря мужеству и уверенности в себе, другие как бы спекулируют на своих слабостях и стараются их всячески демонстрировать. Достаточно понаблюдать за поведением, выражением лица и манерой держаться тех или иных детей, чтобы понять, какой из двух групп они принадлежат. Каждый из типов характера имеет значение только в том случае, если мы поймем его взаимоотношения с окружающей средой, а окружающая ребенка среда обычно отражается в его поведении.

Основой основ развития ребенка является его стремление компенсировать свои слабости; из этого чувства неполноценности возникает тысяча талантов и способностей. Ситуации, в которые жизнь может поставить детей, имеют между собой огромные индивидуальные различия. В некоторых случаях мы видим, что окружающая среда несет в себе угрозу для ребенка, и у него возникает впечатление, будто весь мир является враждебной территорией. Это мрачное впечатление создается из-за несовершенства восприятия и мышления ребенка. Если его воспитание не противодействует этому заблуждению, личность ребенка может развиться таким образом, что он будет всегда поступать так, будто мир — это враждебная территория. Его убеждение во враждебности мира будет расти с каждым затруднением, встреченным им на жизненном пути. Подобное часто случается с детьми, имеющими от рождения какой-нибудь физический недостаток. Такие дети относятся к окружающему миру совсем иначе, нежели те, кто приходит в мир без подобных недостатков. Эта так называемая органическая неполноценность может выражаться в затрудненности движений, пороках тех или иных органов или пониженной сопротивляемости инфекциям, приводящей к частым болезням.

Физические недостатки — не единственная причина трудностей, с

которыми сталкивается ребенок при вступлении в мир. Любые неразумные требования, предъявляемые ребенку введенной в заблуждение семьей (или недопустимая форма, в которой предъявляются эти требования), сравнимы по воздействию с материальными препятствиями вокруг него. Ребенок, пытающийся адаптироваться в мире, внезапно наталкивается на препятствия, особенно если он растет в семье, которая сама пала духом и где господствует пессимизм, очень легко передающийся ребенку.

ВЛИЯНИЕ ПРЕПЯТСТВИЙ

Если вспомнить, сколько препятствий встречается ребенку на каждом шагу, не стоит удивляться, что его реакция на них не всегда адекватна. Его мышление начало развиваться лишь недавно, и ребенок сталкивается с необходимостью подчиняться непреложным законам жизни в тот момент, когда его способности к адаптации еще не сформировались. Жизнь для него — один огромный эксперимент. За каждым примером его неправильной реакции на окружающую обстановку кроется целый ряд попыток отреагировать правильно и преуспеть в жизни. Особый интерес представляет реакция подростка на ту или иную ситуацию. Реакция, в которой находит выражение его модель поведения, дает возможность заглянуть в его психику. В то же время мы должны учитывать, что реакции любого индивидуума, как и общества в целом, нельзя оценивать по раз и навсегда заданному шаблону.

Результатом столкновения ребенка с препятствиями в ходе его психологического развития обычно является торможение или искажение его социального чувства. Эти препятствия можно разделить на две категории. Одни коренятся в пороках материальной среды обитания ребенка — это могут быть ненормальные экономические, социальные, расовые отношения или условия в семье; к другим относятся физические недостатки. Основа нашей культуры — здоровье и адекватность. Поэтому ребенок, имеющий серьезный физический недостаток, оказывается при решении жизненных проблем в невыгодном положении. К этой группе принадлежат дети, поздно начавшие ходить или передвигающиеся с трудом, а также те, кто медленно учатся говорить или долгое время остаются неуклюжими из-за того, что развитие функций их мозга замедлено по сравнению с нормой. Мы все знаем таких детей, которые постоянно на что-то натыкаются, которые неуклюжи и медлительны и живут под гнетом физических и моральных страданий. Разумеется, не

исключено, что с течением времени ребенок сам преодолеет свою неполноценность и его психика при этом не пострадает. Подобное может произойти, если на почве трудностей у него не возникло неутихающего чувства безысходности, которое наложит отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Вдобавок к природным недостаткам, ситуацию могут осложнить и проблемы экономического характера.

Законы человеческого общества — закрытая книга для детей, плохо подготовленных к тому, чтобы занять в нем свое место. На любой представившийся им шанс они смотрят с подозрением и недоверием, они склонны к самоизоляции и уклонению от своих обязанностей. Такие дети обостренно чувствуют враждебное отношение мира к себе и невольно преувеличивают эту враждебность. Их интерес к темным сторонам жизни гораздо сильнее, чем к светлым. В большинстве случаев они неправильно оценивают и те, и другие, а посему проводят жизнь в постоянной настороженности. Они требуют к себе повышенного внимания и, разумеется, ставят себя гораздо выше остальных. В тех обязанностях, которые жизнь неизбежно накладывает на людей, они видят не столько стимул, сколько препятствие. Вскоре между ними и их окружением разверзается пропасть, которую их враждебное отношение к другим людям постоянно расширяет. Кроме того, каждый шаг в жизни они делают с величайшей осторожностью, все более и более отчуждаясь от реальной жизни, и в результате лишь создают для себя добавочные трудности.

Аналогичные проблемы могут возникнуть, когда естественная нежность и ласка родителей по отношению к детям проявляются недостаточно. Подобное поведение всегда чревато серьезными последствиями для развития ребенка. Ребенок становится настолько черствым, что оказывается не способен распознать любовь и дать ей надлежащее применение, поскольку его инстинкт нежности так и не сумел развиться. Нелегко научить ребенка, выросшего в семье, где нет любви или не принято ее выражать внешне, выражать нежность к кому бы то ни было. Его жизненной позицией станет эскапизм, бегство от любви и привязанности. То же самое может произойти, если неразумные родители, учителя или другие взрослые приучают детей считать, будто любовь и нежность якобы неприличны, смешны или немужественны. Например, многим детям внушают, что нежность — это слабость. Подобный эскапизм особенно выражен у тех детей, которые часто были мишенью для насмешек. Такие дети испытывают неподдельный страх перед внешним проявлением эмоций, так как боятся, что их желание показать свою любовь к другим смешно. Они борются с естественной нежностью, как если бы это

было орудие порабощения или деградации личности.

Таким образом, барьеры на пути развития нашей способности любить могут быть поставлены еще в раннем детстве. В результате жестокого воспитания, когда любое проявление нежности сдерживается и подавляется, ребенок уходит от окружающей действительности и понемногу теряет связи, которые имеют огромное значение для его психологического и духовного развития. Иногда среди окружающих его людей лишь один дает ему шанс сблизиться с собой; в таком случае ребенок начинает испытывать к этому другу глубокую привязанность. Вот почему встречаются личности, чей круг общения настолько узок, что ограничивается лишь одним человеком. На примере мальчика, который почувствовал себя отверженным, когда заметил, что его мать выказывает любовь только к его младшему брату, и отправился скитаться по жизни в поисках тепла и нежности, которыми был обделен в раннем детстве, можно видеть, с какими проблемами может столкнуться в жизни такой человек. Не стоит и объяснять, что развитие подобных индивидуумов чрезвычайно затруднено.

Воспитание, которому присуща чрезмерная нежность, так же вредно, как и воспитание без всякой нежности. Избалованного ребенка преследуют не меньшие проблемы, чем нелюбимого. У избалованного ребенка развивается неумеренная и ненасытная жажда любви, а в результате он привязывается к кому-нибудь и не желает отвязаться. Основываясь на неправильно истолкованном личном опыте, ребенок настолько преувеличивает ценность любви, что делает вывод, будто бы его любовь налагает на окружающих взрослых определенные обязанности. Добиться этого нетрудно — ребенок говорит родителям: «Я вас люблю, а значит, вы должны сделать то-то и то-то». В семейном кругу подобные нормы поведения довольно распространены. Стоит ребенку распознать у других такую склонность, и он начинает усиленно демонстрировать свои чувства, чтобы поставить их в большую зависимость от своего расположения.

Нужно постоянно следить, не начал ли ребенок относиться к одному из членов семьи с подобной чрезмерной привязанностью и нежностью. Не подлежит сомнению, что такое воспитание вредно повлияет на будущее ребенка. Теперь он посвятит всю жизнь борьбе за то, чтобы любыми средствами завоевать расположение окружающих. Чтобы добиться этого, он не побрезгует никакими средствами, имеющимися в его распоряжении. Он станет пытаться подчинить себе соперника — брата или сестру — или начнет ябедничать на них. Такой ребенок может даже подговаривать своих братьев на дурные поступки с тем, чтобы одному купаться в любви и

нежности своих родителей. Чтобы привлечь к себе внимание взрослых, он подвергает их давлению социальных факторов. Он может облениться или начать плохо себя вести с единственной целью — вынудить родителей посвящать себе больше времени. Он также может стать образцовым ребенком, чтобы получить в награду за это внимание других.

Таким образом, мы можем сделать вывод: если структура психики установилась, средством для достижения цели может служить все, что угодно. Чтобы достигнуть своей цели, ребенок может развиваться в антиобщественном направлении, но для достижения той же цели он может стать благовоспитаннейшим и во всех отношениях превосходным ребенком. В любой группе детей, как правило, имеется один, который добивается внимания к себе дерзким поведением, в то время как другой, более сообразительный, достигает той же цели демонстративным послушанием.

Среди избалованных детей можно выделить группу тех, с пути которых убирались любые препятствия. Потенциал и способности этих детей ослаблены мягкостью воспитания: им ни разу не предоставляли возможность взять на себя ответственность за что-либо и тем самым лишили какой бы то ни было возможности подготовиться к взрослой жизни. Никто не учил их выстраивать отношения даже с теми, кто хочет познакомиться с ними поближе, не говоря уже о тех, кто из-за трудностей и ошибок своего детства избегает контактов с людьми. Такие дети совершенно не подготовлены к жизни, так как им ни разу не выпал шанс попрактиковаться в преодолении трудностей. Стоит им покинуть тепличную атмосферу своего дома, где они — маленькие короли, и их неизбежно ждут тяжкие поражения и горькие разочарования, причина которых одна: они не могут найти никого, кто дал бы им ту чрезмерную заботу, внимание и защиту, которые они приучены принимать как должное.

Все проблемы подобного рода имеют одну общую черту: они в большей или меньшей степени ведут к изоляции ребенка. Так, например, у детей, страдающих расстройствами пищеварения, формируется особое отношение к питанию, и в результате их развитие происходит совершенно иначе, чем у детей с нормальным пищеварением. Дети с дефектами различных органов также ведут специфический образ жизни, который в конечном счете может привести их к изоляции. Есть и другие дети, которые не могут ясно осознать свое место в окружающей действительности и даже пытаются уйти от нее. Они не могут найти себе друзей, не участвуют в играх своих товарищей — либо от зависти, либо из презрения к этим играм — и замыкаются в своем мирке.

Изоляция также угрожает детям, выросшим под гнетом чрезмерно строгого воспитания. Для них окружающий мир — место неприветливое, так как они приучены ожидать от него только плохого. Они либо решают, что должны молча переносить все страдания, либо ведут себя подобно крестоносцам и вступают в борьбу с действительностью, которая всегда была к ним столь враждебной. Такие дети считают, что жизнь и налагаемые ею обязанности чрезмерно трудны, и, как легко понять, они будут заняты главным образом защитой своего маленького мирка, изо всех сил стремясь не допустить какого-либо вторжения в него. Под давлением преувеличенной осторожности у них развивается склонность обходить любую серьезную проблему стороной, чтобы избежать риска возможного поражения.

Другая общая черта всех подобных детей, свидетельствующая об их недостаточно развитом социальном чувстве, — это то, что они думают о себе больше, чем о других. Эта особенность как нельзя лучше отражает то пессимистическое видение окружающего мира, к которому они были приведены всем ходом своего развития. Для них невозможно реализовать себя и жить счастливо, если только они не смогут найти способ изменить свой неправильный образ поведения.

ИНДИВИДУУМ КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО

В главе 2 мы объяснили, что склад личности индивидуума можно познать лишь тогда, когда мы увидели индивидуума в его социальном окружении и оценили его положение в окружающем мире. Под положением мы понимаем его место в порядке вещей и его отношение к окружающей действительности и жизненным проблемам — например, к задачам, которые ставит перед ним работа, дружеские отношения и повседневное общение с другими людьми. Таким образом мы уже сумели сделать вывод, что впечатления, обрушающиеся на любого человека с самого раннего детства, оказывают влияние на его социальные установки в течение всей жизни. Мы даже способны оценить отношение ребенка к жизни, когда ему всего лишь несколько месяцев от роду. Спутать между собой поведение двух младенцев этого возраста невозможно, потому что они уже демонстрируют ярко выраженные поведенческие установки, которые по мере их взросления станут лишь яснее. Отклонений от этой схемы просто не существует.

Все мысли ребенка во все возрастающей степени проникнуты его

социальными взаимоотношениями. Первое свидетельство наличия этого врожденного социального чувства проявляется в том, что ребенок начинает искать любви, что приводит его к стремлению быть рядом со взрослыми. Любовь ребенка всегда направлена на других, а не на собственное тело, как утверждает Фрейд. В зависимости от его индивидуальных особенностей эти эротические устремления могут иметь различную интенсивность и способ выражения. У детей старше двух лет эти различия видны в речи. Лишь серьезнейшее психическое расстройство, связанное с дегенерацией личности, может заставить ребенка потерять социальное чувство, которое к этому времени уже глубоко укоренилось в нем. Это социальное чувство сохраняется в течение всей жизни — оно меняется, приобретает иную окраску, иногда сужается и ограничивается, иногда расширяется и усиливается настолько, что затрагивает не только близких членов его семьи, но и дальних родственников, его страну или народ и, наконец, все человечество. Оно может перешагнуть и эти границы и распространиться на животных, растения, неодушевленные предметы и в конечном счете — на всю вселенную. Наши исследования показывают необходимость рассматривать личность как общественное существо. Осознав это, мы получили важное подспорье для того, чтобы понять поведение человека.

4

МИР, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ

НАШ ВНУТРЕННИЙ КОСМОС

Поскольку каждый человек должен приспосабливаться к окружающей его действительности, его психика способна воспринимать из внешнего мира огромное количество впечатлений. Кроме того, психика следует определенной цели, соответствующей интерпретации мира, которую она выработала, руководствуясь поведенческими установками, возникшими в раннем детстве. Хотя мы не можем дать точное определение этой интерпретации макрокосма и этой цели, мы тем не менее можем считать, что это некая неустранимая аура, которая всегда противостоит чувству личной неполноценности. Психологическое развитие происходит только тогда, когда у личности есть цель. Постановка цели, как нам известно, предполагает способность меняться и некоторую свободу передвижения. Духовное обогащение индивидуума, происходящее благодаря свободе передвижения, не следует недооценивать. Когда ребенок впервые встает на ноги без посторонней помощи, он вступает в совершенно новый мир и зачастую ощущает враждебность этого мира. Делая первые попытки двигаться, особенно вставая на ноги и учась ходить, он испытывает различные трудности, которые могут либо укрепить, либо разрушить его надежду на лучшее будущее. Впечатления, которые взрослый счел бы маловажными или заурядными, могут оказывать громадное влияние на психику ребенка и окончательно сформировать его взгляды на мир, в котором он живет.

Так, дети, у которых имеются трудности с движением, создают себе идеал, пронизанный силой и скоростью. Мы можем распознать этот идеал, спросив их, во что они больше любят играть или кем хотят стать, когда вырастут. Обычно такие дети отвечают, что хотят быть автогонщиками, машинистами и тому подобное — что ясно указывает на желание преодолеть трудности, ограничивающие их свободу передвижения. Цель их жизни — достичь такого состояния, когда чувство собственной неполноценности и ущербности заменится полной свободой передвижения. Ясно, что подобное ощущение собственной ущербности могло возникнуть в психике ребенка, который в прошлом медленно рос или часто болел.

Аналогичным образом дети, пришедшие в этот мир с дефектами зрения, пытаются перевести весь окружающий мир в более яркие зрительные образы. Дети с дефектами слуха проявляют обостренный интерес к некоторым звукам, которые им кажутся приятными; короче говоря, они становятся «музыкальными».

Из всех орудий, с помощью которых ребенок пытается завоевать мир, органы чувств играют наиважнейшую роль в определении его основных взаимоотношений с миром, в котором он живет. Именно с помощью органов чувств он создает свою картину космоса. Прежде всего окружающую действительность воспринимают глаза, так как вниманием любого человека завладевает в первую очередь именно визуальный мир, и наш опыт главным образом складывается именно из зрительных впечатлений. Визуальная картина мира, в котором мы живем, имеет ту уникальную особенность, что она состоит из неизменных образов, и в этом ее коренное отличие от картин, рисуемых нам другими органами чувств — ухом, носом, языком и кожей, которые воспринимают лишь временные раздражители. Однако имеются индивидуумы, у которых ухо является доминирующим органом чувств. Их запас информации строится на основе акустических впечатлений. В этом случае можно говорить о психике, в строении которой доминирует слух.

Реже встречаются индивидуумы, у которых доминирует двигательная активность. Другой тип личности характеризуется обостренным интересом к обонятельным или вкусовым раздражителям; первая из упомянутых групп — те, кто более чувствителен к запахам, — в нашей цивилизации находится в несколько невыгодном положении. Кроме того, есть немало детей, у которых главенствующую роль играет мускулатура. Для этой группы характерна высокая степень тревожности, в детстве заставляющая их постоянно двигаться, а в зрелом возрасте проявлять большую активность. Таких индивидуумов интересует только деятельность, в которой основную роль играют мускулы. Их активность проявляется даже во сне, в чем может убедиться каждый, кто увидит, как они, не зная покоя, мечутся в кроватях. К этой категории мы должны отнести «непоседливых» детей, чью подвижность зачастую считают отрицательной чертой.

В общем, мы можем сказать, что в мировосприятии практически любого ребенка главенствующую роль играет какой-либо один орган или группа органов, будь то органы чувств или мускулатура. Каждый ребенок составляет себе картину мира, в котором он живет, на основе впечатлений, полученных его наиболее чувствительным органом из окружающей действительности. Следовательно, понять какого-либо человека для нас

оказывается возможным лишь тогда, когда мы знаем, какими органами чувств или группами органов он воспринимает мир в первую очередь, поскольку это накладывает свой отпечаток на все его взаимоотношения с окружающим миром. Мы сможем истолковать его действия и реакции только в том случае, если сначала поймем, какое влияние оказали в детстве органические дефекты на его отношение к миру — его картину вселенной, а следовательно, и на его дальнейшее развитие.

КАК МЫ ВИДИМ МИР

Психологическая цель, определяющая всю нашу деятельность, также влияет на выбор, степень развития и деятельность тех конкретных психологических способностей, которые придают форму и смысл нашему восприятию окружающего мира. Это объясняет тот факт, что каждый из нас познает на собственном опыте лишь ограниченную часть действительности, или какого-либо события, или даже всего мира, в котором мы живем. Все мы игнорируем целое и ценим только то, что соответствует нашей цели. Таким образом, мы не сможем до конца понять поведение того или иного человека, не уяснив себе, какую тайную цель он преследует; также мы не сможем объективно оценить все грани его поведения, пока не осознаем, что вся его деятельность подчинена этой цели.

Восприятие

Впечатления и раздражители, поступающие из внешнего мира, передаются органами чувств мозгу, где некоторые из них могут оставить свои отпечатки. На основе этих отпечатков возникают мир воображения и мир памяти. Однако восприятие личностью внешнего мира никогда не является фотографически точным, поскольку на него всегда накладывается неизгладимый след индивидуальных особенностей и качеств данной личности. Никто не воспринимает все, что видит. Два человека никогда не реагируют на одну и ту же картину одинаково. Если спросить у них, что они видели, они дадут совершенно разные ответы.

Ребенок воспринимает только те элементы окружающей действительности, которые соответствуют его поведенческой установке, сформировавшейся ранее под влиянием множества разнообразных факторов. У детей с особенно хорошо развитым зрением восприятие носит главным образом визуальный характер. Большая часть человечества, вероятно, имеет такой «перекос» восприятия в сторону зрения. Другие

заполняют мозаичную картину мира, которую они создают для себя, главным образом слуховыми впечатлениями. Этим впечатлениям не обязательно точно соответствовать реальной действительности. Любой из нас способен переделать и перекроить свои контакты с окружающим миром таким образом, чтобы они соответствовали его жизненным установкам. Индивидуальность и неповторимость любого человека состоит в том, что он воспринимает и как он это воспринимает. Восприятие — нечто большее, чем просто физическое явление; это психологическая функция, на основании которой мы можем делать наиболее далеко идущие выводы, касающиеся внутреннего мира индивидуума.

Память

Как мы видели в главе 1, развитие психики неразрывно связано с подвижностью живого организма и ее деятельность определяется целью и задачами его движения. Индивидууму необходимо осознавать и систематизировать свои взаимоотношения с миром, в котором он живет, и его психика, будучи органом адаптации, должна развивать те способности, которые играют определенную роль в его защите или имеют другое значение для его самосохранения. Одной из таких способностей является память, функции которой определяются необходимостью адаптации. Без воспоминаний о прошлом было бы невозможно принимать меры предосторожности в будущем. Отсюда можно сделать вывод, что во всех наших воспоминаниях заложена неосознанная цель; они не являются случайными явлениями, а несут четкую информацию, либо поощрительную, либо предостерегающую. Случайных или бессмысленных воспоминаний не существует. Память избирательна. Мы можем оценить то или иное воспоминание только в том случае, когда можем уверенно сказать, какова его цель и назначение. Не нужно задаваться вопросом, почему мы одно помним, а другое забываем. Мы помним те события, воспоминания о которых важны для нас по конкретной психологической причине, поскольку эти воспоминания способствуют какому-то важному, хотя и скрытому от глаз импульсу. Аналогичным образом мы забываем о тех событиях, которые отвлекают нас от выполнения некоего плана. Таким образом, мы обнаруживаем, что память также подчинена процессу целенаправленной адаптации и что над каждым из воспоминаний доминирует объединяющая тема или цель, определяющая все развитие личности. Прочно закрепившееся воспоминание, даже искаженное (часто это бывает с детьми, чьи воспоминания нередко «перевернуты» или односторонни), может возникнуть в нашем подсознании и представать в качестве социальной установки, эмоционального отношения или даже

философской точки зрения, если это необходимо для достижения желаемой цели.

Воображение

Нигде неповторимость личности не проявляется в большей степени, как в результатах ее воображения. Под воображением мы понимаем возможность восприятия, не зависящую от наличия предмета, являющегося причиной этого восприятия. Другими словами, процесс воображения повторяет процесс восприятия и является еще одним примером творческих возможностей нашей психики. Результат воображения — это не только повторение имевшего место в прошлом восприятия (которое само по себе является результатом творческих способностей души), но и совершенно новый и уникальный продукт, образовавшийся на его основе подобно тому, как первоначальное восприятие строилось на основе физических ощущений.

Некоторые фантазии далеко превосходят своей четкостью обычные воображаемые картины. Такие видения кажутся настолько яркими и реальными, что они перестают быть простыми фантазиями и даже влияют на поведение данного индивидуума подобно объективным раздражителям. Когда фантазии приобретают подобную степень реальности, мы называем их галлюцинациями.

Условия появления галлюцинаций ничем не отличаются от тех условий, что порождают грезы. Каждая галлюцинация является художественным созданием психики, замысленным и исполненным в соответствии с целями и задачами данного индивидуума, создавшего ее. Позвольте мне проиллюстрировать этот тезис примером.

Интеллигентная молодая женщина вышла замуж против воли родителей. Этот поступок так рассердил ее родителей, что они порвали с ней всякие отношения. С течением времени молодая женщина уверилась в том, что родители обошли ее дурно, однако все попытки примирения терпели неудачу из-за гордости и упрямства обеих сторон. В результате своего брака эта женщина, принадлежавшая к богатой аристократической семье, оказалась в довольно стесненных обстоятельствах. Однако несмотря на это никто не мог заметить каких-либо признаков разлада в ее семейной жизни. Всем могло бы показаться, что она очень хорошо приспособилась к новым обстоятельствам, если бы не появление в ее жизни весьма странного феномена.

В детстве эту девушку всегда баловал отец. Они были так близки друг другу, что их нынешний разрыв казался еще более удивительным. Однако после ее брака отец обращался с ней очень дурно, и пропасть между ними

все углублялась. Даже когда у нее родился ребенок, родителей оказалось невозможно уговорить приехать к дочери в гости, чтобы посмотреть на своего внука. Молодая женщина была возмущена жестоким отношением родителей к себе, тем более что она была человеком очень амбициозным, а кроме того, ее задело за живое то, что они к ней так относились как раз в тот момент, когда ей следовало быказатьуважение. Мы должны заметить, что все поведение этой молодой женщины определялось ее амбициозностью; именно эта черта характера дает нам возможность понять, почему разрыв с родителями произвел на нее такое сильное впечатление.

Ее мать была строгой и самодовольной женщиной, которая обладала многими хорошими качествами, но дочь держала в ежовых рукавицах. Она умела подчиняться мужу — по крайней мере внешне, — ничем не поступаясь; более того, она всячески выставляла напоказ это свое подчинение и считала, что оказывает тем самым своему супругу честь. Кроме дочери, у нее был еще сын, который, как считалось, пошел в отца и должен был унаследовать родовой титул. То, что родители ценили его гораздо больше сестры, лишь усилило амбициозность последней. Трудности и бедность, с которыми эта молодая женщина, воспитанная до некоторой степени в тепличной атмосфере, столкнулась в браке, теперь заставляли ее постоянно думать со все усиливающимся возмущением о том, как дурно с ней поступили родители.

Однажды ночью, прежде чем она заснула, ей показалось, что дверь открылась, к ее постели подошла Дева Мария и произнесла: «Я тебя очень люблю и поэтому должна тебе сказать, что ты умрешь в середине декабря. Я не хочу, чтобы ты оказалась неподготовленной к этому».

Молодую женщину это видение не испугало, однако она разбудила мужа и рассказала ему обо всем. На следующий день она пошла к врачу и рассказала ему о своей галлюцинации. Пациентка утверждала, что видела и слышала все совершенно отчетливо. На первый взгляд это кажется невозможным, однако если призвать на помощь наши познания в психологии, все становится на свои места. Ситуация такова: пациентка — очень амбициозная молодая женщина, которая, как показывает история болезни, имеет склонность подчинять себе всех вокруг, порывает с родителями и впадает в бедность. Вполне понятно, что человек в стремлении стать господином той физической сферы, в которой он живет, должен сделать попытку обратиться к Богу и общаться с ним. Если бы разговор с Девой Марией произошел всего лишь во время молитвы, никто бы не придал этому особого значения. Однако нашей молодой женщине

требовалось более действенное средство.

Это явление теряет всю свою таинственность, как только мы поймем, какие шутки способна с нами играть наша психика. Разве не каждому человеку в подобной ситуации снятся сны? Есть лишь одно отличие: эта молодая женщина может видеть сны наяву. Кроме того, мы должны добавить, что подавленное настроение, в котором она пребывала, держало ее в большом напряжении. Галлюцинируя, женщина, отвергнутая своей матерью, видит, как к ней снисходит другая мать — более того, та Мать, которая согласно общепринятым представлениям считается самой великой Матерью на свете. Эти две матери должны в некотором смысле противостоять друг другу. Богоматерь явилась нашей пациентке потому, что к ней не пришла ее родная мать. Это видение — обвинение родной матери в недостаточной любви к своему ребенку.

Молодая женщина ищет какой-то способ доказать неправоту своих родителей. Середина декабря — время очень знаменательное. У многих народов в это время года люди стараются улучшить свои взаимоотношения, становятся добре друг к другу, обмениваются подарками и тому подобное. Именно в это время примирение становится более вероятным, так что, как мы можем понять, этот период имеет особое значение для нашей пациентки в ее положении.

Единственной странностью в этой галлюцинации кажется то, что после дружеского приветствия Богоматерь сообщает молодой женщине печальную новость о ее смерти в ближайшее время. Важен и тот факт, что пациентка рассказала о своем видении мужу почти счастливым голосом. Весть об этом пророчестве быстро проникла за пределы узкого круга семьи пациентки и оказалась надежным средством заставить ее родную мать приехать к ней.

Несколько дней спустя Дева Мария снова явилась молодой женщине и произнесла те же самые слова. Когда пациентке был задан вопрос, как прошла ее встреча с матерью, та ответила, что мать отказалась признать свою неправоту. Таким образом, как мы видим, здесь снова возникает прежняя тема. Желание пациентки доминировать над своей матерью пока что не было удовлетворено.

В это время была предпринята попытка помочь родителям осознать, что же на самом деле происходит с их дочерью. В результате между пациенткой и ее отцом произошла очень милая встреча. То была трогательная сцена, однако пациентка по-прежнему осталась не удовлетворена, так как в поведении отца она усмотрела какую-то неискренность. Она пожаловалась, что он заставил ее слишком долго

ждать. Даже одержав победу, она не могла избавиться от желания доказать, что все остальные были неправы, и вставала в позу торжествующей победительницы.

Описания галлюцинаций, встречающиеся в воспоминаниях путешественников и землепроходцев, общеизвестны. Понятно, что напряжение, возникающее, когда жизнь человека подвергается опасности, подстегивает воображение, давая человеку возможность уйти от гнетущих реалий его нынешнего положения. С другой стороны, галлюцинация может послужить и наркотиком, который успокаивает его страхи.

Галлюцинации не являются для нас чем-то новым, поскольку мы уже встречались с аналогичными явлениями в механизме памяти и воображения. Такие же процессы мы наблюдаем при анализе сновидений. Когда наше воображение акцентировано, а способность к критике отключена, воспроизвести явление галлюцинации нетрудно. Будучи в нужде или опасности, а также под давлением ситуации, в которой наше могущество оказывается под угрозой, мы можем попытаться избавиться от чувства слабости и преодолеть его с помощью этого механизма. Чем сильнее стресс, тем меньше мы будем пользоваться нашими критическими способностями. В подобных условиях, когда лозунг момента — «Спасайся кто может!», любой человек в состоянии предельным напряжением умственной энергии заставить свое воображение спроектироваться в галлюцинацию.

Иллюзии находятся в тесной связи с галлюцинациями. Единственное различие между ними в том, что в иллюзиях контакт с окружающей действительностью до некоторой степени сохраняется, однако он неправильно интерпретирован; фоновая ситуация и чувство стресса одинаковы. Вот другая история болезни, которая демонстрирует, как творческие способности психики могут при необходимости порождать либо иллюзии, либо галлюцинации.

Человек из очень хорошей семьи, который не смог ничего добиться в жизни из-за недостаточного образования, занимал незначительную должность делопроизводителя. Он оставил всякую надежду когда-либо добиться успеха. Он тяжело переживал свое незавидное положение, к тому же стресс усиливал упреки друзей. В этих условиях он запил, что обеспечивало ему и забвение своих невзгод, и оправдание своих неудач. Через некоторое время его привезли в больницу в состоянии белой горячки. Горячечный бред очень похож на галлюцинации. В бреду, порожденном алкогольным токсикозом, больным зачастую чудятся мелкие животные — например, мыши, а также насекомые или змеи. Могут появляться и другие

видения, имеющие отношение к профессии пациента.

Наш пациент попал в руки врачей, которые крайне отрицательно относились к злоупотреблению алкоголем. Они подвергли его тщательному лечению, и он полностью избавился от алкоголизма. Выйдя из больницы, он не прикасался к алкоголю три года, но затем вернулся в больницу с новыми жалобами. Пациент сказал, что все время видит ухмыляющегося человека, который искоса посматривает на то, как он работает; а трудился он теперь чернорабочим. Однажды, когда этот человек стал над ним смеяться, пациент вышел из себя, взял свою кирку и бросил в него, чтобы проверить, живой это человек или всего лишь видение. Видение увернулось от его метательного снаряда, но тут же набросилось на него и избило до полусмерти. В этом случае мы имеем дело не с простым видением, поскольку у галлюцинации оказались вполне реальные кулаки. Однако объяснение найти нетрудно: пациент привык галлюцинировать, но кирку он бросил в живого человека.

Хотя пациент освободился от желания пить, его общественное положение стало еще ниже, чем до лечения. Он потерял работу, его выселили из дома и теперь ему приходилось зарабатывать на жизнь поденным трудом, который он и его друзья считали чем-то недопустимо низким. Психический стресс, в котором он жил, не уменьшился. Освободившись от алкоголизма, этот человек на самом деле потерял важное утешение. Благодаря алкоголю он мог смириться со своей прежней работой, так как, если дома его слишком громко упрекали в том, что он неудачник, оправдываться своим пьянством ему было менее стыдно, нежели признать, что он не способен удержаться на работе лучшей, чем эта. После излечения он снова оказался лицом к лицу с реальностью, а его положение нисколько не улучшилось. Если бы он и теперь потерпел неудачу, ему бы нечего было утешиться и некого винить, даже алкоголь.

В этой стрессовой ситуации галлюцинации появились вновь. Пациент отождествил себя со своим прежним положением и начал видеть мир так, как если бы он по-прежнему был пьяницей. Своим поведением он как бы заявлял миру: «Я загубил пьянством всю свою жизнь, и теперь уже с этим ничего не поделаешь». Благодаря болезни он надеялся избавиться от непrestижной, а значит, и очень неприятной для него работы землемера, не принимая по этому поводу самостоятельно никаких решений. Описанная выше галлюцинация продолжалась долгое время, пока пациента наконец не положили снова в больницу. Теперь он мог утешаться мыслью, что сумел бы многоного достигнуть, если бы алкоголизм не загубил всю его жизнь. Такая стратегия помогала ему сохранять чувство самоуважения. Не

потерять уважения к себе было для него важнее, чем трудиться. Все его усилия были направлены на то, чтобы сохранить свое убеждение, будто он мог бы свершить великие дела, если бы его не постигло несчастье. Благодаря этому пациент полагал, будто он ничем не хуже других, однако у него на пути имеется непреодолимое препятствие. Отчаянные поиски утешительной отговорки породили галлюцинацию с ухмыляющимся человеком; это видение должно было спасти его уважение к себе.

5

ГРАНИ НЕРЕАЛЬНОГО

ФАНТАЗИЯ

Фантазия является еще одной творческой способностью нашей психики. Следы ее деятельности можно обнаружить в различных явлениях, уже описанных нами. Подобно отчетливому проецированию нашим сознанием тех или иных воспоминаний или возведению причудливых строений нашим воображением, фантазия и мечты являются разновидностью творческой деятельности психики. Способность предвидеть и предрешать, необходимая любому организму, умеющему двигаться, также является важной составной частью фантазии. Фантазия связана с подвижностью человеческого организма и, по существу, есть не что иное, как один из методов предвидения.

Фантазии детей и взрослых, которые иногда называют мечтами, всегда связаны с будущим. Эти «воздушные замки» являются их целью, созданной воображением в качестве образца для реальной деятельности. Исследования детских фантазий ясно показывают, что стремление к власти над другими играет в них доминирующую роль. В своих мечтах дети выражают свои амбиции. Большая часть их фантазий начинается со слов «когда я вырасту» и так далее. Есть немало взрослых, которые тоже живут так, будто они еще не выросли. То, что стремлению к власти очевидно придается особое значение, еще раз демонстрирует — психика может развиваться лишь тогда, когда перед личностью поставлена некая цель; в нашей цивилизации эта цель подразумевает общественное признание и положение. Личность никогда не остается надолго с какой-нибудь нейтральной целью, так как жить среди людей — значит непрерывно оценивать себя, а это порождает желание главенствовать и надежду на успех в соревновании. В детских фантазиях почти всегда встречаются ситуации, в которых ребенок над кем-то властвует. Нам не следует обобщать, поскольку установить для фантазии или воображения какой-то предел невозможно. Сказанное нами во многих случаях верно, однако в других ситуациях может оказаться неприменимым. У детей с агрессивным подходом к жизни способность фантазировать развивается в большей степени потому, что их отношение к другим вынуждает их более надежно

защищаться. А у очень слабых детей, жизнь которых не всегда приятна, способность фантазировать крайне развита, и они особенно склонны замыкаться в своем вымыщенном мирке. На определенном этапе их развития способность фантазировать может стать способом ухода от реальной жизни. Фантазией можно злоупотребить, отвергнув ради нее действительность, и в таком случае она становится для индивидуума чем-то вроде ковра-самолета, на котором он воспаряет над убожеством этой жизни силой своего воображения.

Наряду со стремлением к власти, социальное чувство также играет важную роль в нашем мире фантазий. В детских фантазиях стремление к власти почти всегда включает в себя какое-то применение этой власти в социальных целях. Мы ясно видим подобную особенность в тех фантазиях, где мечтатель становится спасителем или рыцарем, торжествующим над силами зла и угнетения. Нередко также встречаются фантазии, в которых ребенок не принадлежит к своей семье. Многие дети верят, что на самом деле они родились в другой семье и когда-нибудь их настоящие родители, люди высокого положения, придут и заберут их к себе. Чаще всего такие фантазии наблюдаются у детей с глубоким чувством неполноценности. Они чувствуют себя обделенными любовью и расположением или оттесненными на задний план в кругу своей семьи и поэтому придумывают для себя новую семью. Идеи величия проявляются еще в одном отношении: весьма часто ребенок действует так, будто он уже вырос. Иногда эта фантазия приобретает едва ли не патологические черты — например, у мальчиков, которые пытаются пользоваться отцовской пеной для бритья или пробуют курить его сигареты, или у девушек, которые решают, что им хочется стать мужчинами, а потому одеваются и ведут себя так, как больше пристало юношам.

Считается, что у некоторых детей нет воображения. Это безусловное заблуждение. Либо такие дети не могут выразить себя, либо есть какие-то причины, которые заставляют их отгонять свои фантазии. Подавляя воображение, ребенок может ощущать себя сильным. В своем отчаянном стремлении приспособиться к реалиям взрослого мира такие дети считают, что фантазии — это ребячество, и отказываются предаваться им; в некоторых случаях эта антипатия заходит настолько далеко, что кажется, будто ребенок абсолютно лишен воображения.

СНОВИДЕНИЯ: ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Кроме дневных грез, описанных выше, мы должны проанализировать ту важную и многозначную деятельность, которая происходит во время нашего сна, — «ночные» грезы. В принципе можно сказать, что сновидение — это повторение того же процесса, который имеет место в дневных грезах. Опытные психологи уже указывали на то, что характер человека можно легко распознать по его сновидениям. Фактически сновидения чрезвычайно занимали человечество с самого начала истории. В сновидении, как и в дневных грезах, мы имеем дело с попыткой предначертать, спланировать и направить будущую жизнь к конечной цели — безопасному существованию. Наиболее очевидное различие состоит в том, что дневные грезы сравнительно легко понять, в то время как постигнуть смысл сновидений удается лишь изредка. Неудивительно, что сновидения трудно поддаются расшифровке, и из этого мы легко могли бы заключить, что, следовательно, сновидения суть нечто излишнее и не имеющее значения. Пока достаточно сказать, что у индивидуума, который старается преодолеть трудности и обеспечить свое положение в будущем, стремление к власти отражается в сновидениях. Сновидения дают нам важные ключи к проблемам эмоциональной жизни человека.

ЭМПАТИЯ И ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ

Психика имеет способность не только воспринимать то, что существует реально, но также предчувствовать или предугадывать то, что произойдет в будущем. Это важное добавление к функции предвидения, которая необходима любому организму, способному двигаться, поскольку такому организму постоянно приходится решать задачи адаптации к окружающей действительности. Эта способность также связана со способностью к отождествлению, или эмпатии, которая у людей чрезвычайно развита. Уровень ее развития настолько высок, что ее можно найти в любом уголке любой души, и необходимость предвидения является главным условием ее существования. Если мы должны предрешать и предсказывать, как нам следует поступить в той или иной возможной ситуации, то мы должны научиться принимать верное решение, соотнося наши мышление, чувства и восприятие. Нужно найти точку зрения, с которой мы сможем действовать в новой ситуации либо более энергично, чтобы разрешить ее, либо более осторожно, чтобы избежать.

Эмпатия происходит в тот момент, когда один человек говорит с другим. Невозможно понять другую личность, если одновременно не

отождествлять себя с ней. Театр — это наиболее открытое художественное выражение эмпатии, поскольку благодаря искусству драматурга мы с готовностью отождествляем себя с героями на сцене и мысленно играем самые разнообразные роли. Примерами эмпатии в повседневной жизни могут быть случаи, когда мы ощущаем странное беспокойство, видя другого человека в опасности. Эта эмпатия может быть настолько сильной, что мы делаем невольные движения, чтобы защитить себя, хотя нам лично ничто не угрожает; всем известно, как неосознанно реагируют люди, если кто-то среди нихроняет бокал! В кегельбане можно наблюдать, как некоторые игроки, следя за катящимся шаром, делают невольные телодвижения, будто пытаясь повлиять на него. Еще один общеизвестный пример — пассажиры автомобиля, которые нажимают на воображаемую тормозную педаль всякий раз, когда они ощущают себя в опасности. Мало кто способен наблюдать за работой человека, моющего окна высокого здания, не вздрагивая от страха, а когда оратор теряет нить мысли и не может продолжать речь, вся его аудитория ощущает неловкость и смущение. Вся наша жизнь в большой степени зависит от этой способности к отождествлению себя с другими. Если мы станем искать истоки этой способности действовать и чувствовать так, будто мы — не мы, а кто-то другой, то сможем найти их в способности сочувствовать другим, которая дана каждому человеку от рождения. Это чувство присуще всем, оно отражает единство вселенной, частью которой каждый из нас является; это неотъемлемая черта любого человеческого существа. Оно дает нам возможность отождествить себя с тем, что находится за пределами нашего непосредственного опыта.

Подобно тому, как имеются различные степени социального чувства или общественного духа, существуют также различные степени эмпатии. Это можно наблюдать уже в детстве. Одни дети играют с куклами так, будто это люди, между тем как другим интереснее посмотреть, из чего они сделаны. Развитие личности может совершенно прекратиться, если она начнет переносить общественные отношения между людьми на животных или неодушевленные предметы.

Случай проявления жестокости к животным у детей возможны лишь при почти полном отсутствии социального чувства и способности сопереживать другим живым существам. Вследствие такого дефекта дети начинают интересоваться тем, что имеет очень малую ценность или значение для их превращения в членов общества. Эта неспособность поставить себя на место другого, сопереживать ему, может зайти настолько далеко, что человек иногда полностью отказывается от общения с себе-

подобными.

ВЛИЯНИЕ, ВНУШЕНИЕ И ГИПНОЗ

Психология личности отвечает на вопрос «Как для одного индивидуума оказывается возможным влиять на поведение другого?» следующим образом: восприимчивость к влиянию других — одно из важнейших проявлений нашей психики. Общественный образ жизни был бы невозможен, если бы один индивидуум не мог влиять на другого. В некоторых случаях эта особенность оказывается акцентированной — например, во взаимоотношениях между учителем и учеником или родителем и ребенком. Благодаря врожденному социальному чувству люди подчиняются влиянию друг друга в той или иной степени по доброй воле. Степень этой добровольности зависит от того, насколько человек, оказывающий влияние, признает права человека, являющегося объектом этого влияния. Невозможно долгое время претендовать на уважение человека, которому мы причиняем зло. Наше влияние на другого наиболее эффективно тогда, когда тот человек чувствует, что его права защищены. Этот момент очень важен для педагогики. Может быть, и удастся представить себе и даже создать какую-нибудь другую педагогическую систему, однако система, принимающая во внимание этот момент, будет эффективной, поскольку она апеллирует к самому древнему инстинкту человека — его чувству единства с человечеством и вселенной.

Этот подход окажется бесполезным только в том случае, когда мы имеем дело с человеком, который по собственной воле вышел из-под влияния общества. Такой уход происходит не случайно. Ему должна предшествовать продолжительная битва, во время которой человек малопомалу разрывается свои связи с миром, пока, наконец, он не переходит в открытую оппозицию обществу. После этого влиять на его поведение становится трудно или невозможно, и мы наблюдаем драматическое зрелище — человек встречает любую попытку повлиять на него ожесточенным сопротивлением.

Дети, которые чувствуют, что окружающая действительность подавляет их, скорее всего будут труднообучаемыми. Тем не менее бывают случаи, когда внешнее давление настолько велико, что оно сметает все препятствия, в результате чего авторитарное влияние сохраняется и ему повинуются. Однако легко показать, что подобное влияние не идет на пользу обществу. Иногда оно принимает такой гротескный вид, что

приученный к повиновению индивидуум становится нежизнеспособным, так как его привычка к рабскому повиновению лишает его возможности действовать и мыслить самостоятельно. Опасность развития этой склонности к подчинению можно наблюдать на примере послушных детей, которые и после того, как выросли, с готовностью подчиняются любым приказаниям, даже если Для этого необходимо преступить закон.

Интересным примером того, как действует подчинение и подавление, являются шайки преступников. Те, кто выполняют приказания главаря, слепо подчиняются ему, в то время как он сам обычно держится от происходящего на почтительном расстоянии. Почти в каждом серьезном судебном процессе над преступной группой козлом отпущения оказывался какой-нибудь угодливый человечек. Подобное беспредельное, слепое повиновение доходит до такой невероятной степени, что порой встречаются люди, которые даже гордятся своим раболепием и видят в нем способ самоутверждения.

Если мы ограничимся лишь случаями нормального взаимного влияния, мы обнаружим, что наиболее восприимчивы к влиянию те люди, которые лучше всего воспринимают голос разума и логики, те, чье социальное чувство меньше всего искажено. С другой стороны, те, кто жаждет главенствовать и желает подавлять, очень трудно поддаются влиянию. С примерами такой закономерности мы сталкиваемся ежедневно.

Редко можно встретить родителей, жалующихся на беспрекословное послушание своего ребенка. Наиболее распространены жалобы на непослушание. Если мы расспросим таких детей, окажется, что они чувствуют себя в чем-то ущемленными и протестуют против этого, пытаясь преодолеть ограничения, которые накладывает на них окружающая действительность. С ними обращались дома так, что нормальное обучение сделалось для них невозможным.

Сила нашего стремления к власти над другими обратно пропорциональна степени нашей обучаемости. Несмотря на это, главной целью семейного воспитания в большинстве случаев является подстегивание честолюбия ребенка и внушение ему идеи собственного величия. Это происходит не по недомыслию, а оттого, что подобными грандиозными заблуждениями проникнута вся наша культура. В семье, как и в обществе в целом, наибольшее внимание обращают на самое большое, самое лучшее, самое знаменитое. В главе о тщеславии нам представится возможность показать, насколько несовместим такой метод с общественной жизнью и как затруднено может быть развитие интеллекта препятствиями, которые на его пути ставит честолюбие.

Индивидуумы, с легкостью меняющие свою позицию под влиянием малейших изменений в ситуации из-за своей привычки к беспрекословному послушанию, подобны объектам гипнотизера. Представьте себе, что вам в течение нескольких минут необходимо подчиняться каждой прихоти, которую захочет высказать любой желающий! В основе гипноза лежит идея подчинения. Человек может говорить и даже верить, что он согласен быть загипнотизированным, однако психологическая готовность к подчинению может отсутствовать. Другой индивидуум может сопротивляться на уровне сознания, но тем не менее подсознательно он согласен подчиниться. Во время гипноза поведение объекта определяет только его психологическая установка. То, что он говорит или думает, не имеет никакого значения. Недопонимание этого факта стало причиной появления большого количества ложных слухов относительно гипноза. Нас, как правило, заботит судьба индивидуумов, которые внешне сопротивляются гипнозу, однако подсознательно согласны подчиниться требованиям гипнотизера. Степень этой готовности к подчинению может варьироваться от одного объекта к другому, а следовательно, и влияние гипноза также индивидуально. Степень готовности быть загипнотизированным никогда не зависит от воли гипнотизера. Ее определяет лишь установка объекта.

В основе своей гипноз походит на сон. Его тайна заключается только в том, что в этот сон можно погрузиться по приказу другого человека, а приказ этот действует только тогда, когда он отдается кому-то, кто согласен ему подчиниться. Определяющими факторами, как обычно, являются натура и характер объекта. Загипнотизировать можно лишь того, кто согласен исполнять требования другого, не применяя своих способностей к критике. Гипноз отличается от обычного сна тем, что он подчиняет способность к движению до такой степени, что даже моторные центры мобилизуются по команде гипнотизера. Все, что остается от сна в этом состоянии, — это легкая дремота, и о происшедшем запоминается только то, что позволит запомнить гипнотизер. Наиболее важная черта гипноза: в гипнотическом трансе наша способность к критике, этот драгоценнейший дар нашей души, полностью парализована. Загипнотизированный объект становится, так сказать, орудием гипнотизера, органом, действующим по его приказу.

Большинство людей, имеющих сильно развитую способность влиять на поведение других, приписывают ее какой-то присущей им таинственной власти. Это причиняет огромный вред, и не в последнюю очередь нужно указать на пагубную деятельность эстрадных гипнотизеров. Эти шарлатаны совершают такие тяжкие преступления против человечества,

что ради своих гнусных целей они прибегнут к любым средствам. Это не означает, будто все, что они делают, — жульничество. К несчастью, человеческое существо настолько способно подчиняться другим, что оно может стать жертвой любого, кто делает вид, будто обладает некими особыми силами. Слишком у многих людей вошло в привычку принимать авторитеты на веру. Публика сама желает, чтобы ее дурачили. Она готова поверить любым рассказням, не проверяя их фактическую сторону. Такая деятельность не привнесет в жизнь общества никакого порядка, а будет лишь снова и снова приводить к бунту обманутых. Ни один эстрадный гипнотизер не пользовался успехом сколько-нибудь длительное время. Зачастую они встречали какой-нибудь так называемый объект, который их морочил. Порой это случалось даже с выдающимися учеными, пытавшимися продемонстрировать свои способности. Другие случаи представляют собой любопытную смесь правды и лжи: объект оказывался, если можно так выразиться, обманутым обманщиком: отчасти он дурачил гипнотизера, но тем не менее подпадал под его волю. Главная движущая сила здесь — это всегда не воля гипнотизера, а готовность объекта подчиниться влиянию гипнотизера. На объект не влияет никакая магическая сила, разве что способность гипнотизера притворяться. Всякий, кто привык в жизни опираться на разум, кто принимает решения самостоятельно, кто не исполняет, не рассуждая, чьи бы то ни было распоряжения, не сможет быть загипнотизирован, а следовательно, не сможет и проявлять каких-либо телепатических способностей. Гипноз и телепатия — это лишь проявления рабского послушания.

В связи с этим мы должны также остановиться на внушении. Суть внушения лучше всего можно понять, если мы включим его в категорию впечатлений и раздражителей. Само собой разумеется, что никто из людей не находится под воздействием раздражителей лишь время от времени. Все мы постоянно испытываем влияние бесчисленных раздражителей, поступающих из внешнего мира. Кроме того, мы не просто воспринимаем эти раздражители; каждый из них оказывает на нас какое-то воздействие. Будучи однажды испытанным, впечатление продолжает действовать на нас. Когда впечатление принимает вид требований и просьб другого человека, его доводов и попыток в чем-то нас убедить, мы называем это внушением. В данном случае происходит либо перемена, либо подкрепление убеждений, уже имевшихся у человека, который получает внушение. Более серьезная проблема заключена в том, что люди реагируют на поступающие из внешнего мира раздражители по-разному. Степень восприимчивости индивидуума к посторонним влияниям напрямую

связана со степенью его независимости.

В этой связи нам следует помнить, что существуют два типа людей. Одни всегда преувеличивают вескость чужих мнений и, следовательно, недооценивают свои, независимо от того, правы они или нет. Такие индивидуумы исключительно восприимчивы к внушению или гипнозу. Второй тип воспринимает любой раздражитель или внушение как личное оскорбление. Есть индивидуумы, которые полагают, что только их мнение правильно. Им безразлично, так ли это на самом деле или нет. Они игнорируют любое мнение, высказанное другими. Оба этих типа людей бессознательно ощущают свою слабость. У первых эта слабость выражена в форме подчинения, у вторых — в неспособности прислушиваться к чужим мнениям. Люди этой категории обычно очень агрессивны, хотя могут гордиться своей готовностью выслушать других. Однако они говорят об этой своей готовности и благородстве лишь для того, чтобы укрепиться в своем обособлении; на самом деле они абсолютно лишены терпимости, и повлиять на них очень сложно.

6

КОМПЛЕКС НЕПОЛНОЦЕННОСТИ

РАННЕЕ ДЕТСТВО

Теперь мы можем понять, что отношение обделенных жизнью детей к жизни как таковой и к себе подобным отличается от взглядов тех, для кого бытие было радостью с самого раннего возраста. Мы можем констатировать следующий непреложный закон: у людей, появившихся на свет с физическими недостатками, детские годы проходят в ожесточенной борьбе, которая зачастую приводит к угасанию их социальных чувств. Вместо того чтобы пытаться приспособиться к окружающим, они все время озабочены собой и впечатлением, которое производят на других. Этот тезис, верный в отношении физических недостатков, верен также и в отношении любой социальной или экономической неполноценности, которая может вызвать чувство ущербности, что в конечном счете приведет к враждебному отношению ко всему миру.

Раннее детство имеет для этого решающее значение. За частую уже в возрасте двух лет такие дети осознают, что они в чем-то хуже приспособлены к жизненной борьбе, чем их товарищи по играм. Они чувствуют, что им нельзя участвовать в играх и развлечениях сверстников. Испытав в прошлом лишения, они чувствуют, что ими пренебрегают, и это выражается в постоянном тревожном ожидании. Нам следует помнить, что любой ребенок занимает в жизни подчиненное и зависимое положение. Не прояви его семья в той или иной мере социальное чувство, он бы оказался неспособен к самостоятельному существованию. Видя, как слаб и беспомощен любой ребенок, мы понимаем, что в начале жизни всякий испытывает глубокое чувство собственной неполноценности. Рано или поздно каждый ребенок осознает свою неспособность в одиночку справиться с трудностями повседневного существования. Чувство неполноценности — это движущая сила, исходная точка стремлений всякого ребенка. Оно определяет, как удастся данному ребенку добиться покоя и уверенности в себе, оно определяет саму цель его существования и подготавливает на котором эта цель может быть достигнута.

В своей основе умственные способности ребенка тесно связаны с его физическим потенциалом. Восприимчивость к обучению может быть

подорвана двумя факторами. Один из этих факторов — преувеличение, интенсивное, некомпенсированное чувство собственной неполноценности, а другой — цель, которая требует не только уверенности в себе, мира и социального равновесия, но также борьбы за власть над окружающим миром, цель доминировать над себе подобными. Таких детей легко отличить. Они становятся «трудными» потому, что считают свою жизнь состоящей из одних неудач, а себя полагают заброшенными и обиженными как природой, так и человечеством. Достаточно только упомянуть об этих факторах, чтобы увидеть, насколько велика вероятность того, что развитие ребенка может пойти по кривому, неправильному, ошибочному пути. Каждый ребенок рискует развиться в неправильном направлении. Каждый ребенок рано или поздно оказывается в ситуации, которая чревата опасностью.

Поскольку каждому ребенку приходится расти в окружении взрослых, он предрасположен считать себя маленьким, слабым и неспособным жить самостоятельно. Он не верит, что сможет исполнить даже те простые дела, на которые его считают способным взрослые, красиво и без ошибок. Большинство наших промахов в воспитании детей начинаются именно в этот момент. Когда мы требуем от ребенка большего, чем то, на что он способен, мы его попрекаем его беспомощностью. Некоторые взрослые даже сознательно заставляют детей ощущать свою недоразвитость и беспомощность. Одни обращаются с детьми как с живыми куклами для игры. Другие считают детей ценной собственностью, требующей бдительного присмотра, а трети дают детям понять, что они не более чем бесполезная обуза. Сочетание таких установок со стороны родителей и других взрослых часто приводит ребенка к убеждению, что он способен делать только две вещи — доставлять удовольствие или неудовольствие старшим.

В дальнейшем этот комплекс неполноценности, внущенный родителями, может усилиться вследствие некоторых особенностей нашей цивилизации. Привычка не принимать детей всерьез принадлежит к их числу. Ребенку внушается, что он — никто, бесправное создание; что его должно быть видно, но не слышно; что он должен всегда быть вежливым, тихим и так далее. Многие дети растут в постоянном страхе перед тем, что над ними будут смеяться. Позволять себе насмешки над детьми — это почти преступление. Они оставляют в душе ребенка неизгладимый след, который влияет на его привычки и поступки во взрослой жизни. Взрослого, которого в детстве постоянно высмеивали, нетрудно отличить от других: он не может избавиться от страха вновь показаться смешным. Еще одно

проявление обычая не принимать детей всерьез — это привычка говорить детям явную ложь, в результате чего ребенок начинает сомневаться не только в окружающей действительности, но и ставить под вопрос серьезность и реальность всей жизни. Известны случаи, когда дети постоянно смеялись на уроках без всякой видимой причины. Когда их расспрашивали, они признались, что думали, будто школа — это одна из шуток их родителей и ее не следует принимать всерьез.

КОМПЕНСАЦИЯ: БОРЬБА ЗА САМОУТВЕРЖДЕНИЕ И ПРЕВОСХОДСТВО

Именно чувство неполноценности, неадекватности и неуверенности определяет цель существования индивидуума. Желание быть центром всеобщего внимания и требовать внимания родителей появляется уже в первые дни жизни. Здесь можно обнаружить первые признаки того, что пробуждающееся желание добиться признания развивается параллельно чувству собственной неполноценности. Цель этого желания — достичь такого положения, когда индивидуум выглядит превосходящим свое окружение.

Определить характер желаемого превосходства личности помогает степень развития и качество ее социального чувства. Мы не можем судить о поведении какого бы то ни было индивидуума, будь то ребенок или взрослый, не сравнив сущность его цели личного превосходства с его социальным чувством. Его цель построена таким образом, что ее достижение предполагает возможность либо получения чувства превосходства, либо подъема личности на такой уровень, на котором жизнь кажется осмысленной. Именно эта цель и дает ценность нашему жизненному опыту. Она связывает между собой и координирует наши чувства, формирует наше воображение, направляет наши творческие силы и определяет, что мы должны запомнить, а что нам необходимо забыть. Теперь мы видим, насколько относительна ценность наших ощущений, чувств, эмоций и воображения; на эти элементы нашей психической деятельности влияет стремление к определенной цели. Оно искажает само наше восприятие, которое, если можно так выразиться, незаметно проходит отбор с учетом конечной цели, к которой стремится данная личность.

Мы ориентируемся на искусственно созданную постоянную цель — цель, которая не имеет никаких основ в реальной действительности, другими словами, на фикцию. Это допущение фикции необходимо из-за

несовершенства нашей психологии. Она имеет большое сходство с фикциями, применяемыми в науке, — например, разделение Земли на части не существующими в реальности, но весьма полезными меридианами. С помощью психологических фикций мы допускаем наличие постоянной цели, хотя более тщательное исследование вынуждает нас признать, что на самом деле ее, как и меридиана, не существует. Цель этого допущения — просто ориентироваться в хаосе повседневного существования и иметь возможность как-то оценивать относительные величины. Польза от него заключается в том, что, приняв эту постоянную цель как данность, мы можем в соответствии с ней отнести к определенной категории любое наше ощущение и чувство.

Психология личности, таким образом, создает для себя эвристическую систему и метод: рассматривать человеческое поведение и считать его окончательной системой отношений, возникшей благодаря влиянию преследования определенной цели на наследственные задатки организма. Более того, наш опыт доказал, что это допущение относительно стремления к цели — просто удобная фикция. Она показала большую степень своей совместимости с реальными фактами, будь то факты сознательной или бессознательной жизни. Это стремление к цели, целенаправленность; нашей психики, является не философским допущением, а основополагающим фактом.

Когда мы спрашиваем себя, как лучше всего обуздить стремление к власти и превосходству, это наиболее заметное зло нашей цивилизации, мы сталкиваемся с затруднением, поскольку это стремление зарождается в том возрасте, когда свободное общение с ребенком невозможно. Мы можем начать попытки исправить и просветить его лишь гораздо позднее. Однако, живя рядом с ребенком этого возраста, мы все же имеем возможность развить его социальное чувство до такой степени, чтобы стремление к власти над другими стало пренебрежимо малым фактором.

Далее, трудность заключена в том, что дети не выражают свое стремление к власти над другими явно, а скрывают его под личиной заботливости и любви и занимаются своим делом под обманчивой маской. Таким образом они надеются избежать разоблачения. Неприкрытое стремление к власти и уверенности в себе может повредить психологическому развитию ребенка и превратить мужество в дерзость, послушание в трусость, мягкость в утонченную стратегию, целью которой является полное доминирование. В конечном счете любое проявление естественных чувств ребенка несет в себе элемент лицемерия, целью которого является господство над окружающей действительностью.

Обучение влияет на ребенка благодаря своей сознательной или бессознательной цели — компенсировать его неуверенность в себе, обучить его искусству жить, сформировать его рассудок и поощрить в нем развитие социального чувства по отношению к себе подобным. Все эти меры, каков бы ни был их изначальный смысл, являются способами помочь ребенку избавиться от неуверенности в себе и чувства неполноценности. О том, что творится в душе ребенка в ходе этого процесса, мы должны судить по чертам характера, развивающимся у него, поскольку они суть зеркало его психической деятельности. Фактическая степень неполноценности ребенка, хотя она и важна для его психологии, не является критерием, при помощи которого мы можем определить выраженность его чувства неуверенности в себе и неполноценности, поскольку они зависят главным образом от ее интерпретации.

Не следует ожидать от ребенка точной самооценки в какой-либо конкретной ситуации; мы не ждем такого даже от взрослых. Но именно здесь и таится множество трудностей. Один ребенок растет в такой сложной ситуации, что он неизбежно будет заблуждаться относительно степени собственной неполноценности. Другой ребенок сможет лучше понять свое положение. Однако в общем и целом интерпретация ребенком его чувства собственной неполноценности меняется каждый день, пока она в конечном счете не суммируется и не превратится в определенную самооценку. Она становится «константой» самооценки, которую ребенок сохраняет во всех своих взаимоотношениях с внешним миром. Компенсаторные механизмы, которые ребенок создает для того, чтобы избавиться от своей неполноценности, будут образованы с учетом некоей цели, производной от этой выкристаллизавшейся нормы, или константы самооценки.

Этот механизм стремления к компенсации, с помощью которого психика пытается нейтрализовать мучительное чувство неполноценности, имеет аналогию в органическом мире. Как известно, жизненно важные органы нашего тела кажутся на вид гипертрофированными, когда их нормальное функционирование нарушено из-за болезни или ранения. Так, при расстройствах кровообращения все тело словно отдает свои жизненные силы сердцу, которое может настолько увеличиться, что становится более сильным, чем нормальное сердце. Таким же образом под давлением чувства неполноценности или беспомощности психика изо всех сил пытается преодолеть этот «комплекс неполноценности».

Когда чувство неполноценности усиливается до такой степени, что ребенок начинает бояться никогда не преодолеть свою слабость, возникает

опасность, что, стремясь к компенсации, он не удовлетворится простым восстановлением равновесия. Он будет стремиться отклонить весы в другую сторону. В таких случаях стремление к власти и доминированию может стать настолько преувеличенным и обостренным, что его можно будет назвать патологическим, и обычные жизненные отношения не Удовлетворят человека никогда. Побудительные мотивы в таких случаях отличаются некоей грандиозностью и хорошо приспособлены к своей цели. Изучая патологическое стремление к власти, мы встречаем индивидуумов, которые не жалеют усилий, чтобы упрочить свое положение в жизни, действуя при этом крайне импульсивно, с исключительной поспешностью, и совершенно не принимают во внимание других людей. Это те дети, поведение которых характеризуется неукротимым стремлением к преувеличенно значимой цели — доминированию над себе подобными. Задевая права других, они ставят под удар свои собственные права; они враждебны по отношению к миру, а поэтому мир враждебен к ним.

Это не обязательно должно происходить открыто. Бывают дети, чье стремление к власти выражено таким образом, что это не приводит к немедленному конфликту между ними и обществом, и их честолюбивые замыслы могут сначала показаться вполне нормальными. Однако при ближайшем рассмотрении их деятельности и ее результатов мы обнаруживаем, что их триумф не приносит пользы обществу в целом, так как их амбиции по своему характеру антисоциальны. Из-за своих амбиций они всегда оказываются помехой на пути других людей. Кроме того, постепенно у таких детей будут появляться и другие черты характера, которые, если проанализировать весь спектр их взаимоотношений с другими людьми, станут принимать все более антисоциальную направленность. В первую очередь сюда следует отнести гордыню, тщеславие и желание победить всех любой ценой. Последнее можно осуществить хитростью. Относительное возвышение индивидуума может быть достигнуто путем принижения тех, с кем он вступает в контакты. В этом случае очень важна «дистанция», которая отделяет его от окружающих. Подобная поведенческая установка пагубна не только для общества, но также для индивидуума, являющегося ее носителем, поскольку она постоянно заставляет его контактировать с темными сторонами действительности и не позволяет ему получить никакого удовольствия от жизни.

Преувеличенное стремление к власти, посредством которого некоторые дети пытаются утвердить свое господство над окружающими, вскоре вынуждает их оказывать сопротивление обычным делам и

обязанностям повседневной жизни. Если мы сравним такого властолюбивого индивидуума с идеально социализированным человеком, мы, при наличии некоторого опыта, можем установить его социальный индекс, то есть степень достигнутой им — самоизоляции от себе подобных. Те, кто наделен способностью здраво рассуждать о природе человека, помня о важности физических дефектов и неполноценности, знают, что такие черты характера не смогли бы возникнуть без имевших ранее место трудностей психологического развития.

Когда мы обретаем истинное знание человеческой природы, основанное на понимании важности проблем, препятствующих нормальному развитию психики, это знание никому не причинит вреда только в том случае, если у нас надлежащим образом развито социальное чувство. Опираясь на это знание, мы сможем лишь помогать себе подобным. Мы не можем винить наделенного физическим недостатком или трудным характером человека за то, что все вокруг его возмущает. Он в этом не виноват. Мы должны полностью поддержать его право на возмущение и не должны забывать, что вина за происшедшее отчасти лежит и на нас. Вина лежит на нас, так как мы приложили недостаточно усилий, чтобы изменить неблагоприятные социальные условия, ставшие причиной этого возмущения. Если мы будем придерживаться такой точки зрения, нам в конечном счете удастся улучшить ситуацию.

Мы видим в таком индивидууме не опустившегося, бесполезного парию, а такого же человека, как мы; мы создаем атмосферу, в которой можем чувствовать себя столь же ценной личностью, как и любой другой. Не кривите душой и признайтесь, насколько неприятно бывает вам видеть человека, имеющего какое-нибудь страшное уродство. Это хороший показатель того, что вы нуждаетесь в социальном воспитании, а кроме того, так вам легче понять, насколько обязана наша цивилизация таким страдающим личностям.

Само собой разумеется: те, кто от рождения имеет физические дефекты, с самых первых дней жизни ощущают на своих плечах дополнительный груз и в результате могут прийти к абсолютно пессимистическому взгляду на жизнь. Дети, чье чувство неполноценности может по той или иной причине обостриться, пусть даже их органические дефекты и незначительны, также оказываются в аналогичной ситуации. Чувство собственной неполноценности можно настолько обострить искусственно, что результат окажется точно таким же, как и у ребенка, появившегося на свет с каким-нибудь серьезным физическим недостатком. К такому плачевному результату приводит, например, очень строгое

воспитание в критический период. Душевную рану, полученную ребенком в первые дни жизни, невозможно залечить, и холодность, которую он встретил, заставляет его избегать общения с себе подобными. Так он начинает верить, что живет в мире, лишенном любви и ласки, мире, с которым у него нет точек соприкосновения.

Вот пример, иллюстрирующий этот тезис: пациент, известный тем, что он постоянно рассказывает нам о своем необычайном чувстве долга и важности всех своих поступков, несчастлив в браке. Он и его жена — два индивидуума, которые, не медля ни секунды, спешат воспользоваться любой представившейся возможностью подчинить себе супруга. Неизбежный результат этого — споры, взаимные попреки и оскорблении, которые отчуждают их друг от друга. Та крупица социального чувства к себе подобным, которую сохранил муж — по крайней мере, в отношении своей жены и друзей, — оказывается раздавленной его жаждой превосходства над другими.

Из его биографии мы узнаем следующее. До шестнадцати лет его физическое развитие было замедленным. У него был мальчишеский голос, на теле и лице не росли волосы, а в школе он был одним из самых малорослых учеников. В настоящее время ему тридцать шесть лет, и он нормально развитой мужчина. По-видимому, природа сумела наверстать упущенное и завершить работу, которую начала с таким опозданием. Однако в течение восьми лет задержка развития заставляла его страдать, и в это время ничто не гарантировало ему, что природа когда-либо восполнит его дефекты. В течение всего этого периода его мучила мысль, что он навсегда останется «ребенком».

В этом возрасте можно было заметить, как начали формироваться его нынешние черты характера. Пациент действовал так, будто он — очень важная персона и словно каждый его поступок имеет огромное значение. Что бы он ни делал, все это было рассчитано на то, чтобы привлечь к себе всеобщее внимание. С течением времени он приобрел те черты характера, которые мы наблюдаем у него ныне.

После женитьбы пациент был постоянно озабочен тем, как бы внушить своей жене, что он на самом деле значительнее и важнее, чем ей кажется, между тем как она посвящала все свое время демонстрации того, что его утверждения относительно своего величия ложны! В этих условиях их отношения, которые начали портиться еще во время помолвки, едва ли могли успешно развиваться, и в конце концов произошел окончательный разрыв. В это время пациент пришел к врачу, поскольку распад семьи стал для него поводом для окончательной потери уважения к себе, которое и

ранее было основательно подорвано. Чтобы излечиться, ему пришлось прежде всего узнать от врача, как понять природу человека, а затем — как распознать ошибку, сделанную им в жизни. И эта ошибка, эта неправильная оценка собственной неполноценности, наложила отпечаток на всю его жизнь до начала лечения.

ГРАФИК ЖИЗНИ И КАРТИНА ВСЕЛЕННОЙ

Рассматривая подобные случаи, зачастую бывает уместно показать связь между опытом детства и жалобами самого пациента; лучше всего представить это в виде графика, подобного тому, который выражает математическую формулу. Это отношение имеет вид линии, соединяющей две точки. Во многих случаях мы можем построить график жизни, психологическую кривую, отражающую развитие личности; эта кривая показывает, каким поведенческим установкам следовал данный индивидуум начиная с самого раннего детства. Возможно, некоторые читатели сочтут, что мы пытаемся принизить значение человеческой судьбы, чрезмерно упростив ее. Другие скажут, что мы пытаемся опровергнуть тот факт, что каждый человек — хозяин своей судьбы, а значит, мы отрицаем свободу воли и человеческого разума. В том, что касается свободы воли, это обвинение справедливо. Здесь мы имеем дело с определенной поведенческой установкой. Ее окончательная конфигурация может до некоторой степени меняться, однако ее суть, ее направленность и смысл остаются неизменными с самого раннего детства. Поведенческая установка является определяющим фактором, хотя по мере того, как субъект взрослеет, его меняющиеся взаимоотношения со взрослым миром могут незначительно видоизменять проблему в некоторых отношениях. В ходе нашего исследования мы должны выяснить, каковы были самые первые впечатления детства нашего пациента, поскольку младенческие впечатления определяют направление, в котором развивался ребенок, а также то, как он будет реагировать на жизненные трудности. Реагируя на эти трудности, ребенок применяет все данные ему от рождения физические и умственные способности; те конкретные внешние воздействия, которые он ощущал с первых дней жизни, накладывают отпечаток на его отношение к жизни и определяют его мировоззрение, его жизненную философию. Нам не следует удивляться, если мы узнаем, что с раннего детства люди не меняют своего отношения к жизни, хотя внешние проявления этого отношения в раннем детстве и в последующей жизни могут сильно

различаться.

Поэтому очень важно относиться к маленькому ребенку так, чтобы он не получил ложного представления о жизни. Сила и сопротивляемость его тела являются в этом процессе важным фактором. Не менее важны социальное положение ребенка и характеры тех, кто его воспитывает. Хотя на первых порах он реагирует на жизненные ситуации машинально и рефлекторно, в дальнейшей жизни его реакции видоизменяются сообразно с некоей целью. Вначале его боль и радость обусловлены лишь физической необходимостью, однако позднее он обретает способность уклониться от воздействия этих примитивных потребностей и перехитрить их. Это происходит в период открытия ребенком самого себя, примерно в то же время, когда он начинает называть себя «Я». Именно в это время ребенок осознает, что он так или иначе зависит от окружающего мира. Эта зависимость неизменна и отнюдь не нейтральна, поскольку она заставляет ребенка изменить свое поведение и отношения с окружающими соответственно требованиям, которые предъявляют ему его мировоззрение и представление < о счастье и полноценной жизни.

Если мы вспомним о том, что говорилось по поводу телеологии (целенаправленности) человеческого разума, становится все более понятно, что отличительной чертой этой поведенческой установки является несокрушимая цельность. Необходимость обращаться с человеком как с единой личностью становится все более и более очевидной в тех случаях, когда мы встречаем внешние проявления психологической цели, которые на первый взгляд противоречат друг другу.

Есть дети, которые ведут себя в школе совсем иначе, чем дома, точно так же, как есть взрослые, черты характера которых кажутся настолько противоречащими друг другу, что их настоящий характер представляется нам тайной. Таким же образом движения и выражение лица двух людей могут быть внешне одинаковыми, но тем не менее, когда начинают исследовать лежащие в их основе поведенческие установки, они оказываются совершенно различными. Когда два индивидуума делают, как нам кажется, одно и то же, каждый из них на самом деле делает нечто совершенно отличное от другого, и в то же время когда два индивидуума заняты, по нашему мнению, совершенно разными делами, на самом деле они делают одно и то же!

Из-за этой двойственности мы никогда не сможем оценить внешние проявления психики как нечто обособленное; напротив, мы должны оценивать их в соответствии с общей целью, к которой они направлены. Сущностный смысл того или иного явления можно понять лишь тогда,

когда нам известно, какое значение имеет это явление в контексте всей жизни данного человека. Мы можем понять его образ мыслей, лишь сообразуясь с законом, согласно которому каждое событие в жизни человека является частным проявлением его всеобъемлющей поведенческой установки.

Усвоив, что все поведение человека основано на стремлении к цели, что его обусловливают не только начальные условия, но и предполагаемый конец, мы также можем указать те области, где, скорее всего, будут совершены наиболее серьезные ошибки. Причина этих ошибок заключена в том, что все мы используем свои победы и достижения в соответствии со складом нашей психики таким образом, чтобы подкрепить наши индивидуальные жизненные установки. Это возможно только благодаря тому, что мы ничто не подвергаем объективному анализу, но получаем, преобразуем и усваиваем воспринимаемую информацию в свете нашего сознания или в глубинах нашего бессознательного. Лишь наука способна пролить свет на этот процесс и сделать его доступным для понимания; лишь науке под силу в конечном счете видоизменить его. В завершение нашего обзора мы рассмотрим пример, в котором все явления будут анализироваться и объясняться при помощи уже изученных нами граней психологии личности.

Молодая женщина приходит к врачу с жалобой на свою невыносимую неудовлетворенность жизнью. По ее словам, она недовольна жизнью оттого, что весь ее день занят исполнением огромного числа всевозможных дел. Внешне женщина выглядит суетливой, ее глаза бегают, и она жалуется на сильное беспокойство, которое ощущает всякий раз, когда ей необходимо выполнить какое-нибудь простое дело. От ее друзей и семьи мы узнаем, что она принимает все слишком близко к сердцу и, по всей видимости, ее работа для нее непосильна. Общее впечатление, которое она производит на нас, — эта особа принимает все слишком серьезно, что является чертой, характерной для многих людей. Один из членов ее семьи дает нам ключ к разгадке, сказав: «Она вечно делает из мухи слона!»

Теперь возьмем эту склонность считать любое простое дело необычайно трудным и важным и попробуем представить, как может отнестись к такому поведению группа людей или партнер по браку. Мы не можем не ощутить, что такая склонность — не что иное, как обращенная к миру мольба не наваливать на нее больше работы, так как ей с нею не справиться. Однако нам пока мало известно о личности этой женщины. Мы должны заставить ее рассказать о себе побольше. Мы должны добиваться этого осторожными намеками и с надлежащей деликатностью. Нельзя

пытаться доминировать над пациенткой, так как это только настроит ее против нас. Когда мы завоевали ее доверие и она стала разговаривать с нами свободно, оказалось, что вся ее жизнь посвящена одной-единственной цели. Ее поведение демонстрирует нам: она пытается показать кому-то — вероятнее всего, мужу, — что не может принимать на себя новых обязанностей и ответственности, что с ней нужно обращаться нежно и заботливо. Далее мы догадываемся, что все это должно было начаться некоторое время назад, когда ей были предъявлены какие-то требования. Нам удастся добиться от пациентки признания, что много лет назад ей пришлось пережить время, когда ей больше всего не хватало любви. Теперь нам легче понять поведение женщины: это подкрепление ее желания добиться от других нежности и не оказаться снова в ситуации, когда ее жажда тепла и любви могла бы каким-то образом остаться неудовлетворенной.

Наши открытия подтверждаются ее дальнейшими объяснениями. Она рассказывает нам о своей подруге, которая во многом является полной противоположностью ей и хотела бы избавиться от несчастливого брака. Как-то раз наша пациентка увидела, как подруга, стоя с книгой в руке, скучающим тоном заявила своему мужу, что не знает, сумеет ли она сегодня приготовить обед. Это привело его в такое раздражение, что он стал критиковать свою жену в резких выражениях. Наша пациентка прокомментировала этот инцидент следующим образом: «Когда я вспоминаю об этом, мне кажется, что мой способ куда лучше. Никто не сможет меня упрекнуть, как ее, потому что я с утра до вечера завалена работой. Если в моем доме запаздывает обед, никто не может мне ничего сказать, потому что у меня вечно ни на что не хватает времени. Следует ли мне теперь отказаться от этого метода?»

Теперь мы можем понять, что творится в душе данной личности. Сравнительно безобидным способом она пытается добиться некоего превосходства, но в то же время избежать упрека благодаря постоянным мольбам о любви. Поскольку такой стратегией она добивается успеха, вряд ли имеет смысл просить ее перестать ею пользоваться, но в подобном поведении скрыто куда большее. Ей никак не удается выразить свою мольбу о любви (которая в то же время является средством доминировать над другими) с достаточной силой. В результате возникает множество проблем. Если в доме что-то затерялось, начинается «много шума из ничего». Пациентка так напряжена, что все время страдает головными болями. Ей никак не удается спокойно спать, потому что ее все время грызет тревога за свои прошлые, нынешние и будущие действия. Даже

приглашение на обед кажется ей событием огромной важности. Для того чтобы принять его, требуются серьезные приготовления. Поскольку даже самый незначительный поступок представляется ей необычайно важным, поехать на званый обед — это трудное дело, для подготовки которого требуется много часов и дней. Мы можем с большой степенью точности предсказать, что она либо с сожалением откажется, либо, в самом крайнем случае, опоздает. Социальное чувство в жизни такой личности никогда не в силах перейти некоторые границы.

В семейной жизни есть ряд ситуаций, которые в связи с этой мольбой о любви имеют особое значение. Например, можно легко себе представить, что иногда дела вынуждают мужа отствовать в доме, что он должен делать визиты один и участвовать в заседаниях клубов, членом которых является. Если он при этом оставит жену дома, не лишит ли он ее тем самым своей любви и внимания? На первый взгляд может показаться, что брак обязывает мужа как можно больше времени проводить дома. Хотя такая обязанность выглядит отчасти не лишенной приятности, будучи доведена до крайности, она создает непреодолимые трудности для любого человека, имеющего профессию. Тогда неприятности неизбежны, и в нашем случае они не замедлили возникнуть. Иногда поздно ночью, пытаясь юркнуть в постель, не потревожив жены, муж с удивлением обнаруживал, что она еще не спит, и на него обрушился град упреков.

Нам нет смысла вдаваться в подробности — эта проблема хорошо известна. Кроме того, следует подчеркнуть, что в подобные игры играют не только женщины. Можно встретить ровно столько же мужчин, чья поведенческая установка аналогична. Наша задача — лишь показать, что требование любви и заботы иногда может принять несколько другую форму. В случае с нашей пациенткой ход событий будет следующим. Предположим, мужу нужно куда-то пойти вечером. «Не возвращайся домой слишком рано, дорогой, — говорит его жена. — Ты так редко бываешь в обществе, повеселись сегодня вечером как следует». Хотя она говорит это шутливым тоном, смысл ее слов вполне серьезен. На первый взгляд кажется, это противоречит тому, что мы узнали о ней раньше, но, присмотревшись повнимательнее, мы сможем увидеть, в чем дело. Жена достаточно умна, чтобы не выглядеть чересчур требовательной. Внешне она само очарование, и ее характер безупречен. Однако реальное значение ее слов, обращенных к мужу, заключается в том, что она предъявляет ультиматум. Итак, он может прийти домой поздно, поскольку она ему это позволила, а между тем если бы он задержался где-нибудь по собственному почину, она бы решила, что ею пренебрегают, и сочла бы себя необычайно

уязвленной. Ее слова меняют весь смысл ситуации. Она руководит своим мужем, а он, даже выполняя свои социальные обязанности, поставлен в зависимость от воли и желаний жены.

Теперь свяжем эту жажду любви и участия с нашей новой идеей: эта женщина может чувствовать себя уверенно лишь в тех ситуациях, когда она является хозяйкой положения. Внезапно мы осознаем, что в течение всей жизни ею руководила решимость никогда не играть вторую скрипку, всегда сохранять главенствующее положение и всегда оставаться центром своей маленькой вселенной. Мы обнаруживаем эту решимость в любой ситуации из ее жизни; например, когда ей приходится нанимать новую служанку, она бывает очень взволнована. Легко понять, что ее заботит вопрос, сумеет ли она так же доминировать над новой служанкой, как доминировала над старой. Таким же образом, когда ей приходится выйти из дома, она покидает сферу, где ее господство обеспечено, и внезапно оказывается в мире, где о ее верховенстве не знает никто и ничто, где ей приходится увертываться от каждого автомобиля, — словом, где она играет самую подчиненную роль. Причина и смысл ее стресса становятся вполне ясны, когда мы поймем, каким тираном она является дома.

Подобные черты характера зачастую являются нам под такой привлекательной личиной, что с первого взгляда никто бы и не подумал, что данный человек страдает. Тем не менее это страдание может быть весьма глубоким. Представьте себе подобный стресс преувеличенным и усиленным. Встречаются люди, которые боятся сесть в автобус, потому что в автобусе они не могут быть хозяевами своей судьбы; подобные страхи могут зайти так далеко, что в конце концов эти люди оказываются не в силах вообще выйти из своего дома.

Рассматривая далее наш пример, мы видим, какое влияние оказывают впечатления детства на жизнь индивидуума. Мы не можем отрицать тот факт, что эта женщина, с ее собственной точки зрения, совершенно права. Если социальная установка человека и вся его жизнь направлены на получение любви, уважения, почтения и нежности, то действовать так, будто ты всегда перегружена работой и постоянно утомлена, — не слишком дурное средство для достижения такой цели. Более того, это отличный способ отвести от себя критику и одновременно вынудить всех быть с собой ласковыми, в то же время избегая всего, что может нарушить твоё хрупкое психическое равновесие.

Если, исследуя жизнь нашей пациентки, мы вернемся далеко назад, то узнаем, что еще в школе всякий раз, когда не могла выучить уроков, она очень расстраивалась, заставляя таким образом учителей относиться к ней

чрезвычайно мягко. Кроме того, она была в семье старшим ребенком, у нее были младшие брат и сестра. Она все время враждовала со своим братом. Он, как ей казалось, всегда был любимчиком родителей. Особенно ее раздражало, что люди обращали большое внимание на то, как он учится в школе, тогда как к ее учебе (а поначалу она была хорошей ученицей) отношение было довольно безразличным. Наконец это стало для девочки невыносимо, и ее постоянно мучил вопрос: почему ее успехи ценятся ниже?

Таким образом, нам становится ясно, что эта девочка стремилась к равноправию, а также то, что с самого раннего детства она испытывала ощущение неполноценности, которое стремилась преодолеть. В школе она компенсировала его тем, что стала плохой ученицей. Она пыталась превзойти брата, получая плохие отметки! Это было с ее стороны не очень достойно, но по ее детским представлениям она действовала вполне разумно, поскольку это казалось отличным способом привлечь к себе внимание родителей. Должно быть, некоторые из ее проделок были мотивированы сознательно, так как она совершенно ясно заявила, что хочет быть плохой ученицей!

Ее родителей, однако, неудачи дочери в школе нисколько не беспокоили. И тогда произошло нечто интересное. Она внезапно стала делать в учебе заметные успехи, с так как ее младшая сестра появилась на сцене в новой роли. Младшая сестра тоже плохо училась, но мать пациентки отнеслась к провалам ее сестры почти с таким же вниманием, как и к успехам ее брата. Дело в том, что сестра не успевала в другой сфере. Если наша пациентка имела плохую академическую успеваемость, то сестра отличалась плохим поведением. Таким образом, ей легче удалось привлечь внимание матери, поскольку социальный эффект плохого поведения совершенно иной, нежели у плохой академической успеваемости. Из-за плохого поведения с сестрой пациентки происходили «чрезвычайные происшествия», которые вынуждали родителей бросать все и заниматься своим ребенком.

Битва за равноправие была временно проиграна. Между тем поражение в битве за равноправие никогда не приводит к прочному миру. Ни один человек не сможет вынести такого положения. Итак, наша пациентка нашла другие способы привлекать к себе внимание, что оказалось на ее характер сильнейшее влияние. Теперь мы можем более ясно понять значение ее склонности делать из мухи слона, ее привычки всегда спешить, ее неистового желания казаться чрезвычайно занятой. Первоначально они предназначались для родителей, и целью их было привлечь внимание

родителей и отвлечь их от брата и сестры. В то же время они были упреком родителям, которые относились к ней менее благосклонно, чем к другим детям. Основополагающая социальная установка, возникшая в то время, остается у нее и сейчас.

Заглянем в еще более ранний период жизни нашей пациентки. У нее сохранилось очень яркое детское воспоминание о том, как она хотела ударить своего новорожденного брата палкой. Только благодаря вмешательству матери она не успела серьезно ранить его. В то время ей было три года. Несмотря на свой детский возраст, девочка поняла, что ее меньше ценят только потому, что она девочка. Ей очень хорошо запомнилось, как она много раз выражала свое желание быть мальчиком. Появление брата не только вырвало ее из уютного теплого гнездышка, но и глубоко оскорбило, так как с ее братом обращались гораздо лучше, чем с ней, поскольку он мальчик. В стремлении компенсировать этот недостаток внимания она ухватилась за уловку: всегда делать вид, что перегружена работой.

Теперь давайте истолкуем один из ее снов, чтобы показать, как глубоко укоренилась в ее душе эта поведенческая установка. Женщине приснилось, что она говорит дома с мужем; однако ее муж выглядел не как мужчина, а как женщина. Это сновидение символизирует социальную установку, с которой пациентка подходит ко всем своим делам и взаимоотношениям с другими. Оно означает, что она обрела с мужем равноправие. Он больше не является доминирующим мужчиной, каким когда-то был ее брат, он похож на женщину. Разница в их положении исчезла. Во сне она достигла того, чего всегда желала с детства.

Таким образом, мы сумели связать между собой две фазы психологического развития человека. Мы воссоздали его образ жизни, его кривую жизни, его поведенческую установку, и на их основе нам удалось составить целостную картину, которую можно подытожить следующим образом: мы имеем дело с особой, стремящейся играть главенствующую роль, пользуясь для этого очень милым средством — железной рукой в бархатной перчатке.

7

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

ПОДГОТОВКА К ЖИЗНИ

Один из основополагающих принципов психологии личности гласит: все психические явления соответствуют какой-то конкретной цели. Как описывалось выше, развитие психики мы рассматриваем как постоянную подготовку к будущему, в котором желания данного индивидуума выглядят исполнившимися. Это присуще всем людям, и все мы должны через это пройти. Все мифы, легенды и саги, рассказывающие об идеальном будущем, связаны с этим. Догмат о том, что когда-то на земле был рай, и его эхо — желание вновь обрести этот рай — можно найти во всех религиях. Широко распространенная вера в бессмертие души или ее реинкарнацию является неопровергимым доказательством убежденности в том, что душа может перейти в совершенно новое состояние. Каждая волшебная сказка со счастливым концом — свидетельство того факта, что надежда человечества на счастливое будущее никогда не слабела.

В развитии ребенка имеется важное явление, которое очень ясно демонстрирует процесс подготовки к будущему. Это игра. Игры нельзя рассматривать как случайные творения родителей или педагогов. В них следует видеть учебные пособия и стимулы развития психики ребенка, его воображения и жизненных навыков. Каждая игра является подготовкой к будущему. То, как ребенок подходит к игре, его выбор игры и степень важности, которую он ей придает, свидетельствуют о его социальной установке, его отношении к окружающему миру и себе подобным. По его игре можно ясно увидеть, относится ли он к ним враждебно или дружелюбно, а в особенности — проявляет ли он качества руководителя или нет. Наблюдая играющего ребенка, мы видим его отношение к жизни в полном объеме; игра имеет величайшее значение для каждого ребенка.

Однако игра — это больше, чем подготовка к жизни. Игры прежде всего являются совместными упражнениями, дающими ребенку возможность развивать свое социальное чувство. Детей, которые избегают игр, всегда можно заподозрить в том, что они недостаточно удовлетворительно приспособились к жизни. Эти дети с радостью отказываются от всех игр, а будучи посланы на детскую площадку с

другими детьми, обычно портят остальным удовольствие. Гордость, недостаток самоуважения и вытекающий из этого страх «что-нибудь сделать не так» — вот три основные причины такого поведения. Словом, наблюдая за игрой ребенка, мы с большой степенью уверенности можем определить уровень развития и качество его социального чувства.

Цель, заключающаяся в превосходстве над другими, — еще один фактор, который становится видным в игре, — проявляет себя в склонности ребенка быть лидером и организатором. Мы можем обнаружить эту склонность, наблюдая за тем, как ребенок стремится в вожаки и до какой степени он предпочитает те игры, которые дают ему возможность удовлетворить свое желание играть руководящую роль. Очень мало игр не включают в себя хотя бы один из этих факторов: подготовка к жизни, социальное чувство или стремление доминировать.

Однако есть еще один фактор, который присутствует в игре, — это представляющаяся ребенку возможность самовыражения. В игре ребенок более или менее предоставлен самому себе, и его действия стимулируются взаимодействием с другими детьми. Имеется ряд игр, в которых это творческое начало особенно ярко выражено. Эти игры, дающие ребенку возможность проявить свой творческий дух, особенно важны в подготовке к будущей профессии. Многие люди, которые в детстве шили одежду для кукол, нередко впоследствии находят свое жизненное призвание в том, чтобы шить одежду для людей.

Игра неразрывно связана с психикой, это, если можно так выразиться, род профессии, и именно так к ней и следует относиться. Поэтому оторвать ребенка от игры — это не пустяк. Игру никогда не следует считать просто способом провести время. Поскольку цель игры — подготовка к будущему, в каждом ребенке заключено нечто от взрослого, которым он станет. Таким образом, оценивая того или иного индивидуума, мы сделаем более точные заключения, если будем обладать знаниями о его детстве.

ВНИМАНИЕ И РАССЕЯННОСТЬ

Внимание — это одна из характеристик психики, имеющая чрезвычайную важность для плодотворной деятельности человека. Когда мы сосредоточиваемся на каком-то конкретном событии внутри или вне нашей личности, мы ощущаем некое напряжение, которое не распределено равномерно по всему телу, а сосредоточено в одном органе чувств — например, в глазах. Мы ощущаем, что где-то каким-то образом

обрабатывается информация. В случае с глазами причиной этого особого чувства напряжения является необходимость фокусировать взгляд.

Если, пытаясь сосредоточить на чем-либо внимание, мы делаем усилие, которое вызывает особое напряжение любого участка нашей психики или мускулатуры, то другие напряжения в это время игнорируются. Таким образом, стоит нам пожелать отнестись со вниманием к чему-то одному, и мы стараемся игнорировать все прочие раздражители. Внимание, с точки зрения психики, означает готовность отреагировать на определенный факт или ситуацию — например, готовность отразить нападение, — которая непременно выражается в сосредоточении всех наших чувств на одном конкретном объекте.

Любой человек, не считая душевнобольных, обладает способностью к сосредоточению внимания; тогда почему же вокруг нас столько невнимательных людей? Это объясняется рядом причин. Факторы, влияющие на нашу способность сосредоточиваться, — это прежде всего усталость и болезнь. Далее, встречаются индивидуумы, чья недостаточная внимательность объясняется тем, что они просто не хотят быть внимательными, поскольку объект, на котором им следует сосредоточить свое внимание, не соответствует их поведенческой установке. С другой стороны, стоит им начать рассматривать нечто важное для них самих — и их внимание тут же пробуждается. Еще одна причина недостаточной внимательности кроется в склонности к сопротивлению. Зачастую дети по природе упрямы и отвечают «нет» на любой задаваемый им вопрос. Они ощущают необходимость открыто выразить свое сопротивление. Долг тактичного педагога — примирить ребенка с заданием, которое ему предстоит выполнить, соотнеся учебный материал с поведенческой установкой данного ребенка и сделав его совместимым с его стилем жизни.

Некоторые люди видят, слышат и воспринимают любой раздражитель. Однако у большинства людей имеется доминирующее чувство. Одни воспринимают жизнь исключительно глазами. Другие полагаются исключительно на свои уши: они ничего не видят, ничего не замечают и не интересуются видимыми предметами, однако чутко прислушиваются к малейшему звуку. Индивидуум может оказаться невнимательным в ситуации, требующей от него предельного внимания, так как его доминирующее чувство не задействовано.

Наиболее важный фактор пробуждения внимания — это подлинный и глубокий интерес к миру. Интерес — нечто гораздо более глубокое, чем внимание. Если мы в чем-то заинтересованы, тогда само собой разумеется, что мы также обращаем на это внимание; и там, где существует интерес,

педагогу нет нужды беспокоиться о внимании. Он становится простым орудием, с помощью которого мы овладеваем какой-либо областью знаний с определенной целью. Никому еще не удавалось вырасти, не совершив при этом ошибок. Следовательно, внимание также включается и в тех случаях, когда у индивидуума закреплена какая-либо ошибочная установка; это происходит, когда внимание направлено на то, что не актуально для подготовки к жизни. Когда интерес направлен на наше собственное тело или на нашу собственную власть, мы становимся внимательными всякий раз, когда речь заходит об этих предметах, всякий раз, когда нам нужно чего-то добиться или когда нашей власти что-то угрожает. Мы видим, как сразу же обостряется внимание у детей, если под вопросом оказываются их положение и значимость. С другой стороны, их внимание легко отвлекается от тех предметов, в которых, как они считают, для них «ничего интересного нет».

Недостаток внимания на самом деле обозначает всего лишь то, что человек предпочитает выйти из ситуации, на которую его просят обратить внимание. Поэтому неправильно говорить, что кто-то не способен к сосредоточению. Можно легко доказать, что он отлично способен сосредоточиваться, но на чем-то другом. Предполагаемый недостаток силы воли и недостаток энергии — явления, аналогичные так называемой неспособности к сосредоточению. В таких случаях мы обнаруживаем непреклонную волю и кипучую энергию, приложенные в другом направлении. Лечить их не так-то просто. Можно попытаться это сделать, лишь полностью изменив весь стиль жизни индивидуума. В любом случае мы можем быть уверены, что имеем дело с дефектом, единственная причина которого — стремление к иной цели.

Невнимательность зачастую становится постоянной чертой характера. Мы нередко видим, что люди, получив определенное задание, которое они не хотят делать, выполняют его лишь частично или вообще уклоняются от этого и в результате становятся обузой для других. Их постоянная невнимательность — закрепившаяся черта характера, проявляющаяся всякий раз, когда кто-нибудь просит их что-то сделать.

ПРЕСТУПНАЯ ХАЛАТНОСТЬ И ЗАБЫВЧИВОСТЬ

Когда чья-либо жизнь или здоровье оказываются под угрозой из-за пренебрежения необходимыми мерами предосторожности, мы обычно говорим о преступной халатности. Такая невнимательность основана на

отсутствии заботы о себе подобных. Мы можем определить, думают ли дети только о себе или принимают во внимание права других, наблюдая за признаками халатности в их играх. Такие явления — точный показатель общественной сознательности и социального чувства данного человека. Личность, чье социальное чувство недостаточно развито, проявляет интерес к себе подобным лишь с чрезвычайным трудом, даже под страхом наказания; в то же время при наличии развитой общественной сознательности такой интерес является чем-то само собой разумеющимся.

Поэтому преступная халатность есть не что иное, как недоразвитость социального чувства. Тем не менее мы не должны никого осуждать, не попытавшись выяснить, почему индивидуум проявляет меньший интерес к себе подобным, чем следовало бы ожидать.

Мы можем вызвать забывчивость точно так же, как подстроить потерю ценных вещей, — ограничив свое внимание. Возможность сосредоточить внимание и усилить интерес может быть настолько ограничена противодействующими установками, что появление провалов в памяти становится неизбежным или, во всяком случае, более вероятным. Именно поэтому, например, дети теряют учебники. Это всегда свидетельствует о том, что они еще не привыкли к школьной обстановке. Домохозяйки, которые все время теряют или забывают, куда положили свои ключи, — это, как правило, женщины, никак не желающие смириться со своей ролью домохозяйки. Забывчивые люди — это обычно те, кто предпочитает не бунтовать в открытую, однако их забывчивость указывает на некоторый недостаток заинтересованности в их делах.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

В наших историях болезни часто описываются индивидуумы, которые не понимают движений своей души. Лишь изредка внимательный человек сможет объяснить вам, почему он действует обдуманно. Некоторые мыслительные процессы происходят вне области сознания; хотя мы можем до какой-то степени сознательно сконцентрировать наше внимание, стимул этой внимательности заключен не в нашем сознании, а в нашем интересе. И то, и другое опять-таки большей частью относится к сфере бессознательного. В своем наиболее широком значении это важная сторона жизни нашей психики.

Мы можем обнаружить поведенческую установку человека в его бессознательном. В его сознании мы имеем дело лишь с отражением, чем-

то вроде фотографического негатива. Тщеславная женщина в большинстве случаев обычно не осознает, что проявляет тщеславие; она ведет себя таким образом, чтобы явить себя миру в образе очаровательной скромницы. Чтобы быть тщеславным, вовсе не обязательно знать, что ты тщеславен. Более того: знание о собственном тщеславии будет работать против целей этой женщины, поскольку в таком случае она не сможет дальше быть тщеславной. Весь процесс происходит скрыто от глаз. Если вы попробуете поговорить с тщеславным человеком о его тщеславии, вам окажется очень трудно поддерживать беседу на эту тему. Ваш собеседник может проявлять склонность избегать больного вопроса, или разговор будет топтаться на месте. Это говорит в пользу нашего мнения: он желает продолжать играть свою роль и немедленно занимает оборонительную позицию, когда кто-то пытается разоблачить его маленький обман.

Людей можно подразделить на два типа: те, кто знает о своем бессознательном больше среднего, и те, кто знает меньше. Во многих случаях мы также обнаруживаем, что индивидуум второго типа сосредоточивается на узкой сфере деятельности, в то время как духовный кругозор индивидуумов первого типа значительно шире и их отличает широта интересов к людям, вещам, событиям и идеям. Те индивидуумы, которые чувствуют, что их сталкивают на обочину жизни, разумеется, удовлетворяются небольшим ее сектором, поскольку они ощущают себя чужаками в незнакомой стране и не могут видеть жизненные проблемы с такой же ясностью, как те, кто ведет жизненную игру по правилам. Такие люди плохо приживаются в команде. Они менее способны понять тонкости жизни. Поскольку их интерес к жизни очень ограничен, они воспринимают лишь незначительную часть жизненных проблем. Дело в том, что они боятся, как бы расширение кругозора не привело к потере личной власти.

Индивидуум зачастую не ведает о собственных способностях, поскольку он себя недооценивает; мы также видим, что немало индивидуумов недостаточно осведомлены о собственных недостатках. Они могут считать себя хорошими людьми, в то время как на самом деле они все делают из эгоистических побуждений. С другой стороны, чело-век может считать себя эгоистом в такой ситуации, где более тщательный анализ показывает, что он поступает весьма бескорыстно. На самом деле неважно, что вы думаете о себе и что о вас думают другие. Важно ваше отношение к обществу в самом широком смысле, поскольку оно определяет все желания, все интересы и все поступки каждого индивидуума.

Мы снова имеем дело с двумя типами человеческих существ. К первой группе принадлежат те, кто живет более сознательно, кто подходит к

жизненным проблемам объективно и «незашоренно». Вторая группа имеет склонность относиться к жизни предвзято и, таким образом, видит лишь ее незначительную часть. Поведение и речь индивидуумов этого типа всегда выражает бессознательные установки. Двоих людей, живущих друг с другом, могут сталкиваться в жизни с трудностями, поскольку один из них всегда ведет себя неконструктивно. Иногда, пожалуй даже чаще, мы видим, что пререкания обоюдны. Каждая из сторон не осознает своей неконструктивности. Она уверена в своей правоте и заявляет, что ей нужен лишь мир и покой. Факты, однако, доказывают, что это неправда; никто из них не в силах сказать ни единого слова, не допустив колкостей в адрес своего партнера, даже если для посторонних это не заметно. При ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем, что они всю жизнь ведут войну.

Люди развивают в себе способности, которые действуют постоянно, хотя люди этого и не осознают. Эти способности скрыты в бессознательном, они влияют на нашу жизнь и могут привести к печальным последствиям, если их не обнаружить и не вылечить. В своем романе «Идиот» Достоевский так прекрасно это описывает, что эта сцена до сих пор продолжает вызывать восхищение психологов. На светском рауте дама насмешливо предостерегает героя романа не опрокинуть дорогую китайскую вазу, которая стоит рядом с ним. Герой уверяет ее, что он будет осторожен, но несколько минут спустя разбитая на кусочки ваза лежит на земле. Никто из присутствующих не видит в происшедшем простую случайность; все считают, что ваза разбита умышленно, и это вполне соответствует характеру героя, который почувствовал себя оскорбленным язвительными словами дамы.

Оценивая человека, мы не должны руководствоваться только его сознательными поступками и высказываниями. Зачастую мелкие детали его мышления и поведения, о которых он и сам не подозревает, лучше позволяют нам проникнуть в его подлинный характер.

Например, люди, имеющие неприятные привычки — скажем, грызть ногти или ковырять в носу, — не знают, что тем самым они выдают свой упрямый характер, поскольку они не понимают, откуда эти привычки у них появились. Тем не менее совершенно ясно, что ребенка за них должны постоянно ругать. Если, несмотря на наказания, он не бросает этих привычек, он должен быть упрямым человеком. Наблюдая более опытным глазом, мы сможем сделать далеко идущие выводы о любом человеке, ища такие значительные детали, которые отражают, как в зеркале, всю его личность.

Описанные ниже два случая покажут, как важно для нашего психологического комфорта то, что события, пережитые неосознанно, запечатлеваются в бессознательном. Человеческая психика имеет способность контролировать сознание, а именно: то, что наша психика хочет поднять на поверхность, может быть осознано, и наоборот, она может позволить чему-то остаться в бессознательном или даже переместить это из сознания в бессознательное, когда того требует комфорт и душевный покой данного индивидуума.

В первом случае речь идет о молодом человеке, старшем сыне в семье, который вырос вместе с младшей сестрой. Его мать умерла, когда ему было десять лет от роду, и с того времени его воспитывал отец, очень разумный, благонамеренный и честный человек. Он приложил немалые усилия для того, чтобы развить у сына честолюбие и подвигнуть его на более активные действия. Мальчик стремился быть первым в классе, отлично успевал в школе, особенно по точным наукам, а кроме того, отличался исключительной честностью и прирожденными задатками лидера. Все это очень радовало его отца, который ожидал от сына больших успехов в самом начале жизни.

Сестра этого мальчика росла его непримиримой соперницей. Она также отлично развивалась, хотя не гнушалась пользоваться своей слабостью, чтобы добиться внимания к себе за счет своего брата. Она сумела стать отличной хозяйкой, что ее брату оказалось не по зубам. Он увидел, что ему трудно достичь в ведении хозяйства того признания и почета, которое он с такой легкостью завоевал в других сферах деятельности. Его отец вскоре заметил, что у сына появляется странное отношение к светской жизни, все более усиливавшееся по мере того, как он вступал в период полового созревания. Дело в том, что у мальчика практически не было светской жизни. Он трудно заводил новые знакомства, а если речь шла о знакомстве с девочками, просто убегал. Сначала отец не видел в этом ничего экстраординарного, но со временем необщительность сына дошла до того, что он почти прекратил выходить из дома. Он даже гулять ходил, только когда стемнеет. Он стал настолько замкнутым, что в конце концов перестал даже здороваться со старыми знакомыми, хотя его отношение к учебе и отцу оставалось выше всяких похвал.

Когда делошло так далеко, что с этим мальчиком никто не мог ничего поделать, отец привел его к врачу. Оказалось достаточно нескольких консультаций, чтобы найти объяснение его проблемам. Мальчик полагал, что у него слишком маленькие уши и поэтому все считают его страшным уродом. На самом деле его уши были вполне нормальными. Когда ему

сказали, что уши у него такие же, как и у других, и продемонстрировали, что он пользуется этим как предлогом для того, чтобы удалиться от общества, он добавил, что зубы и волосы у него тоже уродливые. Это также была неправда.

С другой стороны, было очевидно, что он необычайно честолюбив. Он отлично знал о своем честолюбии и считал, что эту черту развел в нем отец, который постоянно понуждал его к новым и новым усилиям. В будущем мальчик мечтал стать великим ученым. В этом не было бы ничего особенного, если бы это желание не сочеталось со склонностью избегать всех проявлений человеколюбия и товарищества. Почему этот мальчик пользовался такими детскими отговорками? Если бы он был прав относительно своей внешности, осторожность и тревога, с которыми он относился к жизни, были бы оправданы, поскольку не подлежит сомнению, что наша цивилизация относится к уродливым людям без всякой симпатии.

Дальнейшее обследование показало, что амбиции этого мальчика направлены на достижение определенной цели. Раньше он всегда был первым в классе и хотел сохранить это место за собой. Чтобы достигнуть подобной цели, в нашем распоряжении имеются определенные орудия, например, сосредоточение, усердие и так далее. Этого для него было недостаточно. Он попытался исключить из своей жизни все, что, как ему казалось, понапрасну отвлекает его от цели. Он мог бы выразить это так: «Поскольку я намерен стать знаменитым и полностью посвятить себя науке, я должен исключить из жизни все светские отношения как ненужные».

Однако он этого не говорил и не думал — по крайней мере, не говорил и не думал сознательно. Напротив, для достижения своей цели он изобрел предлог в виде своего мнимого уродства. Придавая этому маловажному факту преувеличенное значение, он получал веские основания для того, чтобы заниматься тем, чем хотел заниматься на самом деле. Все, что ему теперь требовалось, — это мужество пользоваться своим уродством в качестве предлога для преследования своей тайной цели. Если бы он сказал, что хочет вести отщельнический образ жизни для того, чтобы исключить из жизни все, что могло бы помешать ему достичь своей цели, его амбиции были бы всем ясны. Хотя он бессознательно жаждал сыграть героическую роль, он этого не осознавал.

Мальчику никогда не приходило в голову, что для достижения этой одной цели он готов рискнуть всем в жизни. Если бы он сознательно решил поставить на карту все, чтобы стать великим ученым, он не был бы так уверен в себе, как в том случае, когда пытался заявить, что не смеет

появляться в обществе из-за своего безобразия. Кроме того, любой, кто решился бы открыто признать, что готов принести все личные отношения в жертву своему страстному желанию быть первым и лучшим, выставил бы себя перед всем светом на посмешище. Это была бы страшная, немыслимая идея. Некоторые мысли мы не можем выражать чересчур открыто — как из-за нас самих, так и из-за других. По этой причине основополагающий принцип всей жизни этого мальчика должен был оставаться в бессознательном.

Если мы, обнаружив истинные мотивы, движущие кем-то, покажем ему тайные пружины его души, мы, естественно, нарушим равновесие всей его психики. То, что данный индивидуум старался предотвратить любой ценой, теперь происходит! Его бессознательные мыслительные процессы выставлены на всеобщее обозрение. Немыслимые мысли, несостоительные идеи, склонности, которые, будь они сознательными, изменили бы весь образ нашего поведения, разоблачены. Для людей вообще характерно хвататься за мысли, оправдывающие их социальную установку, и отвергать любую идею, которая могла бы помешать ее выполнению. Люди решаются делать только то, что, согласно их мировоззрению, имеет для них ценность. Мы признаем все, что для нас полезно; все, что нам не подходит, отсылается в наше бессознательное.

Во втором случае мы встречаемся с еще одним очень молодым человеком, отец которого, учитель, также постоянно побуждал его к тому, чтобы тот был первым в классе. В этом случае тоже детство мальчика состояло из сплошных побед. За что бы он ни брался, он всегда добивался успеха. Он был одним из самых обаятельных в своем окружении и имел несколько близких друзей.

После того как ему исполнилось семнадцать лет, с ним произошла большая перемена. Он перестал получать от жизни какое-либо удовольствие, стал мрачным и рассеянным и изо всех сил старался уйти от мира. Не успев с кем-нибудь подружиться, он уже с ним порывал. Никто не понимал его поведения. Отец юноши, однако, надеялся, что замкнутая жизнь позволит ему больше времени посвящать учебе.

При лечении этот юноша все время жаловался, что отец лишил его всех жизненных радостей, что он не может обрести достаточной уверенности в себе и мужества, чтобы продолжать жить, и ему ничего не остается, как провести остаток своих дней в мрачном одиночестве. К этому времени он уже стал хуже учиться и не успевал в колледже. Юноша объяснил, что перемены в его жизни начались с вечеринки, где его невежество в области современной литературы сделало его объектом

насмешек со стороны друзей. Это и несколько других подобных происшествий заставили его самоизолироваться и избегать общества. Он был одержим навязчивой идеей, будто в его несчастьях виновен отец, и их отношения ухудшились не по дням, а по часам.

Эти два случая имеют много сходного. В первом случае нашему пациенту причинило ущерб соперничество с сестрой, между тем как во втором виной было его агрессивное отношение к отцу. Обоими пациентами руководила идея, которую мы привыкли называть героическим идеалом. Оба они настолько прониклись своим героическим идеалом, что потеряли всякую связь с жизнью, пришли в уныние и решили, что совершенно устраниться от жизненной борьбы будет лучше всего. Но можем ли мы поверить, что второй пациент открыто признался себе: «Поскольку я не могу стать великим героем, я удалюсь от жизни и проведу остаток своих дней в мрачном одиночестве»?

Безусловно, его отец был не прав и винить следовало его воспитание. Было совершенно очевидно — юноша не может ни о чем думать, кроме полученного им плохого воспитания, на которое он постоянно жаловался, и он хочет оправдать свое бездействие в собственных глазах тем, что полученное им воспитание якобы настолько дурно, что единственным решением его проблем будет уход от общества. Таким образом, он создал ситуацию, которая гарантировала его от новых поражений и в которой он мог свалить всю вину за свои несчастья на отца. Только таким образом ему удавалось спасти остатки самоуважения и удовлетворить свое стремление к самоутверждению. У него было славное прошлое, а новые триумфы не состоялись только потому, что отец со своими ложными идеями помешан ему достичь еще более сияющих высот.

Мы могли бы предположить, что в мозгу пациента бессознательно сложилось следующее умозаключение: «По мере того как я взрослею, моя жизнь становится все напряженнее. Я понял, что в дальнейшем всегда быть первым мне будет не так легко, как раньше. Поэтому, чтобы не потерпеть поражения, я лучше уклонюсь от боя». Подобная идея явно немыслима. Никто не смог бы высказать вслух такую социальную установку, однако тем не менее индивидуум может действовать так, будто он принял такое решение умышленно. Достигнуть этого возможно, прибегнув к другим аргументам. Используя в качестве предлога ошибки отца, пациент сумел ускользнуть из общества и избежать необходимости принимать в жизни какие-либо решения. Если бы его умозаключение было сознательным, тайные пружины его поведения были бы по необходимости потревожены. Поэтому оно осталось бессознательным и возымело результат. Как можно

кому-то сказать, что он лишен таланта, когда у него такое славное прошлое? Разумеется, никто не смог бы его ни в чем обвинить, если бы он не одержал новых триумфов! Вину его отца нельзя было ни на минуту упускать из виду. Сын был судьей, истцом и ответчиком в одном лице. Разве мог он оставить такую выгодную позицию? Он отлично понимал, что отец в чем-то виноват лишь до тех пор, пока он, его сын, продолжает верить в его вину.

СНОВИДЕНИЯ

С давних пор утверждают, что, основываясь на сновидениях человека, мы можем судить о его личности в целом. Г. Ц. Лихтенберг, современник Гете, когда-то говорил, что о характере человека можно точнее судить по его сновидениям, чем по его поступкам и словам. Это является до некоторой степени преувеличением. На наш взгляд, психические явления следует рассматривать с величайшей осторожностью и только во взаимосвязи с другими явлениями. Поэтому мы можем делать какие-либо выводы о характере данного индивидуума лишь тогда, когда сумеем найти дополнительные свидетельства, подкрепляющие наши толкования, в других характеристиках.

Попытки толкования снов имели место еще в доисторические времена. Из исторических исследований и таких источников, как мифы и саги, мы можем заключить, что людей былых времен толкование снов заботило куда больше, чем нас. Кроме того, мы обнаруживаем, что в те времена средний человек понимал сновидения куда лучше, нежели теперь. Чтобы сделать такое заключение, достаточно вспомнить огромную роль сновидений в жизни древних греков или воскресить в памяти множество снов, описанных в Библии. Более того, сновидения в Библии либо получают мудрое истолкование, либо описываются таким образом, будто подразумевается, что их сумеет правильно истолковать любой. Именно так описан сон Иосифа о снопах пшеницы, который он рассказал своим братьям. Анализируя саги о Нibelунгах, возникшие в совершенно другой культуре, мы также можем заключить, что сновидения принимались как фактические свидетельства.

Если мы изучаем сновидения как средство проникнуть в человеческую психику и что-то о ней узнать, нам вряд ли следует рассматривать эту проблему с позиции тех исследователей, которые ищут в снах и их толковании проявлений фантастических и сверхъестественных сил. Нам

следует полагаться на содержащиеся в снах данные только тогда, когда нашим выводам относительно них можно найти обоснование и подтверждение в других тщательных наблюдениях.

Склонность верить, что сновидения имеют какое-то особое значение для нашего будущего, сохраняется даже в наше время. Бывают идеалисты, которые заходят настолько далеко, что позволяют своим сновидениям влиять на себя. Так, один из наших пациентов дошел в своем самообмане до того, что прекратил заниматься каким-либо честным трудом и посвятил себя целиком игре на бирже. Он всегда играл так, как подсказывали ему сны. Он даже собирал «свидетельства» о том, что всякий раз, когда он поступал наперекор своим снам, ему не везло. Не подлежит сомнению: в его снах просто отражались его дневные заботы. Во сне он, так сказать, гладил себя по головке и мог долгое время говорить, что благодаря подсказкам, содержащимся в его снах, он процветает. Некоторое время спустя он заявил, что больше не доверяет своим снам. По-видимому, дело в том, что он успел разориться. Поскольку такое зачастую случается с биржевыми спекулянтами и без всяких снов, мы не усматриваем в этом никакого чуда.

Индивидуума, который сильно заинтересован в каком-либо конкретном деле, эта проблема продолжает заботить даже ночью. Некоторые люди вообще не могут заснуть и, бодрствуя, все время размышляют над своей проблемой; другие засыпают, но продолжают заниматься своими планами в сновидениях.

Молодой женщине приснился такой сон: она увидела, что ее муж забыл о годовщине их свадьбы, и она упрекает его за это. Этот сон может иметь несколько значений. Первое, что он показывает, — возможно, между ней и мужем возникла размолвка, и она считает, что ею пренебрегают. Однако далее женщина объясняет, что во сне она поначалу тоже забыла о годовщине свадьбы, но в конце концов вспомнила о ней, в то время как мужу пришлось напоминать. Она — «лучшая половина». Когда у нее спросили, происходило ли нечто подобное в действительности, она ответила: нет, ее муж всегда помнил о годовщине свадьбы. Значит, во сне мы видим ее склонность беспокоиться о будущем: что-то подобное может произойти. Далее мы заключаем, что она склонна упрекать других, использовать гипотезы в качестве доводов и притираться к своему мужу из-за возможных, а не действительных проступков.

Тем не менее мы не можем быть уверены в таком истолковании, если не сможем подтвердить свои выводы свидетельствами из других источников. Когда пациентке задали вопрос о самых первых детских

воспоминаниях, она описала событие, которое навсегда запечателось у нее в памяти. Когда ей было три года, тетка подарила ей резную деревянную ложку, которой она очень гордилась; но однажды, когда девочка играла с этой ложкой, та упала в ручей и уплыла. Несколько дней она так горько плакала по своей потерянной ложке, что все в доме тоже горевали. Сон пациентки может навести нас на мысль, что она теперь боится, как бы ее брак тоже не уплыл от нее. А вдруг ее муж забудет о годовщине свадьбы?

В другой раз ей приснилось, будто муж завел ее в высокое здание. Ступени, по которым они поднимались, становились все круче. Пациентка решила, что она, возможно, забралась слишком высоко, у нее сильно закружилась голова, и она упала в обморок. Подобное мы можем пережить и наяву, особенно если боимся высоты. Если мы соединим второе сновидение с первым и сопоставим их, мысли, чувства и общее содержание этих снов оставляют отчетливое впечатление, что наша пациентка — женщина, которая боится высоты, боится опасностей и несчастий. А вдруг она и муж окажутся в чем-то несовместимы друг с другом? А вдруг их брак распадется? Тогда, возможно, начнутся сцены и произойдут стычки, которые кончатся обмороком жены. Однажды во время семейной ссоры это случилось наяву!

Теперь мы подходим к смыслу сновидения ближе. Неважно, откуда возникают мысли и чувства, ложащиеся в основу сновидений, и в каких образах они находят выражение — лишь бы они его действительно нашли. В сновидениях проблемы, с которыми данный индивидуум сталкивается наяву, выражаются метафорически. Наша пациентка как бы сказала себе: «Не забирайся слишком высоко, а то будет больнее падать!»

Возможно, следует вспомнить о сновидении, воспроизведенном в «Брачной песне» Гете. Рыцарь возвращается домой и обнаруживает свой замок в запустении. От усталости он падает на кровать. Во сне рыцарь видит, как из-под его кровати появляются маленькие фигурки, и наблюдает, как они празднуют свадьбу. Этот сон доставляет ему удовольствие: он приснился будто специально для того, чтобы подтвердить — ему нужна жена. То, что он наблюдал во сне в миниатюре, позднее происходит в действительности во время его собственной свадьбы.

В этом сновидении мы находим немало хорошо знакомых элементов. Прежде всего, за ним скрыта озабоченность поэта собственным браком. Далее, мы видим, как герой стихотворения соотносит увиденный им сон с его нынешним положением. Он ощущает необходимость жениться. Во сне он оценивает проблему брака, а на следующий день решает, что ему лучше бы жениться.

Теперь рассмотрим сновидение двадцативосьмилетнего пациента. Сюжет этого сна, мечущийся вверх и вниз, как график температуры, ясно показывает, какие заботы наполняют жизнь этого человека. В нем нетрудно распознать чувство неполноценности, дающее почву для стремления к власти и доминированию. Он говорит:

«Я совершаю поездку по морю вместе с группой людей. По дороге мы сходим на берег, так как судно, на котором нам приходится плыть, слишком маленькое и ночевать мы должны в городе. Ночью мы получаем весть, что наше судно тонет, и всех пассажиров зовут откачивать воду помпами, чтобы оно не пошло ко дну. Я вспоминаю, что у меня в багаже есть ценные вещи, и бегу на судно, где все остальные уже откачивают воду. Я пытаюсь уклониться от этой работы и ищу трюм, где хранится багаж. Мне удается выловить свой рюкзак через окно, и вдруг я вижу, что рядом с рюкзаком лежит перочинный нож, который мне очень нравится. Я кладу его в рюкзак. Между тем судно погружается, все глубже и глубже, и я вместе с одним знакомым спрыгиваю с него. Мы прыгаем в море и добираемся до суши. Поскольку причал слишком высок и на него не забраться, мы идем вдоль него и подходим к крутыму обрыву, с которого мне необходимо спуститься. Я соскальзываю вниз. С тех пор как мы покинули судно, я не видел своего спутника. Я скользжу все быстрее и быстрее и боюсь, что погибну. Наконец я достигаю подножия обрыва и падаю перед другим знакомым.

Это молодой человек, которого я знаю не очень хорошо, он когда-то участвовал в забастовке и абсолютно молча ходил между забастовщиками. Мне он понравился. Он встречает меня укоризненными словами, как будто ему известно, что я бросил своих товарищ на корабле. „Что ты здесь делаешь?“ — спрашивает он. Я пытаюсь ускользнуть из этой пропасти, со всех сторон окруженной крутыми обрывами, с которых свисают веревки. Я не решаюсь воспользоваться этими веревками, потому что они слишком тонкие. Я продолжаю пытаться выбраться из пропасти, но все время соскальзываю вниз. Наконец я наверху, но не знаю, как я туда попал. Мне кажется, будто я специально не захотел видеть эту часть сна, — словно мне не терпелось, и я хотел ее проскочить. Наверху по краю обрыва идет дорога, отделенная от пропасти забором. Мимо проходят люди и дружески приветствуют меня».

Если мы оглянемся на жизнь этого пациента, первое, что мы узнаем, — до четырех лет он постоянно страдал от тяжелой болезни и даже после этого часто болел. Слабое здоровье сделало его предметом постоянных забот и тревоги родителей. Его общение с другими детьми было очень ограничено. Когда он хотел установить контакты со взрослыми,

родители всегда заявляли ему, что детей должно быть видно, но не слышно и что детям не подобает общаться со взрослыми. Таким образом, в раннем детстве он не смог завязать отношений, необходимых для жизни в обществе, и общался только с родителями. Далее это привело к тому, что он значительно отставал в развитии от сверстников. Неудивительно, что они начали считать его глупым и вскоре он стал предметом их насмешек. Это обстоятельство также мешало ему обзавестись друзьями.

Чувство неполноценности, и без того сильное, от всего этого еще более обострилось. Пациента воспитывал действующий из лучших побуждений, но очень вспыльчивый отец, по профессии военный, и слабая, не отличающаяся умом, крайне деспотичная мать. Хотя его родители делали все от них зависящее, чтобы дать ему, по их понятиям, наилучшее воспитание, он воспитывался в чрезвычайной строгости. В развитии пациента значительную роль играли запреты. Одно из сохранившихся у него ранних и очень ярких детских воспоминаний заключалось в том, что, когда ему было всего лишь три года, мать заставила его простоять полчаса на коленях на горохе за то, что он проявил непослушание, хотя она знала причину этого: он испугался человека, скакавшего на лошади, и отказался исполнить поручение матери. Нашего пациента секли очень редко, но если до этого доходило, его всегда секли многохвостой плетью для собак. После этого ему нужно было сказать, за что его высекли, и попросить прощения. «Ребенок должен знать, — говорил отец, — в чем его вина». Однажды его высекли напрасно. Поскольку он не мог объяснить, за что его наказали, его секли снова и снова, пока он не придумал какой-то проступок и не признался в нем.

С самого раннего детства пациент враждебно относился к родителям. Его чувство собственной неполноценности приобрело такие масштабы, что он даже не мог себе представить, что в чем-то превосходит других. Его жизнь, как в школе, так и дома, была почти непрерывной цепью крупных и мелких поражений. Он считал, что ему не одержать даже самой малой победы. В школе до восемнадцати лет он всегда был предметом насмешек. Однажды над ним посмеялся даже его учитель, который прочитал его сочинение перед классом вслух, сопровождая чтение ироническими замечаниями.

Все эти происшествия заставляли его все больше и больше изолироваться от общества. В конце концов он стал удаляться от мира по собственной воле. В своей войне с родителями пациент открыл очень эффективный, хотя и дорогостоящий способ нападения. Он перестал с ними говорить. Этим жестом он разрубил главную связь между собой и

внешним миром. Поскольку он не мог ни с кем говорить, он стал абсолютно одинок. Никем не понятый, он ни с кем не говорил, а с родителями особенно; в конце концов люди также перестали с ним говорить. Все попытки вывести его в свет провалились, как позднее и все его попытки вступить с кем-то в интимные отношения — к его немалому сожалению. Такова история жизни пациента до двадцати восьми лет. Глубокий комплекс неполноценности, пропитавший всю его душу, дал толчок для развития непомерного честолюбия, неконтролируемого стремления к превосходству и самоутверждению, которое непрерывно искажало его отношения с внешним миром. Чем меньше он говорил, тем больше его душу заполняли, и днем и ночью, грезы о триумфах и победах.

И вот однажды ночью ему приснился описанный нами выше сон, в котором мы ясно видим, как действует его психика. В заключение позвольте напомнить вам сновидение, о котором рассказал древнеримский оратор Цицерон. Это один из самых знаменитых вещих снов в литературе.

Однажды поэт Симонид увидел лежащий на улице труп неизвестного человека и похоронил его. Позднее Симонид хотел предпринять морское путешествие, но призрак похороненного им мертвеца предостерег его: если он отправится в это путешествие, его ждет кораблекрушение. Симонид никуда не поехал. Корабль, на котором он должен был отплыть, действительно пропал без вести со всеми, кто на нем был.

Если верить Цицерону, этот случай потрясал до глубины души всех, кто слышал о нем, в течение сотен лет. Если мы желаем истолковать этот случай, нам необходимо учесть, что в те времена корабли часто терпели крушения. Нам также нужно помнить, что из-за этого многим людям накануне морского путешествия часто снились кораблекрушения. Среди множества подобных сновидений это оказалось настолько близко к событиям реальной жизни, что рассказ о нем сохранился для потомков. Любители таинственного пытают к подобным историям особую слабость. Наше, более материалистическое истолкование этого сновидения следующее: поэт, движимый инстинктом самосохранения, вероятно, не испытывал особого энтузиазма по поводу этой поездки. По мере того как дата отплытия приближалась, ему требовалось оправдать свои колебания. Поэтому он присвоил роль прорицателя мертвецу, который был ему обязан своим погребением. Разумеется, поэт отказался от поездки. Если бы корабль не потонул, мир бы так никогда ничего и не узнал об этом сновидении. Мы замечаем только то, что тревожит нас, что напоминает нам: не все на небесах и на земле доступно нашему пониманию. Провидческую природу снов можно понять, поскольку мы знаем: как во

сне, так и в реальности отражена жизненная установка данного индивидуума.

Кроме того, следует принять во внимание, что не все наши сны нам понятны — скорее наоборот, понятны лишь немногие. Мы забываем сон немедленно, как только он произвел на нас то или иное впечатление, и не понимаем, что лежит в его основе, если мы не обучены толкованию снов. И все же эти сновидения суть также не более чем символическое и метафорическое отражение образа действий и поведения индивидуума. Главное значение такого сравнения в том, что оно указывает путь к решению проблемы. Если мы бьемся над решением какой-то проблемы и склад нашей личности обуславливает выбор того или иного направления ее решения, то нам только остается отыскать что-нибудь, что даст нам окончательный толчок в этом направлении. Сновидения чрезвычайно хорошо приспособлены для того, чтобы усиливать наши эмоции или давать импульс, необходимый для разрешения данной проблемы данным способом. То, что человек, видящий сон, не осознает этой связи, не имеет значения. Достаточно того, что он получает откуда-то необходимую пищу для размышлений и стимул к действию. Само сновидение дает информацию о способе выражения мыслительных процессов того, кто его видит, а также о его манере поведения. Сновидение можно уподобить столбу дыма, который указывает на то, что где-то горит огонь; опытный лесник может, наблюдая за дымом, сказать, какое дерево горит, и так же точно психиатр может делать выводы о характере индивидуума, основываясь на истолковании его снов.

В заключение мы можем сказать, что сон показывает не только то, что видящий его человек ищет решения одной из своих проблем, но и то, как он видит эти проблемы. В частности, социальное чувство и стремление к власти — два фактора, которые влияют на взаимоотношения человека с окружающим миром и действительностью, — в его снах проявляются особенно четко.

ИНТЕЛЛЕКТ

Рассматривая психологические характеристики, дающие нам возможность понять человека, мы еще не анализировали интеллектуальные способности. Мы придавали мало значения тому, что индивидуум говорит и думает о себе, поскольку нам известно: любой может заблуждаться и каждый из нас считает себя обязанным подретуширивать свой

психологический образ, который он демонстрирует окружающему миру, прибегая для этого к многообразным хитроумным уловкам. Тем не менее одно нам удается с большой степенью достоверности — делать некоторые ограниченные выводы, наблюдая конкретные процессы и их выражение в речи. Если мы желаем точно оценить индивидуума, нам нельзя исключать из нашего анализа мысль и речь.

То, что мы гордо именуем интеллектом, или особой способностью к рассуждению, было объектом многочисленных наблюдений, анализов и тестов, включая и так называемые тесты интеллектуальных способностей, как у взрослых, так и у детей. До настоящего времени эти тесты не приносят успеха. Всякий раз, когда тестируется группа учащихся, результаты, как правило, показывают то, что учитель легко мог бы определить без всяких тестов. Сначала психологи-экспериментаторы этим очень гордились, хотя это должно было доказывать, что их тесты до некоторой степени излишни. Другое возражение против применения тестов интеллектуальных способностей заключается в том, что способности детей, процессы их мышления и рассуждения развиваются не одинаково, так что многие дети, которые сначала показывали плохие результаты, несколько лет спустя могут вырваться вперед. Кроме того, следует также учитывать, что городские дети, а также дети из образованных семей лучше подготовлены к прохождению тестов благодаря более богатому жизненному опыту и из-за этого получают искусственно завышенные результаты, затмевающие результаты других, менее подготовленных детей. Хороши известно, что восьми-десятилетние дети из обеспеченных семей при тестировании набирают гораздо больше очков, чем бедные дети того же возраста. Это не означает, что дети богатых родителей более способны; причина различий лежит исключительно в той среде, в которой они воспитывались.

До настоящего времени в области тестирования интеллектуальных способностей не заметно особого прогресса, что очевидно, когда мы анализируем плачевые результаты, полученные в Берлине и Гамбурге, где большой процент детей, набравших при тестировании наивысшие очки, впоследствии оказались никуда не годными учениками. Этот факт, по-видимому, доказывает, что хорошие результаты тестирования интеллектуальных способностей не дают стопроцентной гарантии будущего полноценного развития ребенка. С другой стороны, эксперименты в области психологии личности дали куда лучшие результаты, поскольку они были направлены не на измерение некоей степени развития; их цель заключалась в том, чтобы глубже проникнуть в

суть положительных факторов, лежащих в основе этого развития. Эти же наблюдения при необходимости давали ребенку возможность самому исправить ситуацию. Принцип психологии личности заключается в том, чтобы никогда не рассматривать способности ребенка мыслить и рассуждать изолированно, а изучать их только в контексте его психики как единого целого.

8

МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ НАЧАЛО

МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ И РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Ранее мы сделали из наших исследований вывод, что над всеми видами психической деятельности доминируют две великие склонности. Эти две склонности — социальное чувство и индивидуальное стремление к власти и господству — влияют на все виды человеческой деятельности и накладывают свой отпечаток на социальные установки любого индивидуума как при его стремлении к самосохранению, так и при выполнении им трех великих жизненных задач: любви, работы и общения. При анализе механизмов нашей психики нам нужно приобрести навык исследования количественных и качественных соотношений этих двух факторов, если мы хотим понять душу человека. Взаимоотношение этих факторов определяет способность данной личности постичь логику общественной жизни, а следовательно — ее способность подчинить себя разделению труда, которое вытекает из требований этой общественной жизни.

Разделение труда представляет собой важнейший фактор в жизни человеческого общества. Каждый когда-то и где-то должен внести в него свой вклад. Всякий, кто не вносит своего вклада, кто отрицает ценность общественной жизни, является по определению антисоциальной личностью и ставит себя вне сообщества людей. В простых случаях подобного рода речь идет об эгоизме, злобе, индивидуализме и смутянистве. В более сложных случаях мы имеем дело с чудаками, бездельниками и преступниками. Общественное осуждение подобных типов и черт характера вытекает из понимания их причин и осознания того, что они несовместимы с требованиями общественной жизни.

Таким образом, ценность любой личности определяется ее отношением к себе подобным и степенью ее участия в разделении труда, которого требует общественная жизнь. Если человек приемлет эту общественную жизнь, это придает ему важность в глазах других людей и превращает его в звено великой цепи, связывающей членов общества. Место личности в обществе определяется ее способностями. Эта простая истина в прошлом была сильно запутана и затемнена, поскольку

стремление к власти и желание доминировать привнесли в нормальное разделение труда ложные ценности. Стремление к власти и господству исказило картину общества и дало нам ложные критерии человеческих ценностей.

Индивидуумы нарушили разделение труда, отказываясь адаптироваться к своей роли в обществе. В дальнейшем новые трудности возникли по причине амбиций и властолюбия индивидуумов, которые вмешивались в общественную жизнь и общественный труд ради своих эгоистических интересов. Дополнительные осложнения возникли из-за классовых различий в нашем обществе. Личная власть и экономический интерес повлияли на разделение труда, закрепив все лучшие позиции в обществе — а именно те, которые дают наибольшую власть над ним, — за членами определенных групп, в то время как остальные индивидуумы из других групп были лишены права на эти позиции. Признание этих многочисленных посторонних факторов влияния на структуру общества позволяет нам понять, почему разделение труда никогда не было равномерным. В обществе постоянно действуют силы, нарушающие разделение труда и пытающиеся создать для одной группы привилегии, а другую поработить.

Тот факт, что человечество состоит из мужчин и женщин, приводит к разделению труда другого вида. По чисто физическим причинам женщины не допускались к некоторым видам деятельности, и в то же время иные дела не поручались мужчинам на том основании, что они найдут себе лучшее применение на других работах. Это разделение труда, по всей вероятности, возникло совершенно стихийно. Все движения за эмансипацию женщин, когда им удавалось взглянуть на предмет беспристрастно, признавали логичность этой точки зрения. Цель разделения труда не в том, чтобы лишить женщин их женственности или разрушить естественные взаимоотношения между мужчинами и женщинами. В идеале нам всем предоставляется возможность заниматься тем, для чего мы лучше всего приспособлены. По мере развития человеческой цивилизации это разделение труда развивалось таким образом, что женщины взяли на себя некоторые виды работ для того, чтобы мужчины могли более эффективно заниматься другими. Мы не вправе осуждать это разделение труда до тех пор, пока оно действует справедливо и без злоупотребления способностями или ресурсами.

МУЖСКОЕ ГЛАВЕНСТВО

В результате развития нашей культуры в направлении личной власти, особенно благодаря усилиям некоторых индивидуумов и классов общества, желающих обеспечить привилегии для себя, это разделение труда приняло характерные черты, которые повлияли на строение всей нашей цивилизации. Соответственно важность мужского начала в современной культуре всячески подчеркивается. Разделение труда становится таким, что привилегированной группе — а именно мужчинам — гарантируются определенные преимущества, и результатом этого является их господство над женщинами в разделении труда. Доминирующее мужское начало направляет деятельность женщин таким образом, что мужчины, как кажется, получают от жизни максимум удовольствия, в то время как женщинам поручают те дела, которых мужчины предпочитают избегать. В настоящее время имеет место постоянное стремление мужчин к господству над женщинами и, соответственно, неудовлетворенность господством мужчин со стороны женщин. Поскольку оба пола зависят друг от друга, легко понять, что такая постоянная напряженность между ними ведет к разладу и конфликтам, которые неизбежно должны быть чрезвычайно болезненными для обоих полов.

Все наши институты, наши традиции, наши законы, наша мораль, наши обычай свидетельствуют о том, что они выработаны и поддерживаются привилегированными мужчинами во славу мужского господства. Эти установления достигают даже детской и оказывают чреватое последствиями влияние на психику ребенка. Ребенку не обязательно в полной мере понимать эти влияния для того, чтобы его эмоциональная жизнь была ими глубоко затронута. О таких установках следует вспомнить, например, когда мы видим, как маленький мальчик впадает в ярость, если его попросить надеть «девачью» одежду. Если вы позволите жажде власти у мальчика достичь определенного уровня, вы наверняка увидите, что он отдает предпочтение привилегиям мужского пола, которые, как он осознает, гарантируют его превосходство повсюду.

Мы уже упоминали о том, что в процессе воспитания детей в наших семьях стремление к власти незаслуженно переоценивается. Соответственно склонность поддерживать и расширять мужские привилегии является логическим следствием этого стремления, так как в семье символом власти обычно служит именно отец. Его таинственные появления и исчезновения вызывают у ребенка куда больший интерес, нежели постоянное присутствие матери. Ребенок быстро признает важную роль, которую играет его отец. Ребенок видит, что Папа задает в семье тон, принимает все решения и везде выглядит лидером. Ребенок видит, что все

его слушаются и мать просит его совета. С любой точки зрения отец кажется ему сильным и могущественным. Есть дети, которые до такой степени преклоняются перед своими отцами, что полагают, будто те всегда правы; чтобы доказать правильность своего мнения, для них достаточно заявить, что так однажды сказал их отец. Даже в тех случаях, когда влияние отца кажется менее выраженным, у детей все равно создается впечатление главенства отца, если дело выглядит так, будто он несет на себе весь груз ответственности за семью, хотя на самом деле, возможно, лишь разделение труда дает ему возможность применять свои силы более эффективно.

Что касается истории происхождения мужского господства, мы должны заметить, что в природе это явление не встречается. Этот факт подтверждается тем, что для гарантии мужского господства оказываются необходимыми многочисленные законодательные установления. Также это указывает: до того, как господство мужчин обрело силу закона, вероятно, были другие эпохи, в которые привилегии мужчин были далеко не так надежно обеспечены. История это подтверждает. Во времена матриархата главенствующую роль, особенно в том, что касалось детей, играла женщина, мать. Тогда любой мужчина в племени обязан был чтить высокое положение матери. Иные обычай до сих пор носят отпечаток этого древнего порядка — например, в некоторых культурах дети называют всех незнакомых мужчин «дядями» или «кузенами». Переходу от матриархата к господству мужчин, должно быть, предшествовала жестокая борьба. Мужчины, которым хотелось бы верить, что их привилегии и прерогативы имеют естественное происхождение, удивляются, если узнают, что вначале мужчины не обладали этими привилегиями и должны были их отвоевывать. Одновременно с триумфом мужчин произошло подчинение женщин, и это наиболее ясно проявляется в истории развития законов, которая свидетельствует об этом длительном процессе подчинения.

Таким образом, господство мужчин не является чем-то естественным. Имеются данные, доказывающие, что оно возникло главным образом в результате постоянных стычек между первобытными племенами, в ходе которых мужчина получил более важную роль воина и в конце концов использовал свое новообретенное превосходство для того, чтобы начать главенствовать самому и в своих целях. Рука об руку с этим процессом шло развитие прав собственности и наследства, которые стали орудием господства мужчин: мужчина обычно приобретал собственность и владел ею.

Подрастающему ребенку, однако, не обязательно читать книги по этому вопросу. Хотя древняя история ему совершенно неизвестна, он

ощущает, что мужчина является привилегированным членом семьи. Это случается даже в тех случаях, когда отцы и матери благодаря своей прозорливости отказываются от этих привилегий, унаследованных от прошлых времен, в пользу большего равенства. Очень трудно убедить ребенка, что мать, занятая ведением домашнего хозяйства, так же важна, как отец, который занимает ответственную должность вне дома.

Вдумайтесь, что это означает для мальчика, который с первых дней жизни видит привилегированное положение и преобладание мужчин. Со дня своего рождения он воспринимается с гораздо большим энтузиазмом, чем дочь, так как родители зачастую предпочитают детей мужского пола. На каждом шагу мальчик ощущает, что, будучи сыном и наследником, он имеет большие привилегии и более серьезное значение в обществе. Случайно услышанные высказывания и ненароком увиденные происшествия обращают его внимание на то, что роль мужчины более важна. Главенство мужчин также становится для него очевидным, когда он видит, как всю грязную работу выполняют работницы-женщины, и эти впечатления подкрепляются тем, что женщины вокруг него отнюдь не уверены в своем равенстве с мужчинами.

Важнейший вопрос, который все женщины должны задавать будущим мужьям перед вступлением в брак, это: «Как ты относишься к господству мужчин, особенно в семейной жизни?» Однако в действительности этот вопрос редко задают и на него еще реже отвечают. Иногда мы видим, что женщины стремятся к равенству с мужчинами, а порой видим, что они в различной степени проявляют им покорность. В противоположность этому мы замечаем, что мужчины с детства уверены: им предстоит играть более важную роль. Они толкуют эту уверенность как свою безусловную обязанность и сосредоточиваются на решении проблем, которые ставит перед ними жизнь и общество, привилегированным, мужским путем.

Каждая ситуация, возникающая из этого взаимоотношения, жадно впитывается ребенком. Из нее он всякий раз выносит ряд картин, в которых по большей части женщина является собой жалкую фигуру. Таким образом, развитие мальчика происходит под ярко выраженным мужским влиянием. То, что он считает достойными целями в своей борьбе за власть, — это исключительно мужские качества и мужской взгляд. Из этого вырастает типично мужская социальная установка, корни которой ясно видны. На некоторые черты характера наклеиваются ярлыки «мужских», на другие — «женских», хотя объективных оснований для таких оценок не существует. Если мы сравним психологию мальчиков и девочек и найдем данные, которые, как кажется, подтверждают эту классификацию, речь пойдет не о

естественных явлениях, а об индивидуумах, заключенных в очень узкие рамки, чьи жизненные и поведенческие установки сужены особыми концепциями власти. Эти концепции власти непреложно указали им их место в миропорядке.

Различию между «мужественными» и «женственными» чертами характера нельзя найти оправданий. Мы видим, что обе эти группы черт характера чаще всего используются для удовлетворения стремления к власти. Другими словами, мы видим, что человек может стремиться к власти и будучи наделен такими якобы «женственными» чертами, как послушание и смирение; равно как преимущества, которые получает послушный ребенок, иногда ставят его в более выгодные условия по сравнению с непослушным ребенком, хотя в обоих случаях стремление к власти наличествует. Наши психологические исследования часто затрудняются тем обстоятельством, что стремление к власти выражается иногда очень сложным способом.

По мере того как мальчик подрастает, мужественность превращается в его важную обязанность. Его честолюбие, его стремление к власти и главенству бесспорно связаны с обязанностью быть мужественным и отождествляются с ней. Для многих мальчиков, желающих власти, недостаточно просто знать о своей мужественности; они должны доказать, что они мужчины, и поэтому должны иметь привилегии. С одной стороны, они могут достичь этого, прилагая усилия, чтобы выделиться; с другой стороны, могут преуспеть в этом, всячески помыкая окружающими их женщинами. В зависимости от степени встречаемого ими сопротивления такие мальчики для достижения своей цели прибегают либо к упрямству и бунтарству, либо к хитрости и ловкости.

Поскольку каждый человек оценивается соответственно критериям привилегированного мужского пола, неудивительно, что мы всегда напоминаем ребенку именно об этом стандарте. Он неизбежно начинает мерить себя этой меркой, наблюдая за собой в действии и размышляя о том, достаточно ли «мужественны» его поступки, является ли он «настоящим мужчиной». То, что в наше время принято считать «мужественностью», является прежде всего чистой воды эгоизмом, удовлетворением своего самолюбия и внушением себе чувства превосходства и доминирования над другими. Все это совершается при помощи таких на первый взгляд позитивных характеристик, как мужество, сила, верность долгу и одержание всяческих побед (особенно над женщинами), приобретение чинов, наград и титулов, сопротивление так называемым «женственным» наклонностям и тому подобное. Идет постоянная битва за личное

превосходство, поскольку стремление к преобладанию считается «мужской» добродетелью.

Таким образом, мальчик имитирует те особенности, которые он замечает у взрослых мужчин, особенно у своего отца. Последствия этой искусственно внущенной мании величия мы наблюдаем в нашем обществе повсюду. Уже в детстве мальчика подстрекают к тому, чтобы обеспечить для себя некоторый объем власти и привилегий, и это называется «мужественностью». В наихудших случаях она деградирует в высокомерие и жестокость.

Преимущества, которые мужчины получают по праву рождения, при нынешнем положении вещей очень заманчивы. Поэтому нам не следует удивляться, когда мы видим, что многие девочки выбирают для себя мужской стиль поведения либо как недостижимый идеал, либо как критерий собственного поведения. Этот идеал может проявляться в качестве социальной установки в отношении как поведения, так и внешности. По-видимому, в условиях нашей культуры многим женщинам хочется быть мужчинами! Р этой группе мы, в частности, можем отнести девочек, отличающихся неудержимым желанием проявить себя в тех играх и видах деятельности, которые по физическим причинам больше приличествуют мальчикам. Они лазают по деревьям, предпочитают играть с мальчиками и избегают любой «женской» деятельности как чего-то постыдного. Они получают удовлетворение лишь от мужских занятий. Нам нетрудно понять, почему они отдают предпочтение мужественности, стоит лишь осознать, что стремление к превосходству связано больше с тем значением, которое мы придаем тому или иному виду деятельности, чем с деятельностью как таковой.

МИМАЯ НЕПОЛНОЦЕННОСТЬ ЖЕНЩИН

Мужчины обыкновенно оправдывают свое господствующее положение не только тем, что оно якобы является естественным, но и тем, что их главенство с неизбежностью вытекает из неполноценности женщины. Эта концепция неполноценности женщины настолько распространена, что затрагивает все расы. С этим предрассудком связана и некоторая присущая мужчинам тревожность, вероятнее всего, появившаяся в период борьбы с матриархатом, когда власть женщин была причиной для реальной тревоги. Указания на это постоянно встречаются в литературе и истории. Один древнеримский автор пишет: «Mulier est hominis confusio» — «Женщина —

это искажение человека». Популярной темой богословских диспутов был вопрос о том, обладают ли женщины душой, а на тему, являются ли женщины на самом деле людьми, написаны ученые диссертации. Столетия охоты на ведьм являются печальным свидетельством заблуждений, страхов и недоразумений вокруг таких вопросов, царивших в течение всей этой постыдной эпохи.

Зачастую женщины считались источником всяческого зла, что отражено в библейском догмате о первородном грехе и в «Илиаде» Гомера. История Елены показывает, как одна женщина бывает способна ввергнуть целые народы в смуту и несчастья. Легенды и сказки всех веков повествуют о моральной неполноценности женщин, их злобе и двуличии, их коварстве и непостоянстве. Понятие «женской порочности» даже использовалось в качестве аргумента в судебных процессах. Пословицы, анекдоты, поговорки и шутки во всех литературах и у всех народов полны уничижительных отзывов о женщинах. Женщины обвиняются в злобности, мелочности, скудоумии и так далее.

Для подтверждения женской неполноценности мужчины не останавливаются ни перед чем. При этом в одних рядах с мужчинами — сторонниками этого тезиса, подобными Стриндбергу и Шопенгауэру, идет немало женщин, смирившихся с мыслью о собственной неполноценности. Это поборницы женского долга подчиняться. Пренебрежение женщинами и их работой повсеместно демонстрирует тот факт, что женщинам зачастую платят меньше, чем мужчинам, даже в тех случаях, когда их работа имеет одинаковую стоимость.

При сравнении результатов тестов интеллектуальных способностей и одаренности было обнаружено, что к некоторым предметам, например математике, мальчики проявляют больше таланта, в то время как девочки более способны к другим предметам — например, языкам. Мальчики действительно проявляют больший талант, чем девочки, в учебе, которая готовит их к традиционно мужским профессиям, однако это превосходство скорее видимое, нежели реальное. Если мы внимательнее исследуем положение девочек, мы поймем, что тезис о более слабых умственных способностях женщин — заведомая ложь.

Девочкам каждый день объясняют, что они менее способны, нежели мальчики, и могут заниматься лишь самой простой работой. Неудивительно, что рано или поздно их удается убедить, будто женщинам уготована горькая судьба и этого ничем не исправить, и даже заставить поверить в собственную неполноценность. Запуганная таким образом, девочка будет подходить к «мужским» занятиям — если ей вообще

представится такая возможность — с предубеждением. Прежде всего она будет считать, что они не смогут ее достаточно заинтересовать. А если ей и удастся ими заинтересоваться, вскоре у нее опустятся руки из-за недостатка поощрения и веры в себя.

В таких условиях так называемые доказательства низких способностей женщин могут показаться убедительными. Для этого имеются две причины. Во-первых, это заблуждение подкрепляется тем фактом, что о ценности того или иного человеческого существа зачастую судят с сугубо коммерческой точки зрения или исходя из односторонних и крайне эгоистических критериев. При наличии таких предрассудков трудно ожидать понимания того, насколько исполнительность и способности совпадают с психологическим развитием. Все это подводит нас ко второму тезису, являющемуся причиной появления софизма о более низких умственных способностях женщин. Часто упускается из виду, что с того момента, когда девочки появляются на свет, им постоянно внушают предрассудки, всецело рассчитанные на то, чтобы лишить их веры в ценность собственной личности, подорвать их уверенность в себе и уничтожить их надежду когда-либо сделать что-нибудь достойное. Если этот предрассудок постоянно подкрепляется, если девочки вновь и вновь видят, как женщин обрекают на подчиненные роли, нетрудно понять, почему они теряют решительность, оказываются не в силах принять на себя свои обязанности и самоустраниются от разрешения жизненных проблем. После всего этого стоит ли удивляться, что девочки могут казаться бесполезными и бездарными!

И все же если бы мы, общаясь с любым человеческим существом, подрывали его самоуважение в том, что касается его отношений с обществом, внушали, что ему не стоит и надеяться чего-либо в жизни достигнуть, и лишали его решительности, а затем обнаружили бы, что из него так ничего и не вышло, мы бы не посмели утверждать, что были правы с самого начала. Нам бы, наверное, пришлось признать, что причиной всех его несчастий являемся мы сами!

В условиях нашей цивилизации девочке легче легкого потерять решительность и уверенность в себе. И тем не менее проведенные тесты интеллектуальных способностей дали интересные результаты: одна группа девочек в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет показала более высокие таланты и способности, чем любая другая группа, включая и мальчиков. Дальнейшие исследования выявили, что все эти девочки живут в семьях, где мать либо является единственным кормильцем, либо вносит большой вклад в семейный бюджет. Эти девочки росли в среде, где

предрассудки относительно умственной неполноценности женщин либо отсутствовали, либо были слабо выражены. Они своими глазами видели плоды тяжелого труда своих матерей и в результате их развитие шло гораздо более свободно и независимо, без всякого влияния тормозящих факторов, неразрывно связанных с верой в неполноценность женщин.

Еще один довод против наличия какой-либо истины в этом предрассудке — это немалое число женщин, достигших равных высот с мужчинами в широком диапазоне областей деятельности, особенно в литературе, искусстве, ремеслах и медицине. Кроме этих выдающихся женщин имеется, как известно, не меньшее число мужчин, которые не только ничего не добились в жизни, но и настолько бестолковы, что их легко можно было бы считать доказательством (разумеется, подложным) того, что мужчины являются низшим полом.

Черты женского характера, которые якобы служат доказательством утверждения о неполноценности женщин, при тщательном рассмотрении оказываются не более чем проявлениями заторможенного психического развития. Мы не претендуем на то, что можем превратить любого ребенка в так называемую «талантливую личность», но мы всегда можем сделать из него «бездарного» взрослого. Сами мы, к счастью, такого ни разу не сделали. Однако мы знаем других, которые в этом более чем преуспели. То, что в наши дни такая судьба постигает девочек чаще, чем мальчиков, легко признать. Более того, мы часто были свидетелями, как на наших глазах считающиеся «бездарными» дети внезапно обнаруживали такие таланты, что это казалось едва ли не чудом!

ОТКАЗ ОТ ЖЕНСКОЙ РОЛИ

Очевидные преимущества, данные мужчинам, привели к таким нарушениям в психическом развитии женщин, что в настоящее время существует почти всеобщая неудовлетворенность женской ролью, которую я назвал «мужским протестом». Умственное развитие женщин движется почти по тому же пути и подчиняется почти тем же правилам, что и у тех мужчин, которым их место в жизни внушило сильное чувство собственной неполноценности. Дополнительное, усугубляющее ситуацию осложнение ожидает девочку из-за предрассудка относительно ее якобы неполноценности, обусловленной ее полом.

Если значительное число девочек оказываются в силах как-то компенсировать свой недостаток, это происходит благодаря их характеру и

умственным способностям, но порой также вследствие некоторых благоприобретенных привилегий. Это ясно показывает, как одна ошибка может привести к другим. Подобные привилегии — это особые поблажки, освобождение от обязанностей и удовольствия, которые имеют то мнимое преимущество, что они, как представляется, демонстрируют глубину уважения к женщинам. В этом может заключаться некий идеализм, но в своей основе этот идеал всегда создан мужчинами для их собственной выгоды. Жорж Санд однажды очень красноречиво сказала об этом: «Добродетельность женщины — это прекрасная выдумка мужчины».

В общем, мы можем различить три вида реакции женщин на современный стереотип женщины. Один вид уже описывался: девочка, развивающаяся в активном, «мужском» направлении. Она становится чрезвычайно энергичной и честолюбивой и постоянно борется за преуспеяние в жизни. Она стремится превзойти своих братьев и товарищей-мужчин, занимается деятельностью, которой обычно занимаются мужчины, интересуется видами спорта, в которых доминируют мужчины, и так далее. Зачастую она избегает всяческих любовных и брачных связей. Если она вступает в такую связь, ее брак может оказаться под угрозой из-за того, что она стремится отодвинуть мужа в семье на второй план. Такая женщина может испытывать сильную неприязнь ко всякого рода работе по дому. Она может высказывать эту неприязнь прямо или проявлять ее косвенно, говоря, что очень плохо делает эту работу. В последнем случае она станет доказывать свою правоту, постоянно демонстрируя, какая она бесполковая хозяйка.

Женщина этого типа стремится компенсировать зло мужского отношения к женщинам «по-мужски». Она всегда готова к обороне. Ее называют «сорванцом», «бой-бабой», «мужеподобной женщиной» и тому подобное. Эти ярлыки, однако, основаны на ложных представлениях. Немало людей считают, что такие девочки формируются под влиянием врожденной аномалии, некоего «мужского» секрета желез, который и является причиной их «мужской» социальной установки. Однако вся история цивилизации показывает, что угнетенное состояние, в котором находятся женщины, и те ограничения, которым они должны подчиняться даже сегодня, невыносимы ни для одного человеческого существа; они всегда вызывают бунт. Если этот бунт сегодня выражается в так называемой «маскулинизации», причина этого проста — имеются всего лишь две половые роли. Мы должны следовать одной из двух моделей: либо идеальной женщины, либо идеального мужчины. Отказ женщины от своей роли выглядит поэтому как «маскулинизация», и наоборот. Это

происходит не по причине какого-то таинственного секрета желез, а из-за того, что альтернативы просто *не существует*. Нам не следует ни на минуту упускать из виду те трудные условия, в которых происходит психическое развитие девочек. Пока мы не в силах гарантировать каждой женщине абсолютное равенство с мужчиной, мы не можем требовать от нее согласия подчиниться всем предполагаемым стереотипам поведения, существующим в нашем обществе.

Второй тип реакции бывает у тех женщин, которые идут по жизни с социальной установкой покорности, которые проявляют почти невероятную приспособляемость, послушание и безропотность. На первый взгляд такая женщина со всем соглашается и исполняет все, что ей велят, однако при этом выглядит такой неуклюжей и беспомощной, что ей ничего никогда не удается сделать как следует. У нее могут наблюдаться нервные симптомы, которые демонстрируют миру, насколько она слаба и как нуждается в защите. Таким образом она ясно дает понять, насколько неподготовлена к своей роли в жизни. Она просто невинная жертва своих «нервов». «Посмотрите на меня, — будто бы говорит она, — я такая старательная. Если я больна и неправляюсь, это не моя вина». И поскольку она «больна», ей оказывается не под силу удовлетворительно решить ни одной жизненной проблемы. Готовность этой женщины подчиниться, ее покорность, ее самоотречение коренятся в том же бунтарском духе, что и у женщин описанного выше типа, а их бунт ясно дает понять: «Мне такая жизнь не по нраву!»

Женщина, которая никак не восстает против женской роли, но несет в себе мучительное сознание того, что она обречена всю жизнь быть существом низшего порядка и подчиняться другим, представляет собой третий тип. Она твердо убеждена в неполноценности женщин, а также в том, что сделать в жизни что-либо достойное — это судьба одних мужчин. Вследствие этого она соглашается с привилегированным положением мужчин. Ее голос вливается в хор, славящий мужчину — деятеля и вершителя — и требующий предоставить ему особое положение. Она так откровенно демонстрирует, что считает себя слабой, словно стремится вознаградить себя за это дополнительной поддержкой. Но эта социальная установка — не что иное, как начало тщательно спланированной мести. В конечном счете она переложит все свои обязанности на мужа, с легким сердцем бросив в сторону: «Это мужское дело!»

Хотя женщин и считают низшими существами, дело воспитания детей в большой степени возложено на них. Представим себе женщин этих трех типов при исполнении этой важнейшей и труднейшей задачи. Женщины

первого типа, имеющие «мужскую» социальную установку, будут проявлять чрезмерную строгость и стараться почаще наказывать своих детей, которые будут расти под сильнейшим давлением — давлением, от которого они, само собой разумеется, будут пытаться избавиться. В лучшем случае подобное воспитание превращается в бессмысленную муштру. Дети обычно считают матерей такого типа очень плохими родителями. Всяческий крик и суматоха не приводят ни к чему хорошему, а кроме того, есть опасность, что дочери таких женщин будут подражать матери, в то время как сыновей подобное воспитание на всю жизнь отвратит от женщин. Среди мужчин, выросших под гнетом подобных матерей, мы встречаем немало таких, которые бегут от женщин как от чумы и неспособны доверять ни одной из них. В результате мы получаем явный конфликт между полами, причину которого легко понять, несмотря на то что некоторые исследователи до сих пор говорят о «неправильном распределении мужских и женских элементов».

Женщины остальных двух типов также оказываются плохими родителями. Они могут быть настолько нерешительны, что дети скоро замечают их неуверенность в себе и становятся неуправляемыми. В этом случае мать с удвоенными усилиями ворчит и ругает и грозит пожаловаться папе. То, что для наведения дисциплины она взывает к мужчине, снова выдает ее и показывает ее неверие в собственное умение воспитывать детей. Она слагает с себя обязанность растить детей, тем самым как бы подтверждая свое убеждение, будто только мужчины способны делать все, в том числе и воспитывать детей. Такие женщины просто избегают любых усилий по воспитанию и безжалостно перекладывают ответственность за это на отцов и учителей, поскольку считают себя неспособными успешно сделать это самостоятельно.

Неудовлетворенность женской ролью еще более очевидна у девушек, которые уходят от жизни по каким-нибудь так называемым «высшим» соображениям. Ярким примером таких случаев могут служить монахини и другие женщины, чей род деятельности требует безбрачия. Этот жест ясно демонстрирует их нежелание согласиться с ролью женщины в обществе. Аналогичным образом многие девушки в раннем возрасте поступают на работу, поскольку им кажется, что полученная ими благодаря этому независимость избавляет их от угрозы брака. Основной причиной этого также является нежелание взять на себя роль женщины.

Как быть, однако, с теми случаями, когда брак заключается и у нас есть основания полагать, что женская роль взята на себя добровольно? Оказывается, что брак не обязательно является признаком того, что

девушка примирилась с женской ролью. Типичным в этом отношении можно считать следующий пример. Тридцатишестилетняя женщина пришла к врачу, жалуясь на различные нервные симптомы. Она была старшим ребенком от брака между стареющим мужчиной и очень властной женщиной. То, что мать пациентки, весьма красивая девушка, вышла замуж за старика, внушает подозрения, что в браке родителей пациентки определенную роль сыграло недовольство женской ролью. Брак этот оказался несчастливым. Мать правила в доме как абсолютная властительница, всегда старалась настоять на своем любой ценой и ни в грош не ставила чувства других. При любой возможности она загоняла мужа в угол. Как рассказывала пациентка, ее мать даже не позволяла отцу прилечь на диван отдохнуть. Вся ее деятельность была сосредоточена на соблюдении неких «принципов ведения домашнего хозяйства», которые, как она считала, необходимо насаждать повсюду. Эти принципы были для семьи непреложным законом.

Наша пациентка была очень способным ребенком, в котором отец души не чаял. Однако ее мать никогда не была ею довольна и всегда была настроена против. Позднее, когда в семье появился сын, к которому мать относились с куда большим пониманием и любовью, атмосфера в доме стала невыносимой. Девочка осознала, что у нее имеется союзник в лице отца, который, при всей своей скромности и уступчивости в других вопросах, мог заступиться за дочь, если затрагивались ее интересы. Так у нее развились глубокая ненависть к матери.

В этом конфликте двух упрямцев любимым объектом нападения дочери стала навязчивая страсть матери к чистоте. Мать пациентки была настолько брезглива, что даже заставляла служанку протирать дверную ручку всякий раз после того, как та за нее возьмется. Девочке стало доставлять особое удовольствие ходить как можно более грязной и оборванной и пачкать все в доме всякий раз, когда ей предоставлялась такая возможность.

Черты характера, развившиеся у нее, были прямо противоположны тому, что ожидала от дочери мать. Этот факт однозначно опровергает теорию наследования характера. Если у ребенка развиваются только те черты, которые расстраивают и раздражают мать почти до невыносимости, причиной тому наверняка сознательный или бессознательный умысел. Вражда между матерью и дочерью продолжалась, и трудно представить себе более ожесточенную вражду.

Когда этой девочке исполнилось восемь лет, ситуация была следующей. Отец всегда брал сторону дочери; мать с лицом мрачнее тучи

ходила по дому, делала иронические замечания, насаждала свои «правила» и изводила дочь попреками. Та, озлобленная и агрессивная, старалась уязвить мать своим сарказмом. Дополнительным осложняющим фактором был врожденный порок сердца ее младшего брата — любимчика матери и очень избалованного ребенка, который пользовался своей болезнью для того, чтобы еще более завладеть вниманием матери. Было ясно, что ни один из родителей не ладит с обоими детьми. Таковы были условия, в которых выросла эта девочка.

Затем у нее появилось нервное заболевание, причину которого никто не мог объяснить. Главным симптомом болезни были мучившие ее дурные мысли о матери, настолько навязчивые, что они мешали всему, что она пыталась делать. В конце концов девочка внезапно и глубоко, хотя и достаточно безрезультатно заинтересовалась религией. Через некоторое время ее дурные мысли исчезли. Это приписывали действию того или иного лекарства, хотя вероятнее всего мать пациентки просто была вынуждена перестать к ней притираться. Однако остаточные явления болезни сохранились — выражались они в сильнейшем страхе перед громом и молнией.

Девочка верила, что гром и молния — кара за ее нечистую совесть и когда-нибудь она от них погибнет, поскольку у нее появлялись такие дурные мысли. Легко понять, что в это время пациентка пыталась избавиться от ненависти к матери. Девочка делала большие успехи, и ее будущее казалось безоблачным. Особое влияние на нее оказало высказывание учителя: «Эта девочка сможет все, если захочет!» Сами по себе эти слова не имеют большого значения, однако для этой девочки их подлинный смысл был таков: «Мне по силам все, надо только постараться». Стоило ей это понять, и ее конфликт с матерью разгорелся с новой силой.

Наступила юность, и она выросла прекрасной молодой женщиной, у которой было множество поклонников; однако ее отношения с другим полом были сильно затруднены остротой ее язычка. Ее влекло только к одному мужчине — пожилому человеку, жившему по соседству, и все опасались, как бы она когда-нибудь не вышла за него замуж. Но некоторое время спустя этот человек уехал, и наша пациентка не имела женихов до двадцати шести лет. В тех кругах, где она вращалась, это было чем-то из ряда вон выходящим, и никто не мог этого объяснить, так как никто не знал, в каких условиях онаросла. Ожесточенная война, которую она вела с матерью с детства, сделала ее необычайно сварливой. Единственным, что доставляло ей удовольствие, была борьба. Поведение матери постоянно раздражало дочь и заставляло жаждать побед над ней. Высшим счастьем

для нее были ожесточенные словесные баталии; так она тешила свое самолюбие. Ее «мужская» социальная установка выражалась также в том, что девушка старалась участвовать в спорах лишь с противником, победить которого ей не составляло труда.

В возрасте двадцати шести лет она познакомилась с достойным человеком, которого не устрашил ее воинственный характер и который очень настойчиво ухаживал за ней. При том он был крайне почтителен и покорен. Родственники принуждали ее выйти замуж за этого человека, но девушка отвечала, что не может об этом и думать — так он ей противен. Зная ее характер, это не трудно понять, однако после двух лет сопротивления она наконец приняла его предложение, пребывая в глубокой уверенности, что поработила его и сможет теперь делать с ним все, что захочет. Втайне она надеялась обрести в нем второй экземпляр своего отца для исполнения всех ее желаний.

Вскоре она обнаружила, что заблуждалась. Буквально через несколько дней после свадьбы ее муж превратился в завзятого домоседа, который покуривал трубку и, устроившись поудобнее, почитывал свою газету. Он уходил на работу в контору, пунктуально возвращался домой к обеду и ужину и беззлобно ворчал, если они не были готовы к его возвращению. Он требовал от нее чистоплотности, любви, пунктуальности и прочих качеств, которые она считала неразумными и вовсе не желала их культивировать. Их отношения даже отдаленно не напоминали отношений между ею и ее отцом.

Итак, молодая женщина оказалась у разбитого корыта. Чем большего она требовала, тем менее был склонен муж удовлетворять ее желания. Чем больше он упирал на ее обязанности домохозяйки, тем меньше она занималась домашним хозяйством. Она не упускала ни одной возможности напомнить мужу, что фактически он не вправе ничего от нее требовать, так как до замужества она ясно дала понять, что не любит его. Это не производило на него абсолютно никакого впечатления. Он настаивал на своем с таким упрямством, что будущее стало ее тревожить. Когда этот добродетельный, положительный человек ухаживал за ней, он пребывал в опьянении самоотречения, однако едва он завладел ею, это самоотречение исчезло.

Ситуация не улучшилась, когда она стала матерью и была вынуждена исполнять новые обязанности. Между тем ее взаимоотношения со своей матерью, которая во всем энергично принимала сторону зятя, все ухудшались и ухудшались. Постоянная война, шедшая в ее доме, велась такой тяжелой артиллерией, что не стоит удивляться тому, что муж

пациентки порой действовал неправильно и необдуманно, поэтому иногда жалобы жены были вполне справедливы. Поведение мужа было прямым следствием ее неприступности, а та, в свою очередь, была результатом нежелания пациентки примириться со своей женской ролью. Первоначально ей казалось, что она всю жизнь сможет играть в избалованную принцессу и до конца жизни ее будет сопровождать какой-нибудь раб, который станет исполнять все ее желания. Пациентка считала, что жить можно лишь при таких условиях.

Как же она должна была теперь поступить? Могла ли она развестись с мужем, вернуться к своей матери и признать себя побежденной? Она была неспособна самостоятельно зарабатывать на жизнь, потому что к этому ее никогда не готовили. Развод нанес бы жестокий удар по ее гордости и тщеславию. Жизнь была для нее сплошной мукой; с одной стороны — критика мужа, а с другой — тяжелая артиллерия матери, проповедующей чистоплотность и аккуратность.

И вдруг она тоже стала чистоплотной и аккуратной! Целыми днями занималась чисткой и наведением глянца на все в доме. Казалось, она наконец исправилась и приняла к сведению те поучения, которые мать столько лет вбивала ей в голову. Вначале эта внезапная перемена, должно быть, обрадовала мать и мужа пациентки, наблюдавших, как эта молодая женщина делает в доме генеральную уборку. Однако все хорошо в меру. Она мыла и протирала до блеска каждый уголок дома; все ей мешали, и она также мешала всем. Если после того, как она что-нибудь вымоет, кто-либо дотрагивался до этой вещи, ей приходилось перемывать ее заново, причем поручить это она никому не могла. Нервное расстройство, выражющееся в постоянном мытье и наведении чистоты, чрезвычайно распространено у женщин, которые бунтуют против своей женской участи и своей скрупулезной чистоплотностью пытаются возвыситься над теми, кто менее брезглив. Бессознательная цель их усилий одна — устроить во всем доме побольше беспорядка. Мало где можно было видеть такой беспорядок, как в доме этой женщины. Ее целью была не чистота, а дискомфорт всей ее семьи.

Мы могли бы привести много случаев, когда примирение с женской ролью оказывается чисто внешним. То, что у нашей пациентки не было подруг, то, что она ни с кем не ладила и никого не уважала, вполне укладывается в предполагаемую нами картину ее жизни.

В будущем нам необходимо разработать лучшие методы воспитания девочек, чтобы лучше подготовить их к примирению с жизнью. Как показывает описанная выше история болезни, даже при самых

благоприятных условиях достичь этого примирения не всегда представляется возможным. Вымысел о неполноценности женщин поддерживается в наше время законом и традицией, хотя все, кто сколько-нибудь разбирается в психологии, его отрицают. Поэтому мы должны быть начеку всякий раз, когда этот вымысел появляется на свет, и исправлять ложные социальные установки, которые его порождают. Мы должны так поступать не из-за какого-то патологически преувеличенного почтения к женщинам, но из-за того, что нынешнее неправильное отношение к ним подрывает логику всей нашей общественной жизни.

Воспользуемся этой возможностью, чтобы обсудить еще одну проблему, которой зачастую пользуются для того, чтобы унизить женщин: так называемый «опасный возраст» — период, через который они проходят примерно в возрасте пятидесяти лет и во время которого некоторые черты характера усиливаются. Для любой женщины, вступившей в климакс, физиологические изменения, претерпеваемые ею, кажутся потерей всех имевшихся у нее ранее оснований претендовать на значимость. В этих условиях она с удвоенными усилиями ищет каких-то способов самоутвердиться, поскольку ее положение стало более шатким, чем когда-либо. Основополагающий принцип нашей цивилизации гласит, что ценность имеет лишь нынешняя деятельность индивидуума; трудности во время старения испытывают все индивидуумы, но стареющие женщины — особенно.

Ущерб, который наносится стареющей женщине ее принижением, испытывают все люди, поскольку в жизни любого человеческого существа имеются непродуктивные периоды. О том, что люди совершили, будучи в расцвете сил, не следует забывать и в их преклонные годы. Нельзя отлучать людей от духовных и материальных благ общества лишь потому, что они стареют. Для женщин такое обращение фактически означает унижение и порабощение. Представьте себе, с каким беспокойством девочка-подросток предчувствует эту пору своей жизни. Женственность не исчезает с прекращением менструаций. Честь и достоинство человеческого существа не зависят от возраста, и надлежащее почтение к нему должно быть гарантировано.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ПОЛАМИ

Причиной всех этих малоприятных ситуаций являются заблуждения, присущие нашей цивилизации. Если для цивилизации характерны какие-

либо предрассудки, эти предрассудки касаются всех сторон этой цивилизации, и их признаки можно обнаружить повсюду. Заблуждения относительно неполноценности женщин и, соответственно, превосходстве мужчин постоянно разрушают гармонию между полами. Из-за этого во все сексуальные отношения привносится в высшей степени нежелательный элемент конфликта, угрожающий любой возможности счастья между полами и даже подрывающий ее. Этот конфликт отравляет, искажает и разъедает всю нашу чувственную жизнь. Этим объясняется, почему гармоничные браки так редки; этим объясняется, почему столь многие дети вырастают, считая, что брак — нечто чрезвычайно трудное и опасное.

Предрассудки вроде описанных нами выше могут в значительной степени не позволить детям правильно понять жизнь. Вспомните, сколько молодых девушек считает брак лишь каким-то аварийным выходом в жизни, и подумайте о мужчинах и женщинах, видящих в браке лишь неизбежное зло! Трудности, возникшие первоначально из-за этого конфликта между полами, сегодня приняли поистине гигантские масштабы. Чем меньше склонны женщины играть роль послушной самки и чем больше стремятся мужчины сохранить свое привилегированное положение, тем ожесточеннее становится этот конфликт.

Товарищество и дружба — признаки действительного примирения со своей половой ролью и реального равновесия между полами. Подчинение одного индивидуума другому так же невыносимо в сексуальных отношениях, как и в международной жизни. Каждому следует анализировать эту проблему с большой тщательностью, поскольку ошибочная социальная установка может привести к серьезным трудностям для обоих партнеров. Эта сторона человеческой жизни настолько важна, что в нее вовлечен каждый из нас. Еще большую сложность приобретает она в наше время, когда детей принуждают следовать поведенческим установкам, которые включают в себя пренебрежение к другим людям и их неприятие.

Спокойное воспитание могло бы, разумеется, преодолеть эти трудности, но мы живем в суэтное время, когда ощущается недостаток действительно испытанных и апробированных воспитательных методов. Особую проблему представляет собой лежащий в основе всей нашей жизни принцип конкуренции, доведенный и до детской. Все эти факты жестко, даже слишком жестко определяют ход нашей последующей жизни. Страх, заставляющий столь многих людей избегать основанных на любви отношений, вызван главным образом бессмысленным давлением, которое заставляет любого мужчину доказывать свою мужественность при любых

условиях, даже если для этого он вынужден прибегать к предательству и злобе или силе.

Очевидно, что, взаимодействуя друг с другом, эти факторы лишают межчеловеческие отношения всякой искренности и доверия. Донжуаны — это мужчины, не уверенные в собственной мужественности и нуждающиеся для ее подтверждения во все новых победах. Недоверие между полами, приобретшее всеобъемлющий характер, не позволяет людям быть откровенными друг с другом, и вследствие этого страдает все человечество. Преувеличенно мужественный идеал означает постоянный вызов, постоянное подстегивание самого себя, постоянную тревогу, которые приводят только к тщеславию, самовосхвалениям и сохранению установки на «привилегированность». Все это, разумеется, не способствует оздоровлению общественной жизни.

У нас нет причин выступать против движений за женскую эмансипацию. Наш долг — оказывать им поддержку в борьбе за свободу и равноправие, потому что в конечном счете счастье человечества в целом зависит от создания условий, в которых женщины смогут примириться со своей женской ролью, а мужчины в отношениях с ними достигнут счастья и спокойствия.

ЧТО МЫ МОЖЕМ СДЕЛАТЬ?

Из всех установлений, разработанных для улучшения взаимоотношений между полами, наиболее важным является совместное обучение мальчиков и девочек. Это установление признается не везде и не всеми; у него есть и оппоненты, и защитники. Главный аргумент его сторонников заключается в том, что при помощи совместного обучения люди разного пола получают возможность познакомиться друг с другом в самом раннем возрасте и это раннее знакомство может до некоторой степени разрушить предрассудки и в дальнейшем избавить людей от многих тревог. Противники совместного обучения обычно заявляют, что к моменту поступления в школу мальчики и девочки уже настолько различны, что, обучая их вместе, мы только усугубляем эти различия, поскольку мальчики начинают чувствовать себя скованно. Это происходит из-за того, что в школьные годы интеллектуальное развитие у девочек идет быстрее, чем у мальчиков. Мальчики, которые считают себя обязанными утвердить свою важность и превосходство, внезапно осознают, что их превосходство иллюзорно. Другие исследователи утверждали, что при

совместном обучении мальчики в обществе девочек чувствуют себя неловко и теряют самоуважение.

В этих аргументах, несомненно, заключается некоторая доля истины, однако они применимы только в тех случаях, когда мы понимаем совместное обучение как соревнование между полами, цель которого — выяснить, чьи таланты и способности выше. Если учителя и ученики понимают совместное обучение таким образом, оно и в самом деле пагубно. Если мы хотим, чтобы совместное обучение увенчалось успехом, нам требуются учителя, которые лучше понимают его. Совместное обучение представляет собой тренировку и приготовление к сотрудничеству в будущем между людьми различного пола при совместном выполнении различных задач. Без таких учителей совместное обучение потерпит неудачу — и его противники сочтут свою позицию более чем справедливой.

Только поэту под силу дать точный анализ взаимоотношений между полами во всей их полноте, мы же должны удовлетвориться тем, что укажем на главное. Девочка-подросток действует во многом так, как если бы она была существом низшего порядка, и все, что мы говорили о компенсации физических недостатков, вполне приложимо к ней. Разница заключается в том, что девочку заставляет верить в свою неполноценность окружающая действительность. Ее поведение определено ею настолько однозначно, что даже весьма прозорливые исследователи время от времени безосновательно уверялись в ее неполноценности. В результате оба пола барахтаются в навозной куче борьбы за престиж, и каждый пол пытается играть роль, для которой он не приспособлен. Что из этого выходит? Их жизни еще более усложняются, их взаимоотношения лишаются всякой искренности и наполняются софизмами и предрассудками, которые уничтожают всякую надежду на счастье.

9

СОЗВЕЗДИЕ СЕМЬИ

Мы часто привлекали внимание к тому факту, что перед тем, как составлять суждение о каком-либо человеке, нам нужно знать, в какой среде он рос. Важное влияние на ребенка оказывает его положение в созвездии семьи. Приобретя достаточный опыт, мы можем зачастую классифицировать детей в соответствии с этим положением и узнавать, являются ли они первенцами, единственными детьми, младшими в семье и так далее.

Должно быть, люди уже давно догадались, что младший ребенок в семье — это, как правило, особый ребенок. Об этом свидетельствуют бесчисленные сказки, легенды, библейские сказания и тому подобное, в которых младший ребенок всегда появляется в одном и том же свете. Дело в том, что он действительно растет в уникальной ситуации: для родителей он особый ребенок, и отношение к нему, как к младшему, особо заботливое. Он не только самый младший, но обычно также самый маленький и соответственно самый беспомощный. Его братья и сестры уже подросли и стали до некоторой степени независимыми, и поэтому он вырастает в более теплой атмосфере, нежели та, в которой довелось вырасти им. В связи с этим у него возникает ряд черт характера, которые оказывают совершенно особое влияние на его личность и отношение к жизни. Следует указать на одну особенность, кажущуюся парадоксальной. Никакому ребенку не нравится все время быть самым маленьким и наименее способным. Такое положение стимулирует ребенка к тому, чтобы доказать: он может сделать все сам. Его стремление к власти становится особенно выраженным, так что младший ребенок зачастую вырастает человеком, отчаянно стремящимся к превосходству и решившим быть лучшим во всем. Часто младший ребенок обгоняет всех остальных членов семьи и становится самым способным ее членом.

Имеется и другая группа младших детей, которым меньше посчастливило: они также обуреваются желанием превосходить других, однако у них отсутствует необходимая энергия и уверенность в себе из-за характера их взаимоотношений со старшими братьями и сестрами. Если младший ребенок не может затмить старших, он часто уклоняется от своих обязанностей, становится трусом и вечным нытиком, постоянно ищущим повода отлынивать от дела. Он не становится ни на йоту менее

честолюбивым, но та разновидность честолюбия, которая развивается у него, заставляет его увиливать от решения вопросов и заниматься деятельностью, находящейся вне насущных проблем жизни, с тем чтобы по возможности избегать такой опасности, как объективная проверка его способностей.

Несомненно, многие читатели замечали, что младший ребенок ведет себя так, будто он ощущает себя неполноценным и обойденным вниманием. В ходе наших исследований мы всегда были в состоянии обнаружить это чувство неполноценности, а также проанализировать психологическое развитие ребенка, происходящее под влиянием этого мучительного чувства. В этом смысле младший ребенок походит на ребенка, появившегося на свет с физическими недостатками. То, что ощущает ребенок, не обязательно должно соответствовать действительности. Неважно, что случилось на самом деле, является данный индивидуум неполноценным или нет. Важна лишь его собственная интерпретация его положения. Нам отлично известно, что дети легко дают ситуации превратное толкование. Детство — это время множества вопросов, возможностей и последствий.

Что должен делать педагог? Должен ли он использовать добавочные раздражители и подстегивать тщеславие такого ребенка? Должен ли он постоянно выталкивать его на авансцену, чтобы этот ребенок всегда был первым? Такое решение проблемы оказалось бы неверным. Опыт учит нас, что первый ты или нет — невелика разница; было бы лучше впасть в другую крайность и утверждать, что быть первым и лучшим не так уж важно. Нам может наскучить все время слушать о «первых и лучших». История, а также опыт показывают нам, что быть первым и лучшим в жизни далеко не главное. Настаивать на этом — значит сделать ребенка односторонне развитым; прежде всего такое воспитание лишает его шанса вырасти хорошим человеком.

Главное последствие доктрины о «первых и лучших» заключается в том, что ребенок думает только о себе и зря растратывает время, беспокоясь, не обогнал ли его кто-нибудь. Его душа наполнена завистью и ненавистью к своим товарищам и тревогой за свое собственное положение. Младшего ребенка его место в семье превращает в участника состязаний, напрягающего все силы, чтобы обойти остальных. Этот состязательный элемент демонстрирует все его поведение, особенно мелкие жесты, очевидные для любого, кто научился исследовать психологические стороны межчеловеческих взаимоотношений. Есть, например, дети, которые всегда маршируют во главе процессии и не выносят, чтобы кто-нибудь оказался

впереди них. Подобная привычка всюду чувствовать себя как на беговой дорожке характерна для большого числа детей.

Этот тип младшего ребенка иногда встречается в чистом виде, хотя более распространены различные его вариации. Среди младших детей мы находим деятельных и способных индивидуумов, которые отличились настолько, что стали спасителями всей своей семьи. Вспомните библейское сказание об Иосифе! В нем отлично описано положение младшего сына. Оно обрисовано там настолько ясно и подробно, что современные исследователи, располагающие всеми научными данными, не могут надеяться что-либо к этому добавить. За столетия психологией было потеряно немало ценного материала — материала, который мы должны попытаться открыть заново.

Есть и другой тип младшего ребенка — он похож на спортсмена, бегущего марафонскую дистанцию, который внезапно натыкается на препятствие, не будучи уверен, сможет ли он его перепрыгнуть. Он пытается уйти от трудностей, обойдя это препятствие. Когда младший ребенок такого типа теряет мужество, он становится самым невероятным трусом, какого только можно себе представить. Он всегда отстает, любая задача кажется ему слишком трудной; он непревзойденный мастер отговорок. В конечном счете он никогда не пытается сделать что-нибудь полезное и использует всю свою энергию на то, чтобы тратить время даром. В любом реальном конфликте он всегда терпит поражение. Обычно этот ребенок занят лихорадочными поисками такого рода деятельности, в котором был бы начисто исключен элемент соревновательности. Он всегда найдет объяснения своим неудачам. Он может заявить, что всегда был слишком слаб или слишком избалован или что братья и сестры не дали ему вырасти. Его судьба становится еще горше, если у него действительно имеется какой-то физический дефект; в таком случае он наверняка воспользуется своей слабостью, чтобы оправдать свою неудачу.

Ни один из этих типов никогда не сможет вырасти в полезного члена общества. Первому типу, тому, кто всегда стремится быть лучшим, хорошо живется в мире, где ценится соревнование ради соревнования. Такой человек будет сохранять свое душевное равновесие только за счет других. Индивидуумы второго типа оказываются раздавлены своим комплексом неполноценности и страдают от невозможности примириться с жизнью до самого ее конца.

Старший ребенок в семье также имеет четкую характеристику. Прежде всего у него есть такое преимущество, как отличная исходная позиция для психического развития. История признает, что старший сын занимает в

семье особо благоприятное положение. У многих народов и во многих классах общества этот привилегированный статус закреплен законом. Например, не подлежит сомнению, что у европейских фермеров сын-первенец знает о своем положении с раннего детства и понимает, что когда-нибудь он унаследует ферму, а потому его положение значительно благоприятнее, нежели у других детей, которые в конце концов должны будут уйти с отцовской фермы. У аристократов наследником родового титула является именно старший сын. Даже в семьях более скромного происхождения обычно считается, что старший ребенок наделен достаточными способностями и здравым смыслом, чтобы быть хорошим помощником родителям. Мы видим, как лестно для ребенка то, что окружающие постоянно дают ему ответственные поручения. Мы можем представить себе, что он мыслит примерно следующим образом: «Я старше, больше, сильнее остальных и значит, — я также должен быть умнее их». Если его развитие в этом направлении идет без помех, у него в конечном счете сформируется характер стражи закона и порядка. Такие люди безусловно очень высоко ценят власть. Это относится не только к их личной власти; это также оказывает влияние на их оценку власти вообще. Власть — это понятие, которое для старшего ребенка является чем-то само собой разумеющимся, чем-то важным, что должно почитать. Неудивительно, что такие индивидуумы отличаются консерватизмом.

Стремление к власти для второго ребенка тоже имеет особый оттенок. Вторые дети всегда находятся под гнетом и борются за превосходство; по их действиям легко заключить, что они относятся к жизни как к гонкам и это определяет цель их жизни. Тот факт, что впереди него находится кто-то, уже получивший власть, является для второго ребенка мощным раздражителем. Если он способен развить свой потенциал и нагнать первенца, он обычно будет продвигаться вперед огромными шагами, в то время как первенец, уже обладающий властью, считает свое положение относительно устойчивым, пока второй ребенок не угрожает его обогнать. Эта ситуация также очень живо описана в библейской легенде об Исае и Иакове. В этом сказании между братьями идет жестокая битва — не столько за реальную власть, сколько за внешние атрибуты власти. В подобных случаях второй ребенок продолжает бескомпромиссную борьбу до тех пор, пока цель не будет достигнута и первенец превзойден или пока битва не будет проиграна и не начнется отступление, признаком которого зачастую являются нервные расстройства. Социальная установка второго ребенка подобна социальной зависти низших классов общества. Доминирующая нота в ней основана на том, что его презирают и им

пренебрегают. Второй ребенок может поставить перед собой такую высокую цель, что будет страдать всю жизнь и лишится душевного покоя, преследуя иллюзорную и недостижимую цель.

Единственный ребенок, безусловно, находится в очень специфической ситуации. Он полностью отдан на милость своего воспитания. Его родители, если можно так выразиться, не имеют выбора; все свое внимание они сосредоточивают на единственном ребенке. Он становится чрезвычайно зависимым, всегда ждет, чтобы кто-нибудь указал ему путь, и постоянно ищет поддержки. Балуемый в течение всей жизни, он совершенно не привык к трудностям, поскольку кто-то всегда расчищал перед ним дорогу. Будучи постоянно центром внимания, он очень легко может возомнить, что он и в самом деле чрезвычайно ценная особа. Его положение настолько затруднительно, что он почти наверняка усвоит себе какие-то неправильные взгляды на жизнь. Если родители понимают опасности его положения, они, разумеется, могут предотвратить многие из них, однако в лучшем случае это остается сложной проблемой.

Зачастую родители «единственных» детей — необычайно благочестивые люди, которым жизнь кажется наполненной опасностями и соблазнами. Поэтому они обращаются со своим ребенком с преувеличенной заботой и вниманием. Ребенок, в свою очередь, истолковывает их заботу и предостережения как способ оказывать на них дополнительное давление. Наконец, из-за их постоянного внимания к его здоровью и безопасности мир начинает ему казаться очень враждебным. У него может возникнуть постоянный страх перед трудностями, к которым он подходит с неохотой, поскольку видел в жизни только приятное. У таких детей возникают затруднения с любой независимой деятельностью, и рано или поздно они оказываются неприспособленными к жизни. На жизненном пути им не миновать катастроф. Они подобны паразитам, которые ничего не делают, а лишь наслаждаются жизнью, пока кто-то другой заботится об их нуждах.

В состязании между несколькими братьями и сестрами возможны различные комбинации; поэтому оценка каждого случая индивидуально становится чрезвычайно затруднительной. В ситуации, когда среди нескольких девочек растет единственный мальчик, женское влияние может доминировать в семье настолько, что мальчик, особенно если он самый младший, оказывается оттесненным на задний план и окруженным фалангой женщин. Его стремление к самоутверждению встречается с большими проблемами. Находясь во враждебном окружении, он не может твердо рассчитывать ни на одну привилегию из тех, которые в нашей

непросвещенной мужской цивилизации предоставлены любому лицу мужского пола. Постоянная неустроенность и невозможность оценить свои человеческие качества становятся его наиболее характерными чертами. Женская часть семьи может его настолько запугать, что он начинает считать мужчин людьми второго сорта. С одной стороны, имеется большая вероятность того, что его мужество и уверенность в себе будут подавлены; однако, с другой стороны, раздражитель может оказаться таким сильным, что мальчик мобилизуется и многое достигнет. Обе реакции вытекают из одной и той же ситуации, и лишь сопутствующие обстоятельства определяют, что выйдет из таких мальчиков.

Таким образом, мы видим, какое влияние может оказывать положение ребенка в семье на его врожденный психический и интеллектуальный багаж. Этот факт выбивает у всех теорий наследственности, которые столь вредны для педагогики, почву из-под ног. Несомненно, имеются случаи, демонстрирующие наличие наследственных влияний, — например, у ребенка, растущего вдалеке от родителей, могут появляться некие «семейные» черты характера. Однако причину этого будет легче понять, если мы вспомним, как жестко обусловлены некоторые дефекты психического развития ребенка наследственными физическими недостатками. Представим себе ребенка, который родился физически слабым и стал от этого беспокойным и скованным. Если его отец появился на свет с тем же недостатком и вступал в жизнь тем же путем, неудивительно, что ребенок совершает аналогичные ошибки и у него развились аналогичные черты характера. Если взглянуть на теорию наследования приобретенных признаков с этой точки зрения, нам станет ясно, что ее фактические основы очень шатки.

Исходя из описаний, данных нами ранее, мы можем заключить: каким бы отрицательным влияниям не подвергался ребенок в ходе своего развития, наиболее серьезные последствия влечет за собой его желание господствовать над себе подобными, стремление к личной власти, которая даст ему преимущества по сравнению с ними. В нашей культуре он практически обречен развиваться по определенному образцу. Если мы хотим предотвратить такое порочное развитие, нам необходимо знать и понимать возникающие перед ним трудности. Есть лишь одна основополагающая позиция, которая поможет нам преодолеть все эти трудности; это позиция развития социального чувства. Если ребенку привито социальное чувство, никакие встреченные им препятствия не повредят его развитию. Однако поскольку в нашей культуре возможности для развития социального чувства относительно ограничены, встреченные

ребенком препятствия могут сыграть в его жизни важную и, возможно, пагубную роль.

Стоит нам это понять, и нас уже не удивит, почему множество людей посвящают всю свою жизнь борьбе, между тем как другим жизнь представляется юдолью слез. Мы должны понять, что эти люди — жертвы своего психического развития, которое пошло по ложному пути с тем плачевным результатом, что все их отношение к жизни сформировалось неправильно.

Мы, таким образом, должны оценивать себе подобных с чрезвычайной осторожностью и прежде всего никогда не позволять себе давать какие-либо моральные оценки, оценки, касающиеся нравственной ценности того или иного человеческого существа. Напротив, мы должны пользоваться нашими знаниями на благо общества. Мы должны подходить к заблуждающимся и обманутым людям с сочувствием, поскольку мы гораздо яснее их понимаем, что происходит внутри них. На основе наших открытий возникают новые важные взгляды на педагогику. Сама возможность распознать источник заблуждений дает нам в руки множество мощных орудий для улучшения ситуаций. Анализируя структуру и развитие психики любого человека, мы можем не только понять его прошлое, но также строить обоснованные предположения относительно его будущего. Так наша наука дает нам некоторое представление о том, что реально представляет собой тот или иной человек. Он становится для нас живым существом, а не просто картонной марионеткой. Следовательно, мы способны ощущать его человеческую ценность гораздо более полно и осмысленно, чем это характерно для нашей эпохи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАУКА О ХАРАКТЕРЕ

10

ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

КАК МЫ СТАНОВИМСЯ ТЕМ, ЧТО МЫ ЕСТЬ?

То, что мы называем чертой характера, является выражением каких-то попыток данной личности приспособиться к миру, в котором она живет. Характер — понятие социальное. Мы можем говорить о черте характера, только рассматривая индивидуума во взаимосвязи с его социальной средой. Не так уж важно, каков был характер Робинзона Крузо, — по крайней мере, до его встречи с Пятницей. Характер — это психологическая модель, качество и природа взаимоотношений индивидуума с той средой, в которой он живет. Это поведенческая установка, согласно которой он ведет борьбу за самоутверждение в соответствии со своим социальным чувством.

Мы уже убедились, что превосходство, власть, порабощение других — это цель, к которой направлена деятельность большинства людей. Эта цель определяет мировоззрение индивидуума. Она формирует его поведенческие установки и дает конкретное направление его разнообразным мыслям и чувствам. Черты характера являются лишь внешними проявлениями стиля жизни и поведенческой установки данного индивидуума. Соответственно, они дают нам возможность понять его отношение к окружающей действительности, к себе подобным, к обществу, в котором он живет, и к проблемам существования вообще. Черты характера суть инструменты, орудия, которые личность в целом использует для обретения признания и самоутверждения; применение таких орудий личностью — это и есть «техника» жизни.

Черты характера не наследуются, как это многим кажется, и не проявляются от рождения. Они являются как бы жизненным шаблоном, который позволяет каждому человеку жить и самовыражаться в любой ситуации, будучи избавленным от необходимости сознательно ее осмысливать. Черты характера не являются выражением унаследованных способностей или склонностей. Мы приобретаем их с тем, чтобы они помогали нам идти по жизни определенным путем. Например, ни один ребенок не рождается ленивым. Ребенок становится ленивым потому, что лень ему кажется наилучшим средством облегчить себе жизнь и в то же время позволяет ему сохранить ощущение собственной значимости.

Стремление к власти также можно до некоторой степени объяснить в рамках социальной установки лени. Индивидуум может привлекать всеобщее внимание к какому-нибудь своему врожденному дефекту и таким образом спасать лицо в случае поражения. Конечный результат такой интроспекции всегда примерно следующий: «Если бы у меня не было этого дефекта, мои таланты получили бы блестящее развитие. Но, к несчастью, я — инвалид!» Другой индивидуум, ведущий затяжную войну с окружающей действительностью, причина которой — его необузданное властолюбие, разовьет в себе всевозможные орудия власти, способные помочь его военным усилиям: такие, как честолюбие, зависть, недоверие и тому подобное. Мы полагаем, что такие черты характера неотделимы от общего склада личности, но они не являются врожденными или неизменными. При ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем, что данная личность сочла их необходимыми и приемлемыми для своего образа поведения и сформировала их с этой целью — порой в самом раннем детстве. Эти факторы не первичные, а вторичные, и к жизни их вызвала тайная цель данной личности. О них необходимо судить с точки зрения телеологии.

Вспомним наши предыдущие объяснения, в которых мы показали, как стиль жизни индивидуума, его действия, его поведение, его положение в мире тесно связаны с его целью. Мы не можем ни о чем подумать и ничего предпринять, не имея какой-то определенной цели. Эта цель присутствует в сумрачных глубинах психики ребенка и направляет его психологическое развитие, начиная с самых первых дней его жизни. Эта цель дает его жизни форму и характер. Благодаря ей каждый индивидуум представляет собой обособленное и неповторимое целое, отличающееся от всех других личностей. Все его действия и все проявления его жизни направлены к этой тайной цели. Узнав эту цель, мы сможем познать и личность.

В том, что касается психики и характера личности, наследственность играет сравнительно маловажную роль. Конкретных данных, подтверждающих теорию наследования черт характера, нет. Наш характер формируется на самой ранней стадии жизни, настолько ранней, что кажется, будто он унаследован. На самом же деле он приобретен благодаря наблюдению и подражанию. Причина, по которой те или иные черты характера оказываются присущи целой семье, нации или расе, заключается в том, что один индивидуум перенимает их у другого путем подражания или при участии в деятельности другого. Дети и подростки — непревзойденные имитаторы.

Жажда знаний, которая иногда выражается в желании видеть, может привести к тому, что у детей с дефектами зрения разовьется такая черта

характера, как любопытство, однако если того требует поведенческая установка данного ребенка, та же жажда знаний может развиться в совершенно иную черту характера. Один и тот же ребенок может удовлетворять ее тем, что будет исследовать вещи и разбирать их или ломать. Между тем при других обстоятельствах такой ребенок может стать прилежным учеником и полюбить книги.

Таким же образом мы можем исследовать склонность к недоверчивости у людей с дефектами слуха. В условиях нашей цивилизации они подвергаются особой опасности и чутко улавливают эту опасность. К тому же они являются предметом осмеяния и унижений, зачастую с ними обращаются как со слабоумными. Эти факторы имеют решающее значение для развития недоверчивого характера. Поскольку глухие лишены многих удовольствий, неудивительно, что они должны относиться к ним враждебно. Однако было бы неправильно считать, что недоверчивость у глухих является врожденным признаком.

В равной мере ошибочна и теория, согласно которой врожденными являются криминальные наклонности. На доводы ее сторонников мы можем возразить: во многих семьях вырастает несколько преступников оттого, что старшие члены семьи передают свои антисоциальные установки младшим, которые учатся на их примере. Детей в таких семьях с раннего детства учат, что воровство — это выгодное занятие, и таким образом они продолжают семейную традицию.

Примерно так же можно рассматривать и стремление к самоутверждению. Все дети сталкиваются в жизни с таким множеством препятствий, что ни одному ребенку не дано вырасти без борьбы за самоутверждение в чем-либо. Эта борьба может принять разнообразные формы, и каждый человек решает проблему своего самоутверждения индивидуально. Наблюдаемое сходство между характерами отцов и детей можно легко объяснить тем, что ребенок, стремясь самоутвердиться, копирует окружающих его индивидуумов, которые уже самоутвердились и завоевали уважение других. Каждое поколение учится подобным образом у предшественников и сохраняет то, что оно усвоило, пройдя через все трудности и осложнения, к которым может привести это стремление к власти.

Цель достижения превосходства на других — это тайная цель. Наличие социального чувства не дает жажде превосходства проявиться открыто — она вырастает втайне и прячется за подходящим фасадом. Однако следует вновь указать на то, что этот рост не был бы таким тропически роскошным, если бы мы, люди, понимали друг друга лучше.

Если бы каждый из нас обладал способностью видеть через маску своего ближнего спрятанный за ней характер, то мы могли бы не только лучше защищать себя, но также затруднить для других стремление к власти, поскольку эта игра не стоила бы свеч. В таких условиях завуалированная борьба за превосходство исчезла бы. Поэтому для нас имеет смысл поближе рассмотреть эти взаимоотношения и воспользоваться полученными экспериментальными данными.

Мы живем в таких сложных культурных условиях, что надлежащая подготовка к жизни очень затруднена. Люди были лишены главного средства для развития психологической интуиции. Вплоть до нашего времени единственной функцией школ являлось распределение сырого материала знаний между детьми, чтобы они восприняли из них то, что могут и хотят, не стимулируя специального интереса к ним. И даже таких школ недостаточно. Наиболее важная предпосылка для приобретения знаний о природе человека до сих пор в значительной степени игнорировалась. Мы также обучались измерять людей в старой школе мысли. Здесь мы научились отличать хорошее от плохого; однако мы не были обучены пересматривать наши мнения, вследствие чего вынесли это заблуждение в жизнь и работаем в его рамках до сегодняшнего дня.

Будучи взрослыми, мы по-прежнему относимся к предрассудкам и заблуждениям нашего детства так, как будто бы они являлись священными законами. Мы еще не понимаем, что нам предстоит жить в хаосе нашей сложной культуры, что мы усвоили точки зрения, которые реальное проникновение в суть дела сделало бы невозможными. В конечном счете, мы продолжаем интерпретировать все с точки зрения повышения нашей личной самооценки и в целях увеличения собственной власти.

СОЦИАЛЬНОЕ ЧУВСТВО. ОБЩИННЫЙ ДУХ И РАЗВИТИЕ ХАРАКТЕРА

После стремления к власти наиболее важную роль в развитии характера играет социальное чувство. Так же как стремление к самоутверждению, оно находит свое выражение в первых побуждениях ребенка, особенно в его желании общения и нежности. Ранее мы объясняли, какие условия необходимы для развития социального чувства; здесь мы снова хотим вкратце остановиться на этом предмете. Общинный дух, или социальное чувство, находится под влиянием как чувства собственной неполноценности, испытываемого человеком, так и

компенсаторного стремления к власти. Люди очень восприимчивы ко всякого рода комплексам неполноценности. Процесс психического развития, рост тревожности, которая заставляет искать компенсации и безопасности, начинается в тот момент, когда появляется чувство неполноценности. В правилах воспитания детей должно быть учтено то, что мы понимаем присущее детям ощущение собственной неполноценности. Эти правила можно сформулировать следующим образом: не делайте жизнь для ребенка слишком мрачной и не позволяйте ему слишком рано увидеть темную сторону жизни. Дайте ему шанс ощутить радость бытия. По экономическим причинам применить эти правила на практике не всегда представляется возможным. К несчастью, многие дети вырастают в условиях бедности и нужды. Физические дефекты также играют важную роль, поскольку они делают нормальную жизнь невозможной и внушают ребенку мысль, что он нуждается в особых привилегиях. Дети, познавшие на собственном опыте, что такое бедность илиувечье, с неизбежностью будут считать, что жизнь дурно с ними обошлась. От этого, в свою очередь, возникает большая опасность того, что их социальное чувство будет аномальным.

Мы не можем судить о каком-либо человеческом существе иначе, как используя в качестве мерки социальное чувство и оценивая мысли и действия данного человека с помощью этой мерки. Мы должны придерживаться этой точки зрения, поскольку любой индивидуум внутри общественного организма обязан быть его частью. Мы должны осознать свой долг по отношению к себе подобным. Мы со всех сторон окружены обществом и должны жить согласно логике общественного существования. Эта логика определяет тот факт, что для оценки себе подобных нам требуются какие-то ясные критерии. Степень развития социального чувства у того или иного индивидуума — единственный критерий человеческих ценностей, чья величина абсолютна. Мы не можем отрицать нашу психологическую зависимость от него. Никто из людей не способен полностью игнорировать свое социальное чувство.

Всем нам отлично известно, что у нас есть обязанности по отношению к себе подобным. Наше социальное чувство постоянно напоминает нам об этом. Это не означает, что оно постоянно присутствует в нашем сознании и мыслях; однако для того, чтобы отказаться от социального чувства и отвергнуть его, требуется некоторая решительность. Кроме того, социальное чувство настолько всеобъемлюще, что никто не способен начать ни одного действия, не сверившись предварительно с ним. Необходимость найти оправдание каждому поступку и мысли порождается

нашим бессознательным ощущением общественного единства. По крайней мере, это причина того, почему мы ищем смягчающих обстоятельств для оправдания наших действий. Интересно, что социальное чувство настолько фундаментально и важно, что даже если эта способность учитывать интересы других у нас отстает в развитии от уровня большинства людей, мы тем не менее прилагаем усилия к тому, чтобы казаться не хуже их. Это означает, что притворное социальное чувство порой используется для прикрытия антисоциальных мыслей и поступков, которые являются истинными проявлениями натуры данной личности. Рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих злоупотребление социальным чувством.

Однажды молодой человек рассказал нам, как он с несколькими товарищами отправился на остров в море, где они провели некоторое время. Случилось так, что один из его спутников, наклонившись с обрыва, потерял равновесие и упал в море. Наш молодой человек с большим интересом наблюдал, как падает его товарищ. Позднее, размышая над этим случаем, он осознал, что такое поведение не показалось ему странным. Правда, упавший в море молодой человек был спасен, но мы со всем основанием можем утверждать, что социальное чувство рассказчика минимально. Мы не изменим это мнение, даже если узнаем, что он за всю жизнь не причинил никому вреда или что порой он был кому-то добрым другом.

Наше предположение должно быть подкреплено другими фактами. Часто этому человеку приходила в голову одна и та же мечта: жить в изоляции от всех людей в хорошенъком домике посреди леса. Эта картина была также любимым мотивом его рисунков. Всякий, кто понимает что-то в фантазиях, а также знает предыдущую историю его жизни, легко распознает присущий ему недостаток социального чувства, подтвержденный и его грезами. Будет справедливо сказать, что психика молодого человека развивалась неравномерно: ему явно не хватает социального чувства.

Разницу между подлинным и фальшивым социальным чувством показывает следующий анекдот. Старушка, пытаясь сесть в автобус, поскользнулась и упала в снег. Она не могла встать, и немало людей в спешке пробежали мимо, не замечая ее положения, пока не подошел мужчина и не помог ей встать. В этот момент другой мужчина, который где-то прятался, вышел и приветствовал ее благородного спасителя такими словами: «Слава Богу! Наконец-то я нашел приличного человека. Я стоял здесь пять минут и смотрел, не поможет ли кто-нибудь старушке. Вы — первый, кто это сделал!» Этот случай демонстрирует, как можно

злоупотреблять мнимым социальным чувством. С помощью такого очевидного обмана один человек поставил себя судьей над всеми остальными. Он считает себя вправе хвалить и порицать, но сам не шевельнул и пальцем, чтобы помочь.

Есть и более сложные случаи, в которых оценить социальное чувство того или иного человека не так легко. Единственное, что можно предпринять, — это произвести тщательный анализ. Стоит сделать его, и нам сразу же все станет ясно. Таков, например, случай с генералом, который, зная, что бой уже проигран, продолжал его, что привело к бессмысленной гибели тысяч солдат. Этот генерал заявил, что действовал в интересах страны, и многие с ним согласились. Тем не менее, какими бы соображениями он ни оправдывал свое решение, трудно считать его хорошим человеком.

Чтобы составить верное суждение о таких неясных случаях, нам требуется оценивать их с некоей универсальной точки зрения. В психологии личности такой точкой зрения может служить понятие социальной полезности и блага человечества, «всеобщего благоденствия». Если мы примем эту точку зрения за основу, мы легко сможем принимать решения по конкретным вопросам.

Степень развития социального чувства проявляется во всех действиях индивидуума. Она может очень заметно проявляться внешне, например, в его манере смотреть на других людей, манере пожимать руки, манере говорить. Вся его личность тем или иным способом производит на нас неизгладимое впечатление, которое мы воспринимаем почти интуитивно. Порой из поведения того или иного человека мы бессознательно делаем такие далеко идущие выводы, что все наше отношение к нему в дальнейшем основывается исключительно на этих выводах. В своих лекциях мы только переводим это интуитивное знание в сферу сознания, тем самым давая себе возможность проверить и оценить его и таким образом избежать многих глубоких заблуждений. Ценность этого переноса бессознательной оценки в сферу сознания заключена в том, что благодаря ему мы становимся свободнее от предрассудков (которые появляются, когда мы составляем свои мнения в бессознательном, где они не поддаются нашему контролю и мы не имеем возможности их изменить).

Повторю еще раз: никакую оценку характера человека нельзя делать в отрыве от контекста. Если мы вырвем из его жизни отдельные явления и будем судить их по отдельности — например, только его физический статус, или его социальную среду и воспитание, — мы неизбежно сделаем ошибочные заключения. Это немаловажный факт, поскольку он

немедленно снимает с плеч человечества огромный груз. Высокая степень самопознания позволяет нам вести себя более разумно и больше получать от жизни. Наш метод позволяет вмешиваться и оказывать благоприятное влияние на других, особенно на детей, и спасать их от злой судьбы, которая была бы им уготована в ином случае. Таким образом, никто не будет обречен страдать всю жизнь просто из-за того, что воспитывался в плохой семье или его биография складывалась неблагоприятно. Если только мы сможем достичь этого, это будет для нашей цивилизации огромным шагом вперед. Целое новое поколение вырастет, не ведая страха и сознавая, что оно является хозяином своей судьбы!

КАК РАЗВИВАЕТСЯ ХАРАКТЕР

Каждая черта характера, присущая данной личности, олицетворяет направление, в котором ее психика развивалась с раннего детства. Это развитие может идти по прямой или изобиловать поворотами и объездами. В первом случае ребенок стремится к реализации своей цели напрямую, и у него развивается агрессивный, мужественный характер. В начале развития характеру обычно присущи именно такие активные, агрессивные черты. Однако эта линия легко искривляется или меняется.

Первые трудности могут возникнуть, если противостоящие ребенку силы не дадут ему достигнуть своей цели — превосходства на других — любой атакой. Ребенок попытается каким-то образом обойти эти трудности. В результате этого отклонения от прямого пути также возникнут специфические черты характера. Другие препятствия на пути развития его характера — например, физические недостатки, неудачи и поражения, нанесенные окружающими, — оказывают сходное влияние. Далее, огромное значение имеет неизбежное влияние окружающего мира в самом широком смысле слова. Принципы нашей цивилизации, выраженные в требованиях, сомнениях и эмоциях семьи и ребенка, в конечном счете оказывают влияние на его характер. Воспитание в целом применяет методы и социальные установки, рассчитанные на то, чтобы направить развитие ребенка по руслу преобладающих образа жизни и культуры.

Препятствия любого вида имеют роковое значение для развития характера по прямой. Там, где они появляются, путь, выбранный ребенком для достижения своей цели — власти, — станет в большей или меньшей степени отклоняться от прямой. Там, где препятствий нет, усилиям ребенка ничто не будет мешать и он будет подходить к своим проблемам прямо.

Назовем такого ребенка ребенком типа А. Во втором случае — тип Б — мы видим совершенно иное дитя. У него отсутствует мужество ребенка типа А. Более того, тип Б уже успел понять, что огонь жжет и что не все вокруг относятся к нему хорошо. Тип Б не пойдет по пути к самоутверждению и власти напрямик, а применит серию обходных маневров. Его психологическое развитие зависит от того, насколько он в этом преуспеет. Эти обходные маневры определят, насколько он осторожен, расположен ли решать жизненные проблемы или он их просто обходит. Ребенок типа Б не будет подходить к решению своих задач и проблем прямо. Если он становится трусивым и робким, не хочет смотреть другим людям в глаза или говорить правду, это не означает, что его цели в чем-то отличаются от целей ребенка типа А. Два человека могут действовать по-разному, но иметь одну цель.

До некоторой степени оба типа могут существовать в одной и той же личности. Это происходит в особенности тогда, когда характер ребенка не полностью сформировался, когда его принципы еще не «окостенели», когда он не всегда выбирает один и тот же путь, а сохраняет достаточную гибкость, чтобы искать другой подход, если первая попытка окажется неудачной.

Стабильность социальной и общинной жизни является первым условием успешной адаптации к требованиям общества. Мы легко сумеем научить ребенка адаптироваться, если его отношение к окружающей действительности не враждебно. Войну в семье можно прекратить только тогда, когда родители способны обуздить свое стремление к власти с тем, чтобы оно не отражалось на ребенке. Если вдобавок к этому родители понимают принципы развития ребенка, им, возможно, удастся избежать развития чрезмерно «прямолинейного» характера, при котором мужество становится безрассудством, а безрассудство переходит в чистой воды эгоизм. Аналогичным образом они смогут избежать и чрезмерной строгости, ведущей к рабскому послушанию. Такого рода ошибки могут заставить ребенка замкнуться в себе, поскольку он будет бояться говорить правду, опасаясь последствий.

Давление на ребенка в педагогике является обоюдоострым оружием — оно приводит к мнимой адаптации. Однако обязательное послушание — это лишь внешнее послушание. Психика ребенка отражает его общее отношение к окружающей действительности. Характер воздействия имеющихся препятствий на волю ребенка — прямой или косвенный — также отражается на его личности. Ребенок обычно не способен оценивать внешние факторы воздействия; а окружающие его взрослые либо ничего о

них не знают, либо не могут их понять. Характер встречающихся на пути ребенка трудностей и его реакция на препятствия определяют склад его личности.

Мы также можем классифицировать людей в зависимости от их реакции на трудности. Во-первых, есть оптимисты. Это индивидуумы, развитие характера которых в общем и целом шло по прямой линии. Они встречают все трудности мужественно и не принимают их чересчур всерьез. Они всегда сохраняют веру в себя, а относиться к жизни весело — для них дело сравнительно легкое. Они не требуют от жизни чересчур многого, поскольку у них правильная самооценка и они не считают себя обойденными или ни на что не способными. Поэтому переносить жизненные бури им легче, нежели тем, кому трудности служат лишь очередным оправданием веры в собственную слабость и никчемность. В самых трудных ситуациях оптимисты сохраняют спокойствие и уверенность в том, что ошибки всегда удастся исправить.

Оптимистов сразу можно узнать по манере поведения. Они ничего не боятся, говорят откровенно и свободно и не отличаются ни чрезмерной скромностью, ни чрезмерной сдержанностью. Если бы нас попросили нарисовать портрет оптимиста, мы бы изобразили его с распластанными объятиями, готовым встретить ими любого себе подобного. Он легко устанавливает контакт с другими людьми и без труда заводит друзей, поскольку он не подозрителен. Его речь не затруднена; он держится и передвигается естественно и легко. В чистом виде такой тип личности встречается редко, если не считать маленьких детей. Однако имеется множество менее выраженных разновидностей оптимизма и способности завязывать социальные контакты, которые нас вполне удовлетворяют.

Совершенно иным типом являются пессимисты. Они представляют для педагогов наибольшие проблемы. Это индивидуумы, у которых в результате пережитого и увиденного в детстве сформировался «комплекс неполноценности». Испытанные ими трудности внущили им представление о том, что жизнь — штука нелегкая. Они всегда видят в жизни прежде всего темную сторону из-за своей пессимистической философии, возникшей на почве неправильного воспитания в детстве. Они гораздо лучше оптимистов осведомлены о трудностях жизни и легко падают духом. Их терзает чувство неуверенности в себе, и они все время ищут посторонней поддержки. Во всем их поведении всегда чувствуется крик о помощи, поскольку они не в силах жить самостоятельно. В детстве они постоянно плачут и зовут маму. Этот крик «Мама!» иногда можно услышать от них даже в старости.

Гипертрофированная осторожность людей этого типа проявляется в их привычной манере держаться, робкой и боязливой. Пессимисты всегда зациклены на бедах и опасностях, которые, возможно, ожидают их за следующим поворотом. Само собой разумеется, пессимисты плохо спят. Кстати, сон является отличным критерием развития человека, так как расстройства сна — это признак повышенной тревожности и ощущения неуверенности в себе. Такие люди будто все время находятся настороже, чтобы защититься от подстерегающих повсюду угроз. Как мало радости доставляет им жизнь, и как плохо они ее понимают! Индивидуум, который не может хорошо спать, тем самым демонстрирует порочную житейскую философию. Если бы его умозаключения были верны, если бы жизнь и в самом деле была такой мукой, как он считает, тогда он бы вообще не посмел заснуть! Будучи склонен истолковывать все естественные явления жизни в отрицательном смысле, пессимист тем самым демонстрирует лишь свою неприспособленность к жизни. На самом деле ничто не препятствует тому, чтобы он крепко спал. Мы можем заподозрить ту же самую склонность к пессимизму у индивидуума, который постоянно занят проверкой замков и все время боится грабителей. Пессимиста можно узнать даже по позе во время сна. Пессимисты зачастую сворачиваются в как можно более плотный клубок или спят, натянув на голову одеяло.

Людей можно также разделить на агрессивных и обороносящихся. Для агрессивных, атакующих людей характерны резкие движения. Люди агрессивного типа, когда они храбры, превращают мужество в безрассудство, чтобы показать миру, как они бесстрашны, — и таким образом демонстрируют глубоко укоренившееся в них чувство неуверенности в себе. Если они встревожены, они пытаются подавить в себе страх. Их усилия выглядеть «непреклонными» доходят до смешного. Иные изо всех сил стараются подавить в себе любые ростки нежности и мягкоклердечности, поскольку такие чувства им кажутся признаками слабости.

Агрессивным людям присущи такие черты, как грубость и жестокость, а если они к тому же склонны к пессимизму, это меняет все их взаимоотношения с окружающей действительностью, поскольку, будучи враждебны всему миру, они не способны ни сочувствовать другим, ни сотрудничать с ними. Их обостренное чувство собственной значимости может в то же время достигать очень высоких степеней. Они могут раздуваться от гордости, высокомерия и самодовольства. Они выставляют свое тщеславие напоказ так, будто и в самом деле являются победителями, однако нарочитость, с какой они это делают, и крайности их поведения не

только нарушают взаимоотношения таких людей с окружающим миром, но и выдают самую суть их характера, поскольку все их бахвальство построено на ненадежном, колеблющемся основании.

Последующее развитие агрессивного типа нельзя назвать безболезненным. Человеческое общество относится к таким людям не слишком благосклонно. Сама их бесцеремонность вызывает к ним неприязнь. Благодаря своим постоянным стараниям одержать над всеми верх они на каждом шагу ввязываются в конфликты, особенно с другими агрессивными людьми, которые считают себя обязанными с ними соревноваться. Жизнь для них превращается в сплошную войну; а когда они неизбежно терпят поражение, всему их триумфальному шествию от победы к победе тут же наступает конец. Они слишком пугливы, им не хватает стойкости для затяжного конфликта и не под силу возместить свои потери.

Неудачи действуют на них оглушающе, и их психологическое развитие останавливается примерно там, где начинается развитие другого типа — обороняющегося.

«Оборонцы» — это те, кому повсюду чудится угроза. Они постоянно настороже. Они компенсируют свое чувство неуверенности в себе не агрессией, а беспокойством, осторожностью и трусостью. Мы можем с уверенностью сказать, что люди не становятся «оборонцами» иначе, как после безуспешной попытки усвоить себе только что описанную нами агрессивную социальную установку. Человек обороняющегося типа быстро приходит в уныние от неудач и неприятностей и легко обращается в бегство. Иногда таким людям удается скрыть свой провал, делая вид, будто отступление — это полезная работа.

Поэтому, погружаясь в воспоминания и фантазии, они просто пытаются уйти от реальности, которая им угрожает. Некоторые, еще не утратившие окончательно инициативу, могут даже совершить что-то полезное для общества. К этому типу принадлежат многие художники, которые уходят от реальности и строят для себя безбрежный мир из фантазий и идеалов. Однако они являются исключением из правила, так как обычно индивидуумы этого типа капитулируют перед трудностями и терпят поражение за поражением. Они боятся всего и вся, с течением времени становятся все более недоверчивыми и не ожидают от мира ничего, кроме враждебности.

В условиях нашей цивилизации, к сожалению, их социальная установка зачастую подкрепляется отрицательным опытом взаимоотношений с окружающими. Вскоре они теряют всякую веру в

хорошие качества людей и существование у жизни светлой стороны. Одной из наиболее распространенных черт характера этих индивидуумов является неизменно критическая социальная установка, которая порой становится настолько гипертрофированной, что они сразу же распознают в других самые незначительные недостатки. Они мнят себя судьями всего человечества, хотя сами в жизни не сделали ничего полезного для себе подобных. Их единственное занятие — критиковать других и портить им игру. Стоит перед ними возникнуть какой-нибудь задаче, они начинают сомневаться и колебаться, как если бы им хотелось избежать принятия решения. Если бы мы пожелали символически изобразить этот тип, лучше всего представить себе фигуру, у которой одна рука поднята, чтобы защититься, а другая закрывает глаза, чтобы не видеть опасности.

Таким индивидуумам присущи и другие неприятные черты характера. Хорошо известно: те, кто не верит в себя, никогда не доверяется другим. На почве такой социальной установки неизбежно возникают зависть и алчность. Изоляция, в которой живут такие вечно сомневающиеся, как правило, указывает на их нежелание доставлять другим удовольствие и разделять счастье окружающих. Более того, счастье других доставляет им едва ли не боль. Благодаря умению обманывать и скрывать некоторым из них удается сохранить чувство превосходства над остальным человечеством. В своем желании любой ценой сохранить свое превосходство они вырабатывают настолько сложный образ поведения, что распознать их враждебность к человечеству с первого взгляда не всегда удается.

СТАРАЯ ШКОЛА ПСИХОЛОГИИ

Бессспорно то, что можно попытаться понять природу человека, не осознавая направления своих исследований. Обычный метод при этом — взять какую-либо точку психологического развития и исходя из нее выводить «типы» в качестве ориентиров. Например, можно разделить всех людей на мыслителей и деятелей. Мыслители больше склонны размышлять и созерцать. Они живут в мире фантазии и сторонятся реального мира. Индивидуумов такого типа труднее заставить действовать, чем индивидуумов второго типа — деятелей. Деятели меньше размышляют, почти не созерцают, и их подход к жизненным проблемам активный, деловой, земной.

Такие типы, несомненно, существуют. Однако если бы мы стали

приверженцами этой школы психологии, мы вскоре исчерпали бы все возможности наших исследований и были бы вынуждены, подобно другим психологам, довольствоваться утверждением, что у людей одного типа более развита способность фантазировать, а другого — способность работать. Подобное предположение едва ли могло бы служить материалом для действительно научной теории. Нам требуется добиться лучшего понимания механизмов тех или иных психических явлений и узнать, неизбежны ли они или их можно избежать или смягчить. По этой причине подобные поверхностные суждения и искусственные ярлыки не имеют ценности для познания природы человека, хотя различные типы психики, как указано выше, действительно существуют.

Психология личности сосредоточилась на изучении развития психики в тот момент, когда зарождаются различные формы психической деятельности: в первые дни детства. Ей удалось установить, что эти формы, взятые по отдельности или в совокупности, окрашены либо преобладанием социального чувства, либо борьбой за власть. Сделав это открытие, психология личности нашла ключ к простой и универсальной концепции познания человека. В соответствии с этой ключевой концепцией, имеющей чрезвычайно широкую область применения, можно любое человеческое существо отнести к определенному типу. Разумеется, нам следует изучать каждый конкретный случай с необходимой для психолога осторожностью и наблюдательностью. Имея в виду эту очевидную предпосылку, мы получаем критерий, с помощью которого можем судить, содержит ли тот или иной пример психической деятельности большой заряд социального чувства или всего лишь завуалированное стремление к личной власти и престижу, а на самом деле эти действия по преимуществу эгоистичны и полезны лишь для того, чтобы потешить самолюбие индивидуума. На этой основе легко составить более ясное представление о некоторых чертах характера, которые ранее понимались неправильно, и судить о них соответственно их месту в личности как целом. Более того, понимание чьей-то черты характера или поведенческой установки дает нам инструмент для изменения поведения данного индивидуума.

ТЕМПЕРАМЕНТ И ВНУТРЕННЯЯ СЕКРЕЦИЯ

Категории «темпераментов» являются старой классификацией психологических явлений и черт характера. Трудно сказать, что именно

подразумевается под словом «темперамент». Быстрота ли это нашего мышления, речи и действий? Сила или ритм, в котором мы решаем ту или иную задачу? При ближайшем рассмотрении все объяснения, которые психологи дают о сущности темперамента, оказываются особенно несостоятельными. Мы должны признать: наука не сумела уйти от концепции, согласно которой имеются четыре темперамента, или гумора, — концепции, возникшей в глубокой древности, когда изучение природы человека только началось. Разделение темпераментов на сангвинический, холерический, меланхолический и флегматический появилось в Древней Греции, где его разработал Гиппократ; позднее его переняли римляне, и сегодня оно остается в нашей современной психологии почитаемой и священной реликвией.

К сангвиническому типу принадлежат те индивидуумы, которые получают от жизни некоторую радость. Сангвиники ничего не принимают слишком всерьез и не позволяют жизни измотать себя. В любом событии они стараются видеть самую приятную и самую красивую сторону. Они печальны, когда печаль приличествует моменту, но не теряют при этом самообладания, и наслаждаются выпавшим на их долю счастьем, не теряя чувства перспективы. При тщательном рассмотрении эти индивидуумы оказываются не более чем вполне здоровыми людьми, не имеющими серьезных недостатков. Этого нельзя сказать о трех остальных типах.

Холерический индивидуум описывается в старом поэтическом сочинении как человек, который яростно отбрасывает ногой лежащий у него на дороге камень, в то время как сангвиник спокойно обходит этот камень стороной. Говоря языком психологии личности, холерик — это человек, чье стремление к самоутверждению настолько интенсивно, что он все время вынужден доказывать свою силу. Он бросается на любое препятствие, как бык на красную тряпку. В действительности такие пылкие чувства зарождаются в раннем детстве, когда индивидуум испытывает чувство бессилия и ему становится необходимо постоянно демонстрировать свою силу, чтобы быть уверенным в ее наличии.

Меланхолический тип производит совершенно иное впечатление. Если меланхолику встретится на дороге тот же камень, он, увидев его, вспомнит обо всех своих грехах, предастся печальным размышлениям о прожитой жизни и повернет вспять. Психология личности видит в нем нерешительного невротика, который не верит, что ему когда-либо удастся преодолеть свои трудности или продвинуться вперед. Меланхолик предпочитает не рисковать попасть в новые приключения. Он скорее останется стоять, чем двинется к цели, а если он и пускается в путь, то

совершает любое движение с величайшей осторожностью. В его жизни преобладающую роль играет сомнение. Личность подобного типа думает больше о себе, чем о других, что в конечном счете делает для нее невозможным налаживание с другими адекватных взаимоотношений. Она так угнетена своими заботами, что проводит все время в бесплодной интроспекции и тоске.

Флегматичный индивидуум, как правило, является в жизни посторонним наблюдателем. Он переживает жизненные события, не делая из них соответствующих выводов. Ничто не способно произвести на него сильное впечатление; он почти ничем не интересуется, он ни с кем не дружит, — словом, у него нет почти никакой связи с жизнью. Из всех четырех типов он, вероятно, наиболее удален от жизни по причине своей нечувствительности к окружающей действительности.

Отсюда мы можем сделать вывод, что только сангвиник может считаться «хорошим» человеком. Однако темпераменты редко встречаются в чистом виде. В большинстве случаев приходится иметь дело со смесью двух из них или более. Этот факт лишает теорию темпераментов всякой ценности. Кроме того, сами «типы» или «темпераменты» не являются неизменными. Мы часто замечаем, что один темперамент превращается в другой. Ребенок может начать жизнь холериком, затем стать меланхоликом, а к концу жизни превратиться в классического флегматика. Также формирование темперамента может быть делом слепого случая. Сангиник, по всей видимости, — это тот, кто в детстве меньше других испытывал чувство собственной неполноценности. Он не имеет физических дефектов и не подвергался действию каких-либо сильных раздражителей. В результате его развитие шло спокойно и у него появилась некая любовь к жизни, которая позволяет ему действовать в этой жизни уверенно.

В этот момент на сцену выходит наука и заявляет: «Наш темперамент зависит от работы желез внутренней секреции». Одним из последних открытий в области медицины стало признание важности эндокринных секретов. К железам внутренней секреции принадлежат щитовидная железа, гипофиз, надпочечники, паращитовидные железы, островки Лангерханса в поджелудочной железе, промежуточные железы яичек и яичников, а также некоторые другие гистологические структуры, функции которых известны нам лишь приблизительно. Эти железы не имеют протоков и выделяют свой секрет непосредственно в кровь.

По всей видимости, рост и деятельность всех органов и тканей испытывает на себе воздействие эндокринных секретов, которые доносятся кровью до каждой клетки тела. Эти секреты действуют как активаторы и

детоксиканты и необходимы для жизни, однако значение желез внутренней секреции пока изучено далеко не полностью. Эндокринология — наука, изучающая железы внутренней секреции, — находится пока в зачаточном состоянии, точных сведений об этих железах и их секретах имеется мало и они крайне отрывочны. Однако поскольку эта юная наука привлекла к себе внимание, заявив, что секреты эндокринных желез определяют характер и темперамент, нам следует сказать кое-что о них.

Прежде всего следует проанализировать один важный факт. Не подлежит сомнению, что в случаях действительного расстройства эндокринной системы — например, кретинизма, при котором щитовидная железа недостаточно активна, — мы также обнаруживаем психологические симптомы; так, для кретинов типичен ультрафлегматический темперамент. Помимо того, что страдающие кретинизмом субъекты выглядят ожиревшими и отекшими, помимо того, что у них наблюдаются аномалии роста волос, а кожа сильно утолщена, для них также характерна чрезвычайная медлительность и вялость движений. Их психическая чувствительность весьма низка, а способность проявлять собственную инициативу практически отсутствует.

Если мы теперь сравним подобного субъекта с другими индивидуумами, которых тоже можно назвать флегматиками, хотя у них невозможно выявить каких-либо патологических изменений щитовидной железы, мы увидим две абсолютно различные картины и совершенно различные черты характера. Из этого можно заключить, что в секрете щитовидной железы есть нечто, помогающее поддерживать физиологические функции организма на должном уровне; однако мы не можем зайти настолько далеко, чтобы заявить, что флегматический темперамент возникает из-за недостаточного выделения этого секрета щитовидной железы.

Патологический флегматик ни в чем не похож на тех, кого психологи обычно называют флегматиками. Характер и темперамент психогенного флегматика имеет совершенно иную, нежели у патогенного флегматика, предысторию психологического развития личности. Флегматиков, с которыми приходится иметь дело нам, психологам, никак нельзя назвать пассивными индивидуумами. Интенсивность и яркость их реакций зачастую нас просто удивляет. Ни один флегматик не был флегматиком всю свою жизнь. Мы видим, что его темперамент — не более чем искусственная скорлупа, защитный механизм (к развитию которого он, возможно, имел конституционную предрасположенность), созданный для себя сверхчувствительным существом, крепостная стена, которую он

возвел между собой и внешним миром.

Флегматический темперамент — это защитный механизм, умышленно созданный в ответ на брошенный жизнью вызов. В этом отношении он не имеет ничего общего с медлительностью, ленью и умственной неполноценностью кретина, щитовидная железа которого имеет серьезный дефект. Правда, иногда нам может показаться, что флегматиками становятся только пациенты, чья щитовидная железа когда-то развивалась неправильно, но это важное и серьёзное условие не является определяющим. Щитовидная железа — не единственная причина всех проблем. На самом деле мы имеем дело с целым комплексом причин и следствий, целой системой внутренних и внешних воздействий, вызывающих у индивидуума чувство собственной неполноценности. Именно это чувство неполноценности приводит к развитию у человека флегматического темперамента, которым он прикрывается, как щитом, от всех уколов и ударов по самолюбию. Однако здесь мы имеем дело с типом, в общих чертах уже обрисованным. Недоразвитие щитовидной железы является специфическим органическим дефектом, и его последствия важны. Поучительный пример тех, кто страдает этим уродством, показывает, что мы должны более осторожно относиться к тем военным хитростям, с помощью которых индивидуум пытается компенсировать жизненные проблемы и к числу наиболее известных из которых относится развитие флегматического темперамента.

Наше предположение получит дальнейшее подтверждение, когда мы рассмотрим другие расстройства эндокринной системы и сравним их с темпераментами, которые на них походят. Так, имеются субъекты, у которых секреция щитовидной железы чрезмерна, — например, страдающие базедовой болезнью или зобом. Физиологическими признаками этой болезни являются чрезмерная активность сердца, учащенный пульс, экзофтальмия или выпученные глаза, разрастание щитовидной железы и незначительное или сильное дрожание конечностей, в особенности рук. Такие пациенты сильно потеют, а зачастую у них наблюдаются расстройства пищеварения в результате влияния секрета щитовидной железы на поджелудочную железу. Они очень чувствительны и раздражительны, для них характерны поспешность и порывистость в действиях, подобные тем, какие принято связывать с состоянием крайней тревоги. Картина поведения больного экзофтальмическим зобом неотличима от поведения встревоженного человека.

Однако сказать, что она идентична с психическим состоянием тревожности, — значит совершить грубую ошибку. Психические

симптомы, присущие экзофтальмическому зобу: состояние повышенной тревожности, неспособность к той или иной физической или умственной деятельности, быстрая утомляемость и сильная слабость — могут иметь не только психологические, но и органические причины. Картина поведения людей, страдающих неврозом, симптомами которого являются постоянная тревожность и торопливость, совершенно иная. В противоположность тем индивидуумам, чьи психические симптомы являются результатом гиперфункции щитовидной железы, которые, если можно так выразиться, пьяны от ее гормонов, невротики — это легковозбудимые, суеверные, беспокойные индивидуумы, которые принадлежат к совершенно другой категории, так как причиной их состояния является почти исключительно отрицательный жизненный опыт. Поведение индивидуума, страдающего гиперфункцией поджелудочной железы, действительно имеет сходство с поведением невротика, однако в его деятельности отсутствует элемент замысла и целенаправленности, который является неотъемлемым признаком характера и темперамента.

Заслуживают упоминания и другие железы внутренней секреции. Особенно важна взаимосвязь между развитием различных желез и развитием яичек или яичников. Наша точка зрения, ставшая одним из основополагающих принципов биологической науки, заключается в том, что эндокринные аномалии всегда сопровождаются аномалиями гонад, или половых желез. Особая связь между этими железами и причина одновременности их расстройств пока не выяснены. Для случаев органических дефектов этих желез применимы те же умозаключения, что и для других органических дефектов. Людям, чьи гонады недостаточно развиты, так же трудно приспособиться к жизни, вследствие чего им приходится изобретать всевозможные психологические хитрости и защитные механизмы, которые помогают им к ней приспособиться.

Ученые, с энтузиазмом занимающиеся исследованием желез внутренней секреции, убедили нас в том, что характер и темперамент полностью зависят от эндокринных выделений половых желез. Однако, по всей видимости, выраженные аномалии желез яичек и яичников встречаются крайне редко. Случай их действительной патологической дегенерации являются скорее исключением, нежели правилом. Не существует никаких конкретных психических болезней, связанных с расстройством деятельности половых желез, которые не могли бы возникнуть — что, кстати, имеет место гораздо чаще — из-за специфических заболеваний этих желез. Мнению эндокринологов, согласно которому характер основан на функциях или дисфункциях

эндокринной системы, нельзя найти серьезного медицинского обоснования. Само собой разумеется, некоторые раздражители, необходимые для нормальной деятельности организма, выделяются половыми железами, и эти раздражители могут определять положение ребенка в окружающем его мире. Однако эти раздражители могут выделяться также и другими органами и не обязательно являются основой для возникновения той или иной структуры психики.

Поскольку оценка человеческого существа — дело трудное и деликатное, в котором от ошибки зависит жизнь и смерть, мы должны выступить здесь с предостережением. Дети, появляющиеся на свет ослабленными или с физическими недостатками, испытывают жгучее искушение выработать в качестве компенсации особые психологические трюки и хитрости. Однако этому искушению обратиться к хитростям можно противостоять. Нет такого физического дефекта, насколько бы серьезным он ни был, который должен с неизбежностью, однозначно и непоправимо определить, каково будет отношение индивидуума к жизни. Физический дефект может лишить индивидуума воли, однако это другой вопрос. Противоположное мнение существует только потому, что никто никогда не пытался преодолеть трудности психологического развития у детей с физическими недостатками. Их дефекты привели к тому, что мы позволяли им развиваться не так, как другие дети. Мы исследовали их и наблюдали за ними, но не пытались помочь им или стимулировать их. Короче говоря, это означает, что новая позиционная или социальная психология, основанная на открытиях психологии личности, докажет, что она более точна в выводах, нежели психология, основанная на наследственной теории.

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению отдельных черт характера, следует сделать краткий обзор уже рассмотренных тезисов. Мы доказали важное положение, согласно которому невозможно понять природу человека, анализируя события его жизни изолированно, вырвав их из психологического контекста. Чтобы достичь ее понимания, необходимо сравнить по крайней мере два события, разделенные между собой как можно более длительным промежутком времени, и связать их между собой одной унифицированной поведенческой установкой. Этот метод оказался весьма полезным. Он позволяет нам собрать всю массу впечатлений и,

выстроив их в систему, получить объективную оценку характера. Если бы нам приходилось основывать наше суждение на изолированных явлениях, мы бы встретились с теми же трудностями, которые встают на пути других психологов и педагогов, и нам пришлось бы вернуться к тем традиционным критериям, которые всегда обнаруживали свою бесполезность и бесплодность. Однако если нам удастся найти ряд ключевых пунктов, где мы можем применить нашу систему и соединить их в единую картину, у нас получится система, общее направление развития которой очевидно и которая даст ясную и полную оценку человеческого существа. Только тогда мы обретем под ногами солидную научную почву.

Ранее обсуждались различные способы и средства создания такой системы, и в качестве иллюстрации мы использовали истории болезней, взятые из нашего личного врачебного опыта или такие, которые можно считать общеизвестными примерами человеческого поведения. Далее, мы настаиваем на том, что один из факторов созданной нами системы неопровергимо является основополагающим, и это фактор социальный. Мало эмпирически наблюдать психические явления. Их всегда необходимо рассматривать в разрезе общественной жизни. Наиболее важный и ценный ключевой тезис нашей общественной жизни следующий: *характер человека никогда не является основой морального суждения. Мы предпочитаем руководствоваться социальной оценкой отношения этого человека к окружающей его действительности и качеством его взаимоотношений с обществом, в котором он живет.*

При развитии этих идей мы открыли два характерных для всего человечества явления. Первое — это всеобщность существования социального чувства, которое соединяет человечество в единое целое; это социальное чувство, или общественный дух, и стоит у истоков великих достижений нашей цивилизации. Вклад в общественное дело является единственным критерием социального чувства того или иного индивидуума. Мы выстраиваем картину человеческой психики, узнавая, в каких отношениях данный индивидуум находится с обществом, в чем выражается его сопричастность всему человечеству, что делает его жизнь значимой и осмысленной.

Вторым критерием характера является оценка тех факторов, которые наиболее враждебны социальному чувству: склонности к борьбе за личную власть и преобладанию над другими. Рассматривая взаимоотношения между людьми с этих двух точек зрения, мы понимаем, как на них влияет степень развития социального чувства людей и, с другой стороны, — их стремление к самовозвеличению, две тенденции, находящиеся в вечном

противоборстве. Таково динамическое взаимодействие, комбинация сил, которая внешне проявляется в том, что мы называем характером.

11

АГРЕССИВНЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА

ТЩЕСЛАВИЕ И ЧЕСТОЛЮБИЕ

Как только стремление к самоутверждению берет верх, оно провоцирует увеличение психического напряжения. Соответственно, когда все более значимой целью для индивидуума становится власть и превосходство над другими, он добивается этой цели со все возрастающим напряжением сил и ожесточенностью и живет ожиданием великих триумфов. Такой индивидуум теряет чувство реальности и упускает из виду реальную жизнь, поскольку он вечно поглощен решением вопроса о том, что думают о нем другие люди и какое впечатление он производит на мир. Его свобода действий чрезвычайно ограничена из-за его стиля жизни, а наиболее явная черта его характера — это тщеславие.

Вероятно, каждое человеческое существо до некоторой степени тщеславно; однако выставлять свое тщеславие напоказ не принято. Поэтому тщеславие скрывают или маскируют. Например, имеется разновидность скромности, которая, в сущности, есть не иное, как замаскированное тщеславие. Один человек может быть настолько тщеславен, что он никогда не прислушивается к мнению других; другой жадно стремится получить общественное одобрение и использует его в своих интересах.

Зайдя слишком далеко, тщеславие становится чрезвычайно опасным. Кроме того факта, что тщеславие заставляет индивидуума заниматься всевозможными видами бесполезной деятельности, которые затрагивают больше внешность, нежели суть, и заставляет его постоянно думать либо о себе, либо о мнении других людей о себе, самой большой опасностью тщеславия является отрыв индивидуума от реальности. Он теряет понимание межчеловеческих взаимоотношений, и его отношение к реальности становится искаженным. Он забывает свои обязанности человеческого существа и теряет представление о своей роли в обществе как едином целом. Никакой другой порок не в силах исказить свободное развитие человека так, как искажает его тщеславие, которое заставляет индивидуума подходить к любому человеку и любому событию с вопросом: «А что я за это буду иметь?»

Люди имеют обыкновение запутывать эту ситуацию, заменяя слова «тщеславие» или «гордыня» более благозвучным «честолюбие». Вспомните, сколько ваших знакомых гордятся своим честолюбием! Также к ним часто применяют эпитет «энергичный» или «деятельный». Пока их энергия действительно полезна для общества, мы можем признать ее ценность, однако чересчур часто слова «трудолюбие», «деятельность» и «энергичность» используются только для прикрытия чрезмерно развитого тщеславия.

Тщеславие быстро отучает индивидуума играть по правилам. Очень часто оно заставляет его расстраивать игру другим людям. Таким образом, можно обнаружить, что те индивидуумы, которые неспособны удовлетворить свое собственное тщеславие, зачастую стремятся не дать другим сполна наслаждаться жизнью. Дети, чье тщеславие еще только растет, демонстрируют свою храбрость в опасных ситуациях и любят показать более слабым детям свою силу. Другие дети, которые уже на чем-то обожглись, пытаются удовлетворить свое тщеславие при помощи всяческих мыслимых и немыслимых мелочей. Они будут избегать основного поля человеческой деятельности и пытаться удовлетворить свое стремление к самоутверждению, играя героическую роль на какой-нибудь провинциальной сцене жизни, которая придется им по вкусу. Люди, все время жалующиеся на то, сколь тяжка жизнь и как плохо обошлась с ними судьба, принадлежат именно к этой категории. Именно они хотели бы заставить нас верить, будто если бы они не получили такое плохое образование или их не постигло бы какое-нибудь другое несчастье, они бы себя показали. Они все время ищут себе оправданий за то, что держатся в стороне от переднего края жизни; единственным удовлетворением их тщеславия могут быть созданные ими мечты. Для нормального человека общение с такими индивидуумами затруднено, поскольку он не знает, как их оценивать или критиковать. Тщеславный субъект всегда сумеет переложить ответственность за любые свои ошибки на чужие плечи. Он всегда прав, остальные всегда не правы. В повседневной жизни, однако, не так уж важно, кто прав, а кто не прав, поскольку здесь единственное, что имеет значение, — это добиться результата и внести свою лепту в улучшение жизни других. Вместо того чтобы внести такую лепту, тщеславный индивидуум постоянно занят жалобами, оправданиями и поиском алиби. Тут мы имеем дело с различными психологическими хитростями, которые люди используют, пытаясь любой ценой сохранить свое чувство превосходства и защитить свое тщеславие от любых посягательств.

На это часто возражают, что без больших амбиций человечество было бы не в силах достичь тех высот, которых оно достигло. Это неправильный взгляд с искаженной перспективой. Никто из нас не лишен тщеславия начисто; до некоторой степени оно присутствует в душе каждого. Однако не только благодаря тщеславию деятельность индивидуума направляется в полезном для всех направлении, и отнюдь не тщеславие дает ему силы для великих свершений. Стимулом для таких свершений может быть лишь социальное чувство. Творение гения становится ценным лишь в социальном контексте. Любое проявленное при его создании тщеславие лишь умаляет его ценность — и в реальном творчестве гения роль тщеславия незначительна.

Однако в общественной атмосфере нашего времени совершенно отрешиться от некоторого тщеславия невозможно. Признание нами этого факта само по себе имеет большую ценность. Этим признанием мы затрагиваем болевую точку нашей цивилизации, причину вечной неудовлетворенности многих людей. Это те несчастные, которые не в силах ни с кем найти общего языка и приспособиться к жизни, поскольку их главная цель — казаться более значительными, нежели они есть на самом деле. Неудивительно, что они вечно со всеми на ножах, так как их единственная забота — это их репутация.

Всякий раз, когда мы разбираем чрезвычайно запутанную ситуацию, оказывается, что главной проблемой была чья-то неудавшаяся попытка удовлетворить свое тщеславие. Когда мы пытаемся понять какую-нибудь непростую личность, важно суметь определить степень выраженности ее тщеславия, направление, которое принимает это тщеславие, и средства, при помощи которых оно достигает своих целей. Благодаря такому пониманию всегда удастся обнаружить, какой вред причиняет тщеславие социальному чувству. Тщеславие просто не может существовать с заботой о себе подобных. Эти две черты характера никогда не смогут ужиться, так как тщеславие не позволит подчинить себя нуждам общества.

Тщеславие в основе своей эгоцентрично. Однако его развитию непрерывно угрожают те логические возражения, которые возникают в ходе коллективной жизни. Необходимость жизни в обществе и коллективе — абсолютный и неопровергимый принцип. Поэтому тщеславие на самых ранних стадиях своего развития вынуждено уйти в подполье. Оно надевает маску и идет к цели кружным путем. Тщеславный человек всегда будет жертвой мрачных мыслей относительно своей способности совершить те победы, которых, как ему кажется, требует его тщеславие; пока он мечтает и размышляет, время уходит. А когда время ушло, у нашего честолюбца

появляется то оправдание, что ему так и не представилась возможность показать, на что он способен.

Последовательность событий обычно примерно следующая. Наш честолюбец добивается какого-нибудь привилегированного положения, отходит в сторону от главного течения жизни и, стоя в сторонке, наблюдает за жизнью остального человечества с некоторым недоверием; в каждом себе подобном он видит врага. Тщеславным людям всегда приходится занимать наступательные и оборонительные позиции. Часто мы видим их погруженными в сомнения, запутанными в важных соображениях, которые своей мнимой логичностью дают им сознание правоты; однако, занимаясь этими размышлениями, они упускают свои возможности, теряют контакты с жизнью и обществом и уклоняются от общеобязательных дел.

Присмотритесь к ним повнимательнее — и вы увидите, что, хотя тщеславие является общим фоном, желание всех покорить принимает тысячу разнообразных форм. Тщеславие сквозит в каждой их социальной установке, в их манере одеваться, говорить и контактировать с другими. Короче говоря, куда бы мы ни бросили взгляд, мы видим тщеславных, амбициозных индивидуумов, которым безразлично, каким оружием завоевывать превосходство над другими. Поскольку проявления таких чувств не очень приятны, тщеславные люди, если они умны и понимают, насколько противопоставляют себя обществу, всячески пытаются замаскировать внешние признаки своего тщеславия. Так мы видим индивидуумов, которые внешне скромны, неряшливо одеваются и пренебрегают своим внешним видом, чтобы показать, что они не тщеславны! Существует рассказ о том, как Сократ сказал некоему оратору, взошедшему на трибуну в старых и оборванных одеждах, следующее: «Юный афинянин, твое тщеславие смотрит из всех дыр твоей хламиды!»

Есть люди, которые глубоко убеждены в том, что они начисто лишены тщеславия. Они принимают во внимание только внешнюю сторону, между тем как тщеславие лежит гораздо глубже. Тщеславие может выражаться в стремлении всегда пробиваться в центр внимания своего социального окружения, играть на публику, судить о ценности того или иного коллектива в зависимости от своей способности всегда быть на авансцене. Также тщеславный человек может отказаться от жизни в обществе и стараться его всячески избегать. Это стремление уйти от общества может выражаться разнообразными способами. Отказ от приглашений, опоздания или привычка заставлять хозяина долго уговаривать или улещивать себя, чтобы прийти, — это типичные симптомы тщеславия. Другие индивидуумы выходят в свет только на строго определенных условиях и

тешат свое тщеславие своей необыкновенной «недоступностью». Они гордо объявляют это похвальной чертой характера. Между тем есть и такие, тщеславие которых проявляется в желании присутствовать на всех светских приемах.

Мы не должны считать эти детали несущественными; они очень глубоко укоренены в психике. На самом деле в душе человека, грешащего ими, не осталось места для социального чувства; он скорее враг, чем друг общества. Чтобы запечатлеть типы таких людей во всем разнообразии их вариаций, нужны поэтические способности великого писателя. Здесь мы лишь даем их беглые наброски.

Для всех форм тщеславия общим является один мотив. Тщеславный индивидуум ставит перед собой такую цель, которой в этой жизни достичь невозможно. Ему хочется быть важнее и удачливее всех на свете, и эта цель — не более чем прямое следствие его чувства неполноценности. Есть основания предполагать, что всякий человек, чье тщеславие сильно выражено, имеет заниженную самооценку. Могут встречаться индивидуумы, которые осознают, что причиной их тщеславия является чувство неполноценности, однако это знание для них бесполезно, если они не сумеют его с пользой применить.

Тщеславие развивается в раннем возрасте. Обычно в нем есть нечто очень инфантильное, и в результате тщеславные индивидуумы всегда поражают нас своей ребячливостью. Имеются различные ситуации, благоприятные для развития тщеславия. Из-за неправильного воспитания ребенок может почувствовать себя отверженным и угнетенным собственной малостью и слабостью. Другие дети приобретают некое высокомерие, поскольку в их семье оно по традиции считается фамильной чертой. Мы можем не сомневаться в том, что их родители также приобрели эти «аристократические» манеры, чтобы отличаться от других и гордиться этим.

Надменное поведение создает новую элиту из людей, рожденных в семьях, которые «лучше» всех остальных, они «более способны» и «более восприимчивы», а потому считают, что им по праву рождения положены некие привилегии. Требование таких привилегий также дает направление их жизни и определяет тип их поведения. Поскольку жизнь, как правило, без всякой жалости разбивает подобные иллюзии, а людей, которые требуют для себя особого положения, встречают либо враждебностью, либо насмешками, многие из них тихо удаляются от общества и превращаются либо в затворников, либо в шутов. Пока они сидят дома, где ни за что ни перед кем не отвечают, они могут сохранять свою претензию

на величие и подкреплять свою социальную установку верой, что смогли бы достигнуть своей цели, если бы обстоятельства сложились по-другому.

Иногда в этой группе можно обнаружить людей с выдающимися способностями, которые сумели достичь в своем развитии огромных высот. Если бы они поделились своими талантами с миром, эти таланты могли бы иметь какую-то ценность, однако они употребляют свои способности только на то, чтобы и дальше заниматься самообманом. Они требуют от общества непомерной цены за свое сотрудничество с ним. Например, они могут устанавливать неприемлемые временные рамки, заявляя, что если бы они что-то сделали, чему-то научились или что-то узнали ранее, они смогли бы достигнуть большего. Также они могут искать отговорки в природе вещей, заявляя, что мужчины или женщины должны по-другому действовать или думать. Их условия, даже с наилучшими намерениями, невозможно выполнить. Поэтому нам следует сделать вывод, что на самом деле такие условия суть не более чем отговорки, такие же бесполезные, как и гипнотические или токсические наркотики, которые освобождают нас от необходимости думать о зря потеряном времени.

Такие люди очень враждебно настроены по отношению к другим и склонны относиться с безразличием к их боли и страданиям. Таким путем им удается полнее ощутить свое величие. Ларошфуко, великий знаток человеческой природы, сказал, что большинство людей «легко переносят чужую боль». Враждебность к обществу зачастую выражается в том, что манера поведения становится резкой и критичной. Эти враги общества все время порицают, критикуют, высмеивают, судят и осуждают мир. Ничто их не удовлетворяет. Однако мало только признать существование зла и осудить его. Мы должны спросить себя: «Что я сделал, чтобы это стало лучше?»

Некоторые индивидуумы используют свой бойкий ум для того, чтобы возвысить себя над остальным человечеством, и проправливают характеры других концентрированной кислотой своей критики. Неудивительно, что у подобных индивидуумов порой вырабатывается отличная техника критики, так как у них накапливается обширный опыт в этой области. Среди них можно встретить величайших острословов, чья быстрота реакции и находчивость достойны удивления. Острый язык не менее опасен, чем любое другое оружие, и сатирики ставят издевательство над другими людьми на профессиональную основу.

Резкая, неконструктивная, гиперкритическая манера поведения таких индивидуумов является выражением достаточно распространенной черты характера. Мы назвали ее комплексом порицания. Этот комплекс ясно

демонстрирует то, что основной мишенью тщеславного человека является значимость и достоинство других людей. Необходимость признать ценность другого человека честолюбец воспринимает как личное оскорбление. Из этого факта мы можем сделать далеко идущие выводы и понять, насколько глубоко укоренено в личности этого человека чувство собственной слабости и неполноценности.

Поскольку никто из нас не может считать себя полностью лишенным тщеславия, мы можем подойти с той же меркой и к самим себе, даже если нам не удастся за короткое время искоренить те склонности, которые укрепились и за тысячелетия вошли в традицию. Тем не менее признание того, что наши предрассудки таят в себе ловушку и потому опасны, — это уже шаг в верном направлении.

У нас нет искреннего желания чем-то отличаться от других человеческих существ, и мы не выискиваем вокруг тех, кто чем-то отличен от других. Мы считаем, что закон природы требует от нас протянуть руку помощи и сотрудничать с себе подобными. В нашу эпоху, когда непроходимая глупость тщеславного отношения к жизни особенно очевидна, поскольку мы ежедневно наблюдаем, что гордыня до добра не доводит, так как она заставляет честолюбца вступить в конфликт с обществом или вынуждает его искать у этого общества сочувствия. Никогда еще тщеславие не было таким предосудительным, как сегодня. Самое меньшее, что мы можем предпринять, — это поискать лучших форм выражения тщеславия и его применения с тем, чтобы, если уж нам не под силу от него избавиться, мы могли бы по крайней мере использовать его на общее благо!

Описанная ниже история болезни отлично демонстрирует динамику тщеславия. Молодая женщина, самая младшая из нескольких сестер, была очень избалована с первых дней жизни. Ее мать готова была прибежать к ней по первому зову и днем, и ночью и исполняла любое ее желание. В результате такой заботы требования этой младшей дочери, которая также была очень болезненной, выросли непомерно. Вскоре она сообразила: когда она болеет, ее малейшее желание становится непреложным законом. Юной леди не потребовалось много времени, чтобы понять: болезнь может быть весьма ценным качеством.

Нормальные люди не любят болеть, но ей быстро удалось преодолеть эту неприязнь, и она стала просто наслаждаться любой выпавшей на ее долю болезнью. Вскоре она научилась заболевать в любой момент, когда ей этого хотелось, а особенно когда страстно желала чего-то добиться. К несчастью, такие желания обуревали ее постоянно и в результате для

окружающих она стала хронической больной. Симптомы такого «комплекса болезни» весьма распространены среди детей и взрослых, которые чувствуют, что их власть растет, и пользуются своими болезнями, чтобы привлечь к себе внимание своей семьи. Возможности, которые предоставляет подобный путь к власти нежным, слабым индивидуумам, огромны, и неудивительно, что именно такие индивидуумы начинают им пользоваться, почувствовав однажды, как обеспокоены родные их здоровьем.

В такой ситуации индивидуум, чтобы добиться своего, может также прибегать к различным другим трюкам. Прежде всего он может отказываться от еды; в результате он начинает хуже выглядеть, и семья лезет из кожи вон, чтобы приготовить такие деликатесы, перед которыми он не устоит. При этом у больного развивается желание, чтобы кто-нибудь все время ходил перед ним на задних лапках. Такие люди не выносят одиночества. Всего лишь сказавшись больными или заявив, что находятся в опасности, они получают то внимание, которого хотят.

Способность отождествлять себя с каким-либо предметом или ситуацией называется эмпатией. Примером образной эмпатии являются наши сны, во время которых нам кажется, что какая-то конкретная ситуация происходит на самом деле. Стоит жертвам «комплекса болезни» обнаружить подобный путь к власти, как им начинает легко удаваться вызвать у себя настолько реальное чувство недомогания, что говорить о лжи, искажении реальности или работе воображения невозможно. Нам известно: самоотождествление с ситуацией может производить тот же эффект, как если бы эта ситуация имела место в реальности. Нам известно, что подобных индивидуумов может рвать или у них могут появляться тревожные симптомы, словно бы их на самом деле тошило или им угрожала какая-нибудь опасность. Как правило, их выдает способ, которым им удается вызвать подобные симптомы. Например, та молодая женщина, о которой мы говорим, заявляла, что у нее временами возникает страх, «будто со мной в любой момент может случиться удар». Есть люди, обладающие настолько живым воображением, что они действительно теряют душевное равновесие и говорить о самообмане или симуляции уже нельзя. Все, что необходимо для такого профессионального инвалида, — однажды суметь уверить других, будто у него имеются симптомы какой-либо болезни или по крайней мере так называемые «нервные» симптомы. После этого всем, кого удалось в этом уверить, придется оставаться рядом с «больным», заботиться о нем и печься о его благе. Болезнь себе подобного взыскивает к социальному чувству каждого нормального человека. Индивидуумы только

что описанного нами типа злоупотребляют этим чувством и манипулируют им для того, чтобы тешить свое властолюбие.

Их неприятие законов общества и жизни в коллективе, которые требуют в значительной степени учитывать интересы окружающих, при таких обстоятельствах становится самоочевидным. Обычно оказывается, что эти индивидуумы неспособны разделять боль или счастье себе подобных. Им трудно не нарушать права своих близких; помогать другим не в их интересах. Иногда путем невероятных усилий и мобилизации всего своего умственного и культурного багажа они могут добиться в жизни успеха, однако чаще их усилия будут направлены лишь на создание видимости своей заинтересованности в благополучии других. В конечном счете, основой их поведения является самовлюбленность и тщеславие.

Это безусловно относится к той молодой женщине, которую мы только что описали. Заботливость ее родных по отношению к ней не знала границ. Она начинала нервничать, если мать на полчаса опаздывала принести завтрак к ней в комнату. В таких случаях она успокаивалась, только разбудив своего мужа и послав узнать, не случилось ли что-нибудь с матерью. Спустя некоторое время мать этой женщины стала очень пунктуально приносить ей завтрак.

Примерно то же случилось и с ее мужем. Будучи коммерсантом, он обязан был до некоторой степени подчиняться интересам своих клиентов и компаньонов, однако всякий раз, когда он приезжал домой с опозданием на несколько минут, он обнаруживал жену едва ли не на грани нервного срыва, дрожащей от беспокойства, обливающейся потом и выслушивал ее горькие жалобы на то, как она нервничает и беспокоится о его безопасности. Бедному мужу ничего не осталось, как последовать примеру ее матери и быть пунктуальным любой ценой.

Некоторые могут сказать, что поступки этой женщины не приносили ей никакой пользы и ее победы были очень незначительными. Однако мы должны иметь в виду, что видели только малую часть общей картины; ее болезнь — это сигнал бедствия, предупреждающий окружающих: «Осторожно!» Это ключ ко всем остальным сторонам ее жизни. При помощи этого простого приема она держала окружающих в ежовых рукавицах. Основную роль в ее неуемном желании доминировать над другими играло удовлетворение собственного тщеславия. Представьте себе, через что приходится пройти подобному индивидууму, чтобы достигнуть своей цели! Если мы вспомним, какой дорогой ценой она платила за свое поведение и социальную установку, мы должны заключить, что они были для нее абсолютной необходимостью. Она не могла

успокоиться, если ее прихоти не удовлетворялись беспрекословно и точно в срок. Однако брак — это далеко не только наличие пунктуального мужа. Деспотизм этой женщины, научившейся подкреплять свои приказы угрозами, что у нее начнется приступ страха, вредит множеству других граней ее взаимоотношений с людьми. На первый взгляд кажется, что ее необычайно заботит благополучие других, однако все вокруг должны беспрекословно повиноваться ее воле. Мы можем сделать однозначный вывод: ее заботливость — не более чем орудие удовлетворения ее тщеславия.

Зачастую подобный психологический импульс становится настолько мощным, что настоять на своем оказывается важнее, чем получить предмет своих желаний. Это видно на примере шестилетней девочки, эгоизм которой был настолько безграничен, что единственной ее заботой стало удовлетворение любой своей минутной прихоти. Все ее поведение было проникнуто желанием показать свою способность главенствовать над всеми, и, как правило, она добивалась успеха. Ее мать, которую очень заботило сохранение добрых отношений с дочерью, однажды попыталась преподнести ей в качестве сюрприза ее любимый десерт со словами: «Я принесла тебе это, потому что знаю — это твое любимое». Девочка бросила тарелку на пол, растоптала пирожное и закричала: «Но я его хочу не тогда, когда ты мне его даешь, а когда его хочу я!» В другой раз она случайно услышала, как ее мать размышляет вслух, что лучше предложить дочери — кофе или молоко. Встав на пороге, девочка вполголоса, но очень отчетливо произнесла: «Если она скажет — кофе, я захочу молока, а если скажет — молока, я захочу кофе!»

Эта девочка высказывала все открыто, однако есть множество не менее эгоистичных детей, которые стараются держать свои мысли при себе. Вероятно, такая черта характера в той или иной степени свойственна каждому ребенку, и каждый ребенок старается настоять на своем даже в том случае, если это не сулит ему никаких выгод, а возможно, даже принесет горе и несчастье. В наибольшей степени это характерно для детей, которые привыкли к тому, что любая их прихоть удовлетворяется. Примеры такого поведения встречаются в наше время на каждом шагу. Соответственно, и среди взрослых появляется больше людей, жаждущих добиться своего, нежели людей, желающих помочь другим. У некоторых себялюбие доходит до того, что они неспособны поступить так, как предлагает кто-либо другой, даже если это наиболее очевидный образ действий и поступить так всецело в их интересах. Есть люди, которые всегда возражают собеседнику, не дождавшись, пока он умолкнет. А

некоторых людей тщеславие даже может довести до того, что они говорят: «Нет!», когда желают сказать: «Да!»

Все время добиваться своего возможно только в семейном кругу, да и там не всегда. Бывают такие дружелюбные и беззаботные индивидуумы, которые устанавливают контакты с незнакомыми людьми легко, но ненадолго. Вскоре они охлаждают к новым знакомым. Поскольку в жизни люди, как правило, постоянно сталкиваются между собой, индивидуум, который сначала всех покоряет, а потом бросает в беде, — весьма распространенное явление.

Многие стремятся ограничить всю свою деятельность кругом семьи. Именно так произошло с нашей пациенткой, описанной выше. Благодаря ее шарму и личному обаянию вне дома ее все любили, считая чудесным человеком. Однако она старалась не выходить из дома надолго. Ее желание вернуться в круг семьи обставлялось разнообразными хитростями. Если она выезжала на вечеринку, у нее начинала болеть голова и ей приходилось ехать домой, поскольку на светской вечеринке ей было невозможно сохранить ту абсолютную власть над другими, какую она установила дома.

Поскольку эта женщина могла достигнуть главной цели своей жизни — удовлетворения своего тщеславия — только в семейном кругу, ей пришлось изобрести способ возвращаться в этот круг всякий раз, когда ей было необходимо. Дошло до того, что как только она оказывалась среди незнакомых людей, ее охватывала тревога и возбуждение. Вскоре она уже не могла ходить в театр, а в конце концов ей стало нельзя выходить на улицу, потому что в этих ситуациях она чувствовала, что ее власть над миром ослабевает. Ситуации, к которой она стремилась, нельзя было найти вне семьи, а особенно на улице. В конце концов она заявила, что не может выходить из дома иначе как в сопровождении кого-нибудь из своих «придворных». Только такая ситуация доставляла ей удовольствие: быть окруженной заботливыми людьми, пекущимися о ее благополучии. Как показало наше исследование, такой стиль поведения у нее сформировался еще в раннем детстве.

Она была самой младшей, самой слабой, самой болезненной и больше других нуждалась в том, чтобы ее баловали и нежили. Она ухватилась за роль избалованного ребенка и играла бы ее до конца жизни, если бы не зашла слишком далеко и не нарушила железные законы жизни, согласно которым подобное поведение крайне предосудительно. Ее приступы возбуждения и тревоги, которые были настолько заметны, что никто не осмелился бы отрицать их подлинности, выдали тот факт, что найденное ею решение проблемы тщеславия оказалось ловушкой для нее самой. Это

решение было неадекватным; она не обладала достаточной волей для того, чтобы жить как нормальный член общества, которому приходится не только брать, но и давать, и в итоге последствия неспособности решить свою проблему стали для нее настолько болезненными, что она обратилась за медицинской помощью.

После этого пришлось демонтировать всю структуру ее жизни, которую пациентка старательно возводила многие годы. Пришлось преодолевать огромное сопротивление, поскольку в сущности она не была готова меняться, хотя внешне и умоляла доктора о помощи. На самом деле ей требовалось лишь одно — царствовать в своей семье, как и прежде, но не расплачиваться за это мучительной тревогой, которая охватывала ее, стоило ей выйти на улицу. Однако эти два условия были неразделимы! Пациентке продемонстрировали, как она оказалась узником в клетке своего бессознательного поведения, выгодами которого она желала пользоваться и дальше, однако неприятностей которого хотела избежать.

Этот пример показывает, как, развившись до значительной степени, тщеславие превращается в тяжелое бремя, которое приходится нести всю жизнь, как оно мешает развитию человека и в конечном счете приводит его к краху. Пациент не может понять этого ущерба, поскольку его внимание приковано исключительно к выгодам. По этой причине многие люди убеждены, что их честолюбие, которое скорее следовало бы назвать тщеславием, является ценной чертой характера. Они не понимают, что эта черта характера вызывает вечную неудовлетворенность и лишает их сна и отдыха.

В доказательство нашего тезиса приведем еще один пример. Молодому человеку двадцати пяти лет нужно было сдавать выпускные экзамены. Однако на экзамены он не явился, поскольку внезапно потерял всякий интерес к предмету. Его обуревали неприятные чувства; он сомневался в своих способностях и достоинствах до тех пор, пока неверие в собственные силы не одолело его настолько, что он оказался не способным сдать экзамены. Его воспоминания о детстве были пересыпаны упреками в адрес родителей, которые никогда его не понимали, что затормозило его развитие. Пребывая в таком настроении, он также считал, что все люди — существа бесполезные, а посему они не представляют для него никакого интереса. Таким образом ему удалось изолировать себя от мира.

Движущей силой, которая каждый раз, когда ему предстояло испытать свои силы, находила отговорку, позволявшую этого избежать, было тщеславие. Теперь, перед самыми выпускными экзаменами, его терзали сомнения, мучили недостаток мотивации и мандраж, благодаря чему он

оказался совершенно не способен их сдать. Все это представляло для него чрезвычайную важность, поскольку, если бы он сдался сейчас, его чувство собственного достоинства осталось бы непоколебленным. Его спасательный круг всегда был с ним! Он чувствовал себя спокойнее, когда утешался мыслью, что причинами его неудачи были болезнь и невезение.

Мы считаем такое поведение всего лишь еще одной формой тщеславия, при котором индивидуум неохотно подвергает себя испытанию. Именно тщеславие заставляет его пасовать в момент, когда должно быть принято решение относительно его способностей. Он вспоминает о славе, которую утратит, если потерпит неудачу, и начинает сомневаться в своих способностях; он постиг наконец сокровенную тайну всех, кто не может заставить себя принять решение! Рассказ нашего пациента о себе подтверждает, что он фактически всю жизнь был одним из этих нерешительных людей. Всякий раз, когда возникала необходимость принять решение, он колебался и терялся. Если сосредоточиться только на изучении поведения и образа действий, то такое поведение для нас обозначает, что пациент желает остановиться, затормозить свое продвижение вперед.

Он был самым старшим ребенком в семье и единственным мальчиком среди четырех сестер. Кроме того, он оказался единственным, кому было решено дать высшее образование, надеждой всей семьи, от которого ожидали великих свершений. Отец не упускал возможности подстегнуть его честолюбие и не уставал повторять ему, что он должен совершить великие дела. Постоянной целью этого мальчика было стать первым и лучшим. И теперь, во власти нерешительности и тревоги, он размышляет, сумеет ли он на самом деле осуществить то, что от него ожидают. Тщеславие приходит ему на выручку и указывает путь к отступлению.

Этот пример показывает нам, как разросшееся честолюбие и тщеславие делает невозможным перейти Рубикон и двигаться дальше. Тщеславие вступает в конфликт с социальным чувством, и от этой смертельной схватки никуда не деться. Более того, зачастую мы видим, как честолюбцы уходят от общества, чтобы жить в одиночку. Они похожи на людей, которые выдумывают фантастический город, отправляются на прогулку по нему с воображаемым планом, ищут воображаемые здания в тех местах, где, как они уверили сами себя, эти здания должны стоять. Разумеется, им так и не удается найти искомого! И винят они в этом жестокую реальность! Такова, приблизительно, судьба эгоиста, который пытается получить желаемое силой, хитростью или коварством, пронизывающими все его взаимоотношения с себе подобными. Он ищет

возможности показать, что остальные люди, во-первых, не правы по отношению к нему и, во-вторых, хуже его. Он счастлив, когда ему удается доказать (хотя бы самому себе), что он умнее или лучше других людей. Однако те не обращают на него внимания и только оказывают сопротивление его усилиям. Эта борьба может закончиться победой или поражением, но в любом случае наш тщеславный друг остается уверенным в своей правоте и превосходстве над другими.

Таковы дешевые трюки, позволяющие любому увериться во всем, в чем он только захочет. Может оказаться, как в нашем случае, что индивидуум, который должен учиться, которому приходится подчинять себя книжной мудрости или подвергать экзамену, выявляющему его истинные способности, обостренно осознает свои недостатки, поскольку видит все вокруг в ложном свете. Вследствие этого он переоценивает ситуацию и начинает полагать, будто на карту поставлено счастье всей его жизни, все его дальнейшие успехи. В результате он настолько себя взвинчивает, что такое напряжение никто не в силах вынести.

Любой контакт с окружающими превращается в событие огромного значения. Любой поступок, любое слово оцениваются под тем углом, принесут ли они ему победу или поражение. Это вечный бой, который создает такому индивидууму, сделавшему своими поведенческими установками тщеславие, честолюбие и неоправданные надежды, все новые трудности и окончательно лишает его истинного счастья. Счастье возможно лишь тогда, когда правила жизненной игры принимаются; однако когда эти реальные и необходимые условия отброшены в сторону, индивидуум сам отрезает себе все пути к счастью и радости и терпит неудачу там, где другие получают удовлетворение. Лучшее, что ему остается, — это мечтать о своем превосходстве и главенстве над другими, несмотря на то, что осуществить свои мечты ему не под силу.

Если же он действительно обладает таким превосходством, ему не составит труда найти людей, которые с радостью вступят с ним в состязание. Избежать этого нельзя, так как никого нельзя заставить признать превосходство другого. Остается лишь такая таинственная и зыбкая вещь, как самооценка индивидуума. Когда наш стиль жизни таков, как описано выше, нам затруднительно установить контакт с себе подобными или достичь реального успеха. Игроки постоянно живут под угрозой нападения и гибели. На них лежит ужасная обязанность — выглядеть умными и выдающимися людьми все время!

Совершенно по-иному обстоит дело, когда репутацию человека подтверждают его услуги, оказанные другим. Тогда слава сама находит его,

а если кто-то и противится этому, на них мало обращают внимание. Такой человек может спокойно почивать на лаврах, поскольку не поставил все на карту тщеславия. Решающее различие между ним и честолюбцем заключается в эгоистической социальной установке последнего, в его постоянном стремлении возвыситься. Все внимание тщеславного человека сфокусировано на предвкушении и приобретении. Сопоставим этого человека с таким, который, имея хорошо развитое социальное чувство, спрашивает: «Что я могу дать другим?» — и вы сразу увидите огромную разницу и в характере, и в его ценности.

Таким образом, мы приходим к тому, что люди поняли тысячелетие назад. Эта точка зрения выражена в знаменитом стихе Библии: «Давать — большее благо, нежели получать». Если мы поразмыслим о значении этих слов, вобравших в себя тысячелетний опыт человечества, мы поймем, что в них имеются в виду социальные установка и чувство. Готовность давать, оказывать услуги или помогать вознаграждается душевной гармонией, подобно золоту богов, которое возвращается к тому, кто его отдает.

С другой стороны, стяжатели, как правило, не знают покоя, поскольку их постоянно грызут мысли о том, чего им предстоит еще достичнуть, что приобрести, чтобы быть счастливыми. Во внутреннем мире стяжателя, который никогда не задумывается о нуждах и потребностях других, для которого чужое несчастье — радость, нет места приятию жизни и примирению с ней. Он требует безусловного подчинения других законам, диктуемым его эгоизмом. Он требует для себя особого положения в мире и претендует на то, что ему дано мыслить и чувствовать по-особому. Его неудовлетворенность жизнью и самоуверенность подлежат такому же осуждению, как и другие черты его характера.

Есть и другие, более примитивные формы тщеславия; его проявляют те люди, которые стремятся выделиться необычной или щегольской одеждой, кто навешивает на себя вызывающие много украшений точно так же, как первобытные люди старались привлечь к себе всеобщее внимание, воткнув в волосы особо длинное перо, полученное за какие-то заслуги. Есть немало людей, для которых самое большое удовольствие — всегда быть одетым красиво и по последней моде. Различные украшения, которые носят эти индивидуумы, суть не что иное, как боевые знамена их тщеславия. Иногда это тщеславие выражается эротическими эмблемами или татуировкой.

В таких случаях у нас создается впечатление, что данный индивидуум стремится привлечь к себе внимание, однако единственный способ, каким он способен это сделать — бесстыдство. Некоторым бесстыдное поведение

дает чувство собственного величия и превосходства над окружающими; другие для того, чтобы приобрести такое чувство, становятся черствыми, жестокими, упрямыми или нелюдимыми. На самом деле эти индивидуумы могут быть не грубыми, а мягкими, и их внешняя резкость — только поза. Такая внешняя бесчувственность, а на деле — отрицательное отношение к социальному чувству, особенно характерна для мальчиков. Индивидуумы, чьим движущим жизненным мотивом является подобное тщеславие, которые желают играть такую роль, при которой они торжествуют, а все остальные страдают, были бы оскорблены, если бы мы попытались возвратить к их высшим идеалам. Такой призыв только подкрепил бы их социальную установку. Всем нам известны случаи, когда родители заявляют ребенку, что своим плохим поведением он заставляет их страдать, а ребенку эти чужие страдания только внушают чувство собственного превосходства над ними.

Как мы уже говорили, тщеславие любит скрываться под маской. Тщеславные люди, которым хотелось бы управлять другими, сначала должны поймать их, чтобы привязать к себе. Поэтому нам не следует позволять обмануть себя наружному доброжелательству, дружелюбию или демократичности. Нам нельзя также позволить себя одурачить и заставить поверить, будто такой человек на самом деле не агрессивный завоеватель, желающий очередными победами подкрепить свое чувство собственного превосходства. Первая фаза его тактического маневра — убедить жертву в своей доброжелательности и усыпить таким образом ее бдительность. В первой фазе — фазе дружеского сближения — мы легко можем поверить, что агрессор преисполнен социального чувства. На второй стадии маска спадает, и мы осознаем наше заблуждение. Такие люди всегда нас разочаровывают. Мы могли бы сказать, что они двуличны, но на самом деле лицо у них только одно — выражющее показное дружелюбие, которое в конечном счете оказывается ложным.

Такой стиль жизни может даже стать чем-то вроде спорта: ловлей друзей. Нам могут выказывать величайшую преданность. Эти люди с теплым чувством говорят о человечестве и, кажется, делом доказывают свою любовь к себе подобным. Однако их благодеяния, как правило, настолько показные, что они настораживают любого, кто обладает реальными знаниями о природе человека. Итальянский криминалист-психолог однажды сказал: «Когда человек кажется даже слишком хорошим для нашего мира, когда его филантропия и гуманизм достигают значительных масштабов, нам следует быть бдительными». Разумеется, этот принцип следует применять с осторожностью, однако в его

разумности нет причин сомневаться.

Как правило, подобный тип личности легко распознать. Угодничество никому не доставляет удовольствия; вскоре оно начинает причинять неудобство, и мы настороженно относимся к тем, кто пытается к нам подольститься. Мы чувствуем необходимость посоветовать честолюбцам избегать такого подхода — лучше поискать другой метод и более надежные приемы!

В заключение мы представим еще один случай, демонстрирующий все уже описанные нами проявления тщеславия и в то же время дающий нам возможность понять еще одно явление, в котором тщеславие играет заметную роль, — а именно преступность. В данном случае речь идет о брате и сестре. Брат, который был младшим из двоих детей, считался бессталанным, в то время как его старшая сестра слыла чрезвычайно одаренной. Когда брату оказалось больше не под силу быть с нею наравне, он сошел с дистанции. Хотя все старались убрать с его пути всяческие препятствия, он отошел на задний план. Он нес на себе тяжелое бремя — необходимость признать, что он ни на что не пригоден. С самого раннего детства ему внушали, что его сестра всегда с легкостью сумеет преодолеть любые трудности, а он способен только на пустяки. Таким образом из-за преимуществ, которые имела его сестра, люди неправомерно считали мальчика неполноценным.

Сгибаясь под бременем этого непосильного груза, он пришел в школу. Здесь он проявил себя типично для ребенка с пессимистическими наклонностями, который стремится любой ценой скрыть свою бездарность. По мере того как он взросел, у него появилось желание перейти на положение взрослого и тем самым покончить с необходимостью и дальше играть роль глупого мальчишки. В четырнадцать лет он много времени проводил в обществе взрослых, однако глубоко укоренившееся чувство неполноценности не давало ему покоя и заставляло размышлять о том, как подостовернее исполнить роль взрослого мужчины.

Он попал в компанию проституток. Тратил на них все свои деньги, однако его желание играть роль взрослого не давало ему просить деньги у отца. Поэтому мальчик стал красть их у него. Эти кражи его нисколько не тревожили, он считал, что имеет полное право распоряжаться отцовскими деньгами. Так продолжалось до тех пор, пока в один прекрасный день перед ним не возникла перспектива полного провала в школе. Провалиться — значило показать недостаток умственных способностей, а выставить это на всеобщее обозрение он не смел.

В этот момент его вдруг стали терзать угрызения совести и раскаяние,

которые создавали непреодолимую помеху его учению. Теперь положение мальчика улучшилось: в случае провала у него была бы отговорка — его мучило раскаяние, а в таком положении учеба не пойдет на ум никому. Мощный отвлекающий фактор мешал ему в работе и заставлял думать о посторонних вещах. Так проходил целый день; наступала ночь, и он отправлялся спать, считая, что старался учиться, хотя на самом деле он уделял работе крайне незначительное внимание. То, что происходило после этого, также помогало ему играть свою роль.

Ему приходилось рано вставать. В результате он весь день чувствовал себя усталым и разбитым и не мог обращать на работу никакого внимания. Разве могла теперь идти речь о том, чтобы сравниться с сестрой! Для постороннего взгляда виной тому была не его неспособность, а его глубокое раскаяние, угрызения совести, которые не давали ему покоя. Наконец-то он был защищен со всех сторон и совершенно неуязвим: если бы он провалился, это можно было объяснить смягчающими обстоятельствами и никто не мог бы сказать, что у него не хватило способностей. Если бы он выдержал экзамен, это бы доказало, что он мог сделать это с самого начала, и те, кто считал его бездарным, были бы не правы.

Когда мы видим такие хитрости, то можем быть уверены, что в их основе лежит тщеславие. В рассмотренном случае мы видим, что человек может заняться даже таким опасным делом, как мелкие кражи, чтобы не быть уличенным в мнимом, а не действительном отсутствии способностей. Честолюбие и тщеславие провоцируют в жизни такие трудности и уловки. Они убивают всю откровенность, все истинные удовольствия, всю истинную радость и счастье жизни. И все ради того, что при ближайшем рассмотрении оказывается чистейшей воды софизмом.

ИГРА В БОГА

Сказки, из которых все мы почерпнули столько сведений о природе человека, изобилуют примерами опасности чрезмерного тщеславия. Рассмотрим одну сказку, особенно наглядно показывающую, что необузданное тщеславие автоматически приводит к распаду личности. Это сказка Ганса Христиана Андерсена «Кувшин с уксусом». Бедный рыбак живет в крошечной хижине. Он поймал рыбку и выпустил ее на свободу, а она в благодарность исполняет его желание. Рыбак хочет получить новый дом, и его желание исполняется. Но его честолюбивой жене этого мало; она

настаивает на том, чтобы рыбак изменил свою скромную просьбу и попросил замок. Однако это желание ведет к новым; она посыпает своего мужа к рыбке снова и снова и требует, чтобы ее сделали герцогиней, затем — королевой и, наконец, богиней! Рассерженная ее последним требованием, рыбка уплывает и покидает ее и рыбака навсегда.

Тщеславие и честолюбие не знают границ. Интересно видеть, как в сказках, а также в разгоряченном воображении честолюбцев стремление к власти переходит в желание стать Богом. Мы на каждом шагу видим тщеславных людей, которые либо действуют так, будто они — боги или, по крайней мере, полномочные представители Бога на земле, либо выражают мечты и желания, исполнить которые под силу одному Богу. Эти проявления, стремления к тому, чтобы быть подобным Богу, являются крайним выражением склонности, наличествующей во всех поступках данного индивидуума, и в основе ее — желание спроецировать себя за пределы своей личности.

Примеров такой склонности в наше время можно найти множество. Большая группа людей, занимающихся спиритизмом, парапсихологическими исследованиями, телепатией и тому подобными славными делами, состоит из тех, кто желает стать чем-то большим, нежели обычным человеком, кто желает обладать сверхчеловеческими способностями, кто желает выйти за пределы пространства и времени и беседовать с призраками и душами мертвых.

В ходе дальнейших исследований мы обнаруживаем, что немалая часть человечества склонна требовать для себя места по правую руку от Бога. Еще и сейчас существует немало школ, чей педагогический идеал — уподобиться Богу. В прежние времена это был даже сознательный идеал всего религиозного воспитания. Нам остается лишь с содроганием наблюдать его результаты, и сегодня мы безусловно можем найти более разумную цель. Однако легко понять, что подобная склонность глубоко укоренилась в человечестве. Помимо психологических причин, известно, что значительная часть человечества получает первое представление о природе человека из догматов Библии, ставших расхожими фразами, в частности — о том, что человек создан по образу и подобию Божьему. Легко представить, какое глубокое и опасное влияние на душу ребенка может оказаться такое представление. Библия — это, безусловно, замечательная книга, которую нам следует постоянно читать и перечитывать, восхищаясь ее прозорливостью, после того как наш разум созрел. Однако не следует преподавать ее детям — во всяком случае, без комментария. Пусть ребенок научится быть довольным жизнью и не

претендовать на всякого рода магическую силу и требовать, чтобы все вокруг были его рабами, — и все якобы потому, что он создан по образу Божьему!

В близком родстве с этой жаждой уподобиться Богу находится идеал сказочной Утопии, где любая мечта становится явью. Дети редко всерьез верят в реальность подобных фантастических миров. Однако если вспомнить, какой интерес проявляют дети к магии, нельзя сомневаться, что она может их соблазнять и им очень легко погрузиться в фантазии. Вера в силу чар, магического воздействия на других сильна у многих людей и может сохраняться до глубокой старости.

Есть один вопрос, в котором никто не свободен от суеверных мыслей: это вера в то, что женщины способны опутывать своих любовников колдовскими чарами. Можно найти немало мужчин, которые живут так, будто они считают, что околдованы своими сексуальными партнершами. Это суеверие напоминает нам о тех временах, когда подобные воззрения были куда более распространены и в них верили гораздо более буквально, чем теперь. Это была эпоха, когда любая женщина рисковала быть заклейменной как ведьма под самым неосновательным предлогом, этот предрассудок висел, подобно кошмару, над всей Европой и оказывал влияние на ее историю в течение многих десятилетий. Если мы вспомним, что жертвами этого заблуждения стал миллион женщин, мы не можем назвать его безобидной ошибкой, но должны сравнить воздействие этого суеверия с ужасами инквизиции и мировых войн.

Еще одна веха на дороге нашего стремления уподобиться Богу — это удовлетворение нашего тщеславия путем злоупотребления желанием достичь религиозного просветления. Достаточно вспомнить, насколько важно бывает для индивидуума, перенесшего душевный надлом, удалиться от себе подобных и вступить в разговор по душам с Богом! Подобные индивидуумы считают себя особами, приближенными к Богу, которого их благочестивые молитвы и истовое исполнение обрядов обязывают лично заботиться об их благополучии. Подобные религиозные фокусы обычно настолько далеки от истинной религиозности, что их психопатологическая природа бросается в глаза. Один из наших пациентов говорил, что не может заснуть, не прочитав некую молитву, так как если он не вознесет эту молитву к небу, где-нибудь с каким-нибудь человеком может случиться несчастье.

Чтобы понять всю несостоятельность этой идеи, достаточно всего лишь проверить логические следствия утверждения пациента. В данном случае основное положение следующее: «Если я произнесу свою молитву,

ни с кем не случится никакого несчастья». Вот каким образом можно легко почувствовать себя великим магом. Таким дешевым трюком человеку удается уверить себя в том, что он спас другого от несчастья. В грезах таких религиозных индивидуумов мы обнаруживаем аналогичные склонности, выходящие за пределы человеческих возможностей. В этих грезах мы видим пустые жесты, доблестные подвиги, которые совершенно не способны изменить ход вещей, зато благодаря им мечтателю отлично удается уйти от реальности.

В нашей цивилизации есть одна вещь, которая, как кажется, действительно обладает магической силой; это деньги. Многие люди считают, что с помощью денег можно сделать все. Поэтому неудивительно, что честолюбие и тщеславие приводят их к одержимости приобретением денег и собственности. В этом свете их неутолимое стремление к приобретению мирских благ становится понятным, хотя с нашей точки зрения оно кажется почти патологическим. Это опять-таки форма тщеславия, когда путем наращивания собственности пытаются приобрести власть, подобную власти чародея. Один очень богатый человек, который, уже обладая состоянием, способным удовлетворить любого, продолжал погоню за деньгами и заболел психическим расстройством, даже признался: «Да, деньги обладают властью, которая влечет меня снова и снова!» То, что понял этот человек, не смеют осознать многие другие. Сегодня обладание властью тесно связано с обладанием деньгами и собственностью, и стремление к приобретению денег и собственности для нашей цивилизации кажется настолько естественным, что никто не обращает внимания на тот факт, что многих индивидуумов, тратящих свою жизнь на погоню за золотом, подстегивает просто-напросто честолюбивое желание обрести власть, подобную божественной.

РЕВНОСТЬ

Ревность — интересная черта характера, так как она очень распространена. Под ревностью мы подразумеваем ревность не только в любовных, но и во всех остальных межчеловеческих взаимоотношениях. Так, уже в детстве мы видим, как некоторые дети, пытаясь добиться превосходства над другими, становятся ревнивыми. У тех же самых детей может также развиться непомерное честолюбие. Обе эти черты характера раскрывают их враждебное отношение к миру. Ревность, сестра честолюбия, — это черта характера, которая может сохраняться всю жизнь,

она возникает из чувства отверженности, а также из чувства постоянной униженности.

Ревность почти всегда возникает у детей с появлением младшей сестры или брата, тот требует от своих родителей больше внимания, и старший ребенок чувствует себя низложенным монархом. Особенно ревнивыми становятся дети, которые до появления младшего ребенка купались в теплых солнечных лучах родительской любви. История маленькой девочки, которая к восьми годам совершила три убийства, показывает, до каких крайностей может довести это чувство.

Эта девочка несколько отставала в умственном и физическом развитии, и из-за болезненности ей не давали заниматься какой-либо серьезной деятельностью. Вследствие этого ее положение было не лишено приятности. Такое положение внезапно изменилось, когда ей исполнилось шесть лет и в семье появилась младшая сестра. После этого характер девочки совершенно изменился, и она стала безжалостно и жестоко преследовать свою маленькую сестренку.

Родители, которые не могли понять ее поведения, стали с ней строже и пытались доказать ей неправильность ее поступков.

Однажды случилось так, что в ручье, протекающем около деревни, где жила эта семья, нашли мертвой маленькую девочку. Через некоторое время обнаружили еще одну утонувшую девочку, и наконец нашу пациентку застали в тот момент, когда она столкнула в воду третьего ребенка. Она призналась в совершенных ею убийствах, после чего ее поместили в больницу для душевнобольных для наблюдения, а затем — в исправительную школу.

В данном случае ревность девочки к собственной сестре переносилась на других маленьких детей. Было замечено, что она не испытывала враждебных чувств к мальчикам; по всей видимости, в своих жертвах она видела свою младшую сестру и, убивая их, пыталась отомстить за перенесенное ею чувство отверженности.

Проявления ревности встречаются еще чаще, когда в семье, кроме сестер, появляются братья. Хорошо известно, что в условиях нашей цивилизации судьба девочки незавидна; нетрудно себе представить ее обескураженность, когда она видит, с каким восторгом встречают рождение брата, видит, что ему уделяют больше заботы и уважения и он получает всевозможные привилегии, которых девочка лишена.

Вполне естественно, что подобные отношения дают почву для враждебности. Зачастую старшая сестра относится к младшему брату любовно, по-матерински, однако ее психологическое состояние может

ненамного отличаться от описанного нами выше. Если старшая сестра начинает относиться к младшим братьям и сестрам по-матерински, она снова приобретает авторитетное положение и может вести себя как пожелает: благодаря такой военной хитрости она выходит из опасного положения, став сильнее, чем была.

Чрезмерная конкуренция между братьями и сестрами является одной из наиболее частых причин для появления ревности внутри семьи. Девочка чувствует, что ею пренебрегают, и все время старается превзойти братьев. Зачастую благодаря трудолюбию и энергии ей удается обогнать брата в учебе. В этом ей на помощь приходит природа, так как в отечестве девочки развиваются быстрее мальчиков как интеллектуально, так и физически, хотя в течение следующих нескольких лет разрыв между ними понемногу сокращается.

Ревность, подобно мифическому Протею, способна принимать тысячу образов. Ее можно распознать в недоверчивости и стремлении рыть другим яму, в чрезмерной придирчивости к другим людям и постоянном страхе оказаться забытым и заброшенным. То, какой именно из этих симптомов будет ведущим, зависит исключительно от опыта подготовки данной личности к жизни в обществе. Одна форма ревности выражается в самоуничтожении, другая — в чрезвычайном упрямстве. Желание испортить удовольствие другим, бессмысленные возражения по любому поводу, ограничение свободы другого человека и, соответственно, его подчинение себе, — вот лишь некоторые из бесчисленных обличий этой черты характера.

Одна из любимых уловок ревнивого человека — заставить другого жить по заданным правилам. Характерным признаком такого приема являются попытки привязать супруга или супругу к себе цепями любви, построить вокруг него стену или предписать ему, что он должен смотреть, как поступать и как мыслить. Ревность может также применяться для того, чтобы унизить или пристыдить другого человека. Все это — только средства для достижения одной цели: лишить ближнего свободы воли, сковать его и запереть в клетку.

Великолепное описание такого поведения можно найти в повести Достоевского «Неточка Незванова», в которой ревнивцу удается терзать жену до самой ее смерти, тем самым властвуя над ней. Здесь мы ясно видим, что ревность — это особо ярко выраженная форма стремления к власти.

ЗАВИСТЬ

Там, где есть стремление к власти и превосходству, всегда найдется место и зависти. Пропасть между индивидуумом и его недостижимой целью выражается в виде комплекса неполноценности. Он угнетает его и настолько влияет на общий характер его поведения и отношения к жизни, что у нас создается впечатление, будто человек далек от достижения своей цели. Это впечатление подкрепляется его собственной заниженной самооценкой и постоянной неудовлетворенностью жизнью. Он начинает тратить свое время на оценку чужих успехов, на размышления о том, что о нем думают другие, и о том, чего кто-то добился. Он всегда испытывает жгучее чувство отверженности и считает, что с ним обошлись несправедливо. В реальности же такому индивидууму может посчастливиться больше, чем многим из нас.

Разнообразными проявлениями этого чувства отверженности являются симптомы неудовлетворенного тщеславия, желания иметь больше, чем есть у соседа, или даже иметь все. Завистники такого рода не говорят, что им хочется иметь все, поскольку социальное чувство не позволяет им помыслить об этом. Однако они действуют так, как если бы им хотелось обладать всем на свете.

Чувство зависти, которое возрастает в ответ на это постоянное сопоставление своих успехов с чужими, ничуть не делает нас счастливее. Всеобщность социального чувства определяет и всеобщее отрицательное отношение к зависти. Однако очень мало кто из людей не испытывает зависти хотя бы время от времени. Никто из нас не лишен ее совершенно. Пока жизнь идет гладко, это зачастую трудно заметить. Однако когда человек болен или чувствует, что его притесняют, или ему не хватает денег, еды, одежды или тепла, когда его надежда на будущее омрачена и он не видит выхода из преследующих его неудач, тогда на сцене появляется зависть.

Наша цивилизация находится еще на ранней стадии развития. Хотя наша этика и религия запрещают зависть, мы пока не достигли той степени психологической зрелости, на которой ее можно будет полностью устраниć. Нам нетрудно понять зависть, которую бедные люди испытывают к богатым. Кто может сказать, что он в подобной ситуации также не стал бы завидовать? Все, что мы хотим сказать о зависти — это что нам нужно рассматривать ее как фактор современного состояния человеческой психики. Можно с уверенностью заявить: зависть возникает у

индивидуума или группы сразу же, как только нечто начинает чрезмерно ограничивать свободу их действий. А когда зависть появляется в самых своих отвратительных, непростительных формах, нам не удается искоренить ее или ненависть, зачастую ее сопровождающую. Всем членам нашего общества ясно, что нам не следует испытывать зависть или провоцировать ее, а также необходимо иметь достаточно такта, чтобы не привлекать внимания к каким-либо проявлениям зависти. Правда, подобный образ действий мало чем улучшает обстановку. Однако минимум того, что мы можем потребовать от индивидуума, состоит в следующем: ему не следует умышленно выставлять напоказ какие-либо признаки временного превосходства над себе подобными. Этой бессмысленной демонстрацией силы слишком легко кого-нибудь оскорбить.

Происхождение черты характера, именуемой завистью, отражает нерасторжимую связь между индивидуумом и обществом. Всякий, кто ставит себя выше общества и демонстрирует власть над себе подобными, должен ожидать немедленного сопротивления тех, кто хочет помешать его успехам. Именно для того, чтобы избежать возникновения зависти, мы учреждаем законы и правила, пытающиеся установить всеобщее равенство. Мы разумом пришли к заключению, которое раньше чувствовали интуитивно: существует закон природы, гласящий, что все люди равны. Этот закон нельзя нарушить, не вызвав сопротивления и раздоров. Это один из основополагающих законов человеческого общества.

Проявления зависти легко распознать: иногда они накладывают свой отпечаток даже на внешность человека. Те аллегории, которыми мы описываем зависть, имеют солидное психологическое обоснование. Так, мы говорим, что люди «зеленеют от зависти»; это предполагает влияние зависти на кровообращение. Физиологически зависть проявляется в периферическом сужении капиллярных кровеносных сосудов.

Что касается значения зависти в педагогике, здесь мы можем действовать только одним путем. Поскольку нам не под силу полностью уничтожить зависть, мы должны ее использовать, найдя зависти полезное применение, не нарушающее душевного равновесия человека. Это относится как к отдельным индивидуумам, так и к группам людей.

Если речь идет об индивидууме, можно дать ему занятие, которое будет повышать его самооценку. Если речь идет о народах, мы зачастую видим страны, которые считают, что их отодвинули на задний план, и завидуют своим более преуспевающим соседям. Нам необходимо помочь этим странам развить свои материальные и человеческие ресурсы и занять достойное место в семье народов.

Никто из тех, кто всю жизнь кому-то завидовал, не может быть полезным членом общества. Завистник заинтересован только в одном: отнимать у других, лишать их собственности и унижать. В то же время он будет пытаться найти объяснения своей неспособности добиться намеченной цели и винить в своих неудачах других. Он будет борцом-одиночкой, который не ценит хороших взаимоотношений с другими людьми, которому не хочется быть полезным для других. Поскольку он не утруждает себя сочувствием к близким, ему трудно понять природу человека. То, что он причиняет кому-то страдания, не смутит его ни на секунду. Зависть может даже привести к тому, что человек будет получать удовольствие, причиняя своим близким боль.

ЖАДНОСТЬ

Жадность тесно связана с завистью, и они, как правило, идут рука об руку. Мы не имеем в виду ту форму жадности, которая выражается в накапливании денег. Есть и другая, более широкая ее форма, выражющаяся главным образом в нежелании доставлять удовольствие другим. Алчность пронизывает все взаимоотношения такого человека с обществом и другими индивидуумами. Алчный человек выстраивает вокруг себя стену, чтобы сберечь свои проклятые сокровища. Помимо тесной связи жадности с завистью, она также связана с честолюбием и тщеславием. Не будет ошибкой сказать, что эти черты характера, как правило, наблюдаются одновременно. Следовательно, не нужно обладать большой психологической проницательностью, чтобы, обнаружив одну из этих черт характера, заявить, что остальные тоже наличествуют.

Почти любой человек, живущий в условиях нынешней цивилизации, проявляет, по крайней мере, следы жадности. Единственное, что удается среднему человеку, — это скрыть их или спрятать под преувеличенной щедростью, которая сводится, в конечном счете, всего-навсего к раздаче милостыни, к попыткам с помощью показной щедрости повысить свою самооценку за счет других.

В некоторых обстоятельствах оказывается, что скучность даже может быть полезным качеством. Например, мы можем скрупульезно расходовать свое время или труд и благодаря этому даже сумеем сделать что-нибудь полезное. Тенденции развития науки и морали нашего времени выдвигают на первый план систему «научной организации труда», которая требует, чтобы мы относились к своему времени и труду скрупульезно. В

теории все это звучит очень красиво, однако всякий раз, когда подобные идеи применяются на практике, мы неизменно обнаруживаем, что они служат чьим-то целям, суть которых — добиться превосходства и власти над другими. Теорией зачастую злоупотребляют, и «научная организация труда» используется для того, чтобы перевалить бремя настоящего труда на плечи других. Эту деятельность, как и всякую другую, можно оценивать, пользуясь лишь одним критерием: ее полезностью для общества. Для нашего века техники характерно обращаться с человеческими существами, как с машинами, ожидая, что они будут следовать жизненным законам так же, как машины следуют законам физики. В последнем случае такие законы действительно являются всеобщими; однако в случае с людьми они ведут к их обособлению, одиночеству и разрушению межчеловеческих отношений. Поэтому для всех будет лучше устроить нашу жизнь таким образом, чтобы не столько сберегать, сколько отдавать. Если мы все попытаемся жить согласно этому правилу и иметь в виду общее благо, нам это пойдет на пользу.

В этой связи нам следует внимательнее посмотреть на деловую жизнь. Коммерсантов мало заботит благополучие их конкурентов, их мало интересует социальное чувство, которое мы считаем столь жизненно важным. Некоторые деловые приемы и предприятия даже основаны на том принципе, что выигрыш одного коммерсанта может иметь место только благодаря проигрышу другого. Как правило, такое поведение ненаказуемо, хотя в нем обнаруживается сознательный злой умысел. Ежедневная деловая практика, в которой находит выход жадность, а социальное чувство подавляется, отравляет общественный организм в целом. Даже те, кто имеет наилучшие намерения, должны под давлением общепринятых правил делового мира прибегать к наиболее эффективным приемам самозащиты. Часто при этом упускается из виду, что, защищая себя, приходится наносить ущерб другим. Мы должны особо указать на это, поскольку таким образом можно объяснить трудность проявления социального чувства в условиях деловой конкуренции. Нужно найти какой-то выход с тем, чтобы каждому индивидууму было легче, а не труднее вносить свой вклад в создание общего блага. Фактически человеческая душа давно трудится, пытаясь создать более благоприятные условия для самосохранения. Психология должна прийти на помощь и исследовать возможность подобных перемен, с тем чтобы лучше понять природу не только самих деловых взаимоотношений, но и лежащих в их основе психологических процессов. Только так мы можем понять, что лучше всего предпринять и индивидууму, и обществу.

НЕНАВИСТЬ

Зачастую ненависть оказывается чертой характера агрессивных людей. Склонность ненавидеть (часто проявляющаяся в раннем детстве) может достичь большой степени выраженности, как, например, при вспышках гнева, или проявляться в более мягкой форме, например придирках и злобе. То, насколько способен каждый из нас к ненависти и придиркам, является хорошим показателем для оценки всей личности. Это говорит о нас очень много, поскольку ненависть и злоба накладывают на личность неизгладимый отпечаток.

Ненависть может находить разнообразные направления. Она может быть обращена против различных дел, которые нам приходится выполнять, против отдельных индивидуумов, против какой-либо нации, против какого-либо класса, против определенной расы или против другого пола. Ненависть не выказывает себя открыто. Подобно тщеславию, она мастерски владеет искусством маскировки и умеет появляться, например, в обличье критического отношения ко всему вокруг. Ненависть можно также усмотреть в том, как некоторые отбрасывают любую возможность вступить в контакты с другими людьми. Порой способность индивидуума ненавидеть проявляется внезапно, как вспышка молнии. Так случилось с пациентом, который, будучи сам освобожден от военной службы, рассказывал нам, какое удовольствие ему доставляет чтение репортажей о чудовищной бойне и истреблении других людей.

Аналогичным симптомом являются преступные наклонности. В более мягких формах склонность ненавидеть играет значительную роль в нашей общественной жизни, и формы ее проявления далеко не всегда оскорбляют наши чувства или ужасают нас. Одной из таких завуалированных форм является мизантропия, разновидность ненависти, для которой характерна ярко выраженная враждебность к людям. Имеются целые философские школы, настолько преисполненные враждебности и мизантропии, что их взгляды следует считать практически эквивалентными более грубым, прямым актам жестокости и зверства. Иногда, исследуя малоизвестные подробности биографий знаменитых людей, мы обнаруживаем в них ненависть. Раздумывать о неопровергимой истинности этого утверждения мало, необходимо помнить, что ненависть и жестокость могут порой существовать в душе художника, который, если хочет, чтобы его искусство стало значительным явлением, должен находиться в гуще человечества.

Повсюду можно обнаружить множество проявлений ненависти.

Анализ их всех занял бы слишком много времени. Например, некоторыми ремеслами и профессиями невозможно заниматься без несколько мизантропической социальной установки. Это, разумеется, не означает, что ненависть является предварительным условием занятия подобными профессиями. Наоборот, в тот момент, когда враждебно настроенный к человечеству индивидуум решает избрать, например, карьеру военного, вся его склонность к вражде приобретает такое направление, что она укладывается, по крайней мере внешне, в социальные рамки. Это происходит потому, что ему приходится приспосабливаться к своей организации и сотрудничать с теми, кто выбрал ту же профессию.

Областью, в которой враждебные чувства особенно искусно замаскированы, следует считать «преступную халатность». Преступная халатность по отношению к людям или имуществу характеризуется тем, что допускающий ее индивидуум пренебрегает внимательностью, которой от него требует социальное чувство. О юридических аспектах этой проблемы велись бесконечные дискуссии, однако удовлетворительно прояснить их так и не удалось. Самоочевидно, что деяние, которое можно назвать «преступной халатностью», нельзя однозначно считать преступлением. Если мы поставили горшок с цветами настолько близко к краю подоконника, что от малейшего сотрясения он может упасть на голову какому-нибудь прохожему, это явно не то же самое, что взять этот цветочный горшок и действительно бросить его в кого-нибудь. Однако преступная халатность некоторых индивидуумов имеет явное сходство с преступлением, и это еще один ключ к пониманию людей.

По закону тот факт, что преступная халатность допущена без умысла, считается смягчающим обстоятельством. Но не подлежит сомнению, что неумышленное враждебное действие имеет в своей основе ту же степень враждебности, что и умышленное. Наблюдая за игрой детей, мы всегда можем заметить, что некоторые дети обращают мало внимания на благополучие других. Мы можем быть уверены в том, что они относятся к себе подобным недружелюбно. Нам следует дождаться дальнейших подтверждающих это предположение фактов, однако если мы замечаем, что всякий раз, когда данный ребенок играет с другими детьми, что-нибудь обязательно не идет на лад, мы будем вынуждены признать, что этот ребенок не принимает близко к сердцу благополучие своих товарищей по игре.

Халатность широко распространена в семьях, в школе и вообще в жизни. Мы можем обнаружить ее в большинстве наших учреждений. Время от времени газеты сообщают нам об очередном примере преступной

халатности. Разумеется, допустивший ее человек не остается безнаказанным; поведение невнимательного человека, как правило, влечет для него неприятные последствия. Порой эта кара настигает лишь много лет спустя: «Бог долго терпит, да крепко бьет». Иногда временной промежуток между проступком и наказанием настолько велик, что причинная связь между ними не улавливается. Отсюда жалобы на незаслуженные несчастья! На самом деле, возможно, виной здесь не злой рок, а то, что другие люди, будучи не в силах более выносить его невнимательность, махнули на него рукой и стали его избегать.

Несмотря на все внешние оправдания случаев преступной халатности, при ближайшем рассмотрении выясняется, что они по сути являются выражением неприязни к людям. Например, автомобилист, который превысил разрешенную скорость и сбил пешехода, может оправдываться тем, что спешил на важное свидание. Мы видим в нем человека, который ценит свои мелкие личные делишки настолько выше жизни других, что сбрасывает со счетов опасность, которой он их подвергает. Противоречие между собственными интересами личности и благополучием общества дает возможность проверить степень ее враждебности к роду человеческому.

12

НЕАГРЕССИВНЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА

Те черты характера, которые не выражают открытой враждебности к людям, однако производят впечатление угрюмой самоизоляции, могут быть отнесены к разряду неагрессивных черт человеческого характера. Здесь нам может показаться, что направление враждебности изменено; создается впечатление психического отклонения. Перед нами индивидуум, который никому не причиняет вреда, а просто удаляется от общества, избегает любых контактов, и ему, по причине его самоизоляции, не удается сотрудничать с себе подобными. Однако большую часть жизненных задач можно выполнить, лишь работая вместе. Индивидуума, замкнувшегося в себе, можно заподозрить в такой же враждебности к обществу, как и индивидуума, который прямо объявляет этому обществу войну. Здесь перед нами открывается громадное поле для исследований; мы подробнее остановимся на нескольких наиболее специфических чертах характера подобной личности. Первая черта, которую нам предстоит рассмотреть, — это робость и замкнутость.

ЗАМКНУТОСТЬ

Формы, в которых проявляются замкнутость и самоизоляция, разнообразны. Люди, замкнувшиеся в себе, мало говорят или вообще хранят молчание, стараются не смотреть другим людям в глаза, а когда к ним обращаются, не проявляют должного внимания. Даже в самых простых социальных взаимоотношениях они выказывают некоторую холодность, которая отчуждает их от других людей, — холодность в поступках и манере держаться, пожимать руки, в тоне их голоса, в том, как они приветствуют или отказываются приветствовать других. Каждым своим жестом они, кажется, отдаляют себя от остального мира. Под всеми этими механизмами самоизоляции нетрудно обнаружить фундамент из честолюбия и тщеславия. Такие люди пытаются возвысить себя над другими, акцентируя различия между собой и остальным обществом; но самое большее, что им удается получить, — это воображаемая слава. В безвредной, на первый взгляд, социальной установке этих социальных изгнанников заключена агрессивная враждебность.

Самоизоляция также может быть чертой характера больших групп. Всем известны целые семьи, жизнь которых герметически закрыта от любого постороннего взгляда. Их враждебность к другим, их самоуверенность и вера в то, что они лучше и благороднее всех на свете, очевидны. Самоизоляция может быть характерна для классов, религий, рас или наций, и порой бывает очень полезно пройтись по незнакомому городу и посмотреть, как стремление целых социальных слоев отгородиться от других накладывает свой отпечаток на саму структуру домов и улиц.

Тенденция, которая позволяет людям изолироваться в нациях, верованиях и классах, глубоко укоренена в нашей культуре. Единственным следствием этих устаревших и утративших силу традиций является конфликт. Кроме того, подобная тенденция дает некоторым индивидуумам возможность натравливать одну группу людей на другую, чтобы потешить свое тщеславие. Подобный класс или индивидуум считает себя особо выдающимся, очень высоко себя ценит и занят исключительно обличением пороков других людей.

Главная цель тех, кто изо всех сил старается акцентировать различия между классами и нациями, — удовлетворить свое личное тщеславие. Если их деятельность влечет за собой катастрофические последствия — например, мировые войны и все, что им сопутствует, — такие люди ни за что не признают в этом своей вины. Снедаемые неуверенностью в себе, эти смутьяны пытаются за счет других обрести чувство собственного превосходства и независимости. Печальная судьба, которая их ждет, — это изоляция в своем крохотном мирке; само собой разумеется, что они неспособны развиваться и вносить свой вклад в культуру нашей цивилизации.

БЕСПОКОЙСТВО

Мизантропы зачастую жалуются на беспокойство. Беспокойство — чрезвычайно распространенная черта характера; она сопровождает индивидуума с самого раннего до старости. Она в значительной степени портит ему жизнь, не позволяет вступать в контакты с другими людьми и разбивает его надежду прожить свою жизнь в мире и подарить миру плоды своего труда. Страх может затрагивать любую сферу человеческой деятельности. Мы можем бояться мира вне нас или нашего внутреннего мира.

Кто-то избегает общества, потому что он его боится. Другой может

бояться одиночества. Среди беспокойных людей мы также находим немало таких, кто ставит себя выше себе подобных. Стоит кому-то решить, что трудностей жизни надо избегать, как он становится подвержен беспокойству, а оно, став его извечным спутником, подкрепит эту точку зрения. Есть люди, которые всегда реагируют на что-то новое с беспокойством, независимо от того, предстоит им переехать на новую квартиру, расстаться с товарищем, поступить на работу или влюбиться. Они настолько оторваны от жизни и себе подобных, что каждое изменение их положения сопровождается страхом.

Эта черта характера в значительной степени замедляет развитие их личности и способности вносить свой вклад в наше общее благополучие. Беспокойство не обязательно означает дрожь в коленках и желание убежать. Оно может проявляться в нерешительности при решении проблем, колебаниях при выходе из сложных жизненных ситуаций или поисках способа уйти от них. Чаще всего пугливый индивидуум не замечает, что его склонность беспокоиться по любому поводу выходит на поверхность всякий раз, когда ситуация принимает новый оборот.

Встречи с людьми, которые постоянно думают о прошлом или о смерти, очень поучительны. Зацикленность на прошлом — благовидный, а потому очень популярный предлог связать себя по рукам и ногам. Страх смерти или болезни типичен для тех людей, которые ищут повода, чтобы снять с себя все свои обязанности и ни за что не отвечать. Они громко заявляют, что все на свете — суeta сует, что жизнь прискорбно коротка и никто не знает, что с ним случится завтра. Как мы уже видели, подобные индивидуумы избегают любых экзаменов, так как гордость не позволяет им подвергнуть себя испытанию, при котором выяснится, чего они стоят на самом деле.

Примерно таким же эффектом обладает самоутешение грезами о рае и о потустороннем мире. Для индивидуумов, чья реальная цель находится в потустороннем мире, жизнь на земле становится бесполезным копошением, малозначительной фазой развития. Общаешься с людьми «не от мира сего», мы неизменно обнаруживаем, что все они молятся одному и тому же богу, стремятся к одной и той же цели — превосходству над другими, а неприспособленными к жизни их делает одна и та же заносчивость и честолюбие.

Первая и наиболее примитивная форма беспокойства встречается у детей, которые приходят в ужас, когда остаются одни. Если, однако, кто-нибудь к ним приходит, это их не удовлетворяет; главное для них — показать свою власть. Если мать оставит такого ребенка одного, он с явным

беспокойством зовет ее к себе. Этим жестом он проверяет, не изменилось ли что-нибудь вокруг. Неважно, находится мать рядом или нет. Ребенку гораздо важнее заставить ее служить себе. Это признак того, что ребенку не позволили развить привычки к самостоятельности, зато неправильным воспитанием в раннем детстве у него развили привычку требовать у других людей служить себе.

Способы выражения беспокойства у детей известны всем. Особенно сильно они проявляются в темноте, которая отрезает ребенка от окружающего мира. Его крик страха позволяет ему снова установить с этим миром связь. Он больше не одинок и не забыт. Если кто-то спешит к нему, он счастлив, потому что ему удалось продемонстрировать свою власть. Он хочет, чтобы включили свет. Он хочет, чтобы кто-нибудь посидел с ним, поиграл и так далее. Пока ему подчиняются, его беспокойство не проявляется, но стоит его чувству собственного превосходства оказаться под угрозой, как он снова начинает беспокоиться и пользуется своим беспокойством, чтобы усилить свое положение властителя.

Подобные же явления встречаются и в жизни взрослых. Некоторые индивидуумы не любят выходить из дома в одиночку. На улице мы можем их узнать по беспокойным жестам и тревожным взглядам, которые они бросают по сторонам. Некоторых таких людей невозможно сдвинуть с места, другие бегут по улице так, будто за ними гонится злой враг. Вероятно, к вам на улице подходила женщина такого типа с просьбой перевести ее через дорогу. Такие

Женщины — вовсе не инвалиды! Они ходят без всякого труда и, как правило, вполне здоровы, однако встреча даже с незначительным затруднением наполняет их беспокойством и страхом. Порой эти беспокойство и страх нападают на них, стоит им выйти за порог своего дома.

Агрофобия, или боязнь открытых пространств, — интересное явление. Тем, кто страдает агрофобией, никак не удается отделаться от чувства, что их преследует какая-то злобная сила. Они верят, будто есть нечто, отличающее их от других людей. Симптомом такой социальной установки является страх падения (который просто служит показателем их завышенного мнения о самих себе). В патологических формах страха можно проследить все те же цели — власть и превосходство над другими.

Для многих людей беспокойство является очевидным способом заставить кого-либо быть рядом с собой и заботиться о себе. В таких условиях никто не может выйти из комнаты из опасения, как бы наш страдальц снова не стал беспокоиться! Все должны сбежаться к нему.

Таким образом, беспокойство одного человека передается окружающим. Все обязаны являться к этому страдальцу на поклон, между тем как он не обязан приходить ни к кому и таким образом становится королем или королевой всех окружающих. Единственный способ победить страх перед другими людьми — это укрепление связей между индивидуумом и всем человечеством. Лишь тогда, когда мы осознаем свою принадлежность к единой человеческой семье, мы сможем идти по жизни без тревог.

Позволю себе добавить к этому интересный пример из дней революции 1918 года в Австрии. В это время большое число пациентов внезапно заявили, что не смогут приходить на консультации. Когда их спросили, почему, они ответили нечто вроде: «Сейчас такое неспокойное время; не знаешь, с кем встретишься на улице. Если ты одет лучше, чем другие, неизвестно, чем это может кончиться».

Время тогда было, безусловно, тревожным, однако стоит заметить, что подобные выводы для себя сделали лишь некоторые индивидуумы. Почему так решили только они? Это не могло произойти по простой случайности. Их страх возник оттого, что они никогда не общались с людьми. Поэтому в необычных политических условиях они чувствовали себя неуверенно, хотя другие, которые считали, что принадлежат к обществу, не ощущали никакого беспокойства и продолжали заниматься своими делами как обычно.

РОБОСТЬ

Робость — более мягкая, но также достойная внимания форма беспокойства; все, что мы сказали выше о беспокойстве, относится и к робости. В какие бы условия вы не поместили робких детей, их робость всегда будет заставлять их избегать контактов с другими или рвать их, если они возникли. Чувство собственной неполноты и своего отличия от других мешает таким детям испытывать какую-либо радость от новых знакомств.

Робость характерна для тех, кто считает любую возникшую перед ними задачу необычайно трудной; для людей, которые не уверены в своей способности достичь чего-либо в жизни. Как правило, внешне такая черта характера проявляется в медлительности движений и нежелании вплотную заняться какими-либо тестами или задачами или даже вообще начать над ними работать. Люди, вспоминающие о срочных делах в других местах всякий раз, когда от них требуется заняться какой-нибудь конкретной

задачей, принадлежат именно к этой группе. Такие индивидуумы внезапно обнаруживают, что они совершенно непригодны к избранной ими профессии или выдумывают всевозможные смешные причины, из-за которых им невозможно работать в этой сфере. Помимо медлительности движений, робость также выражается в чрезмерной озабоченности собственной безопасностью и тщательных приготовлениях, цель которых одна — снять с себя всякую ответственность за что-либо.

В психологии личности комплекс вопросов, окружающих это чрезвычайно распространенное явление, называется «проблемой дистанции». Эта наука создала критерий, с помощью которого можно оценивать человека и судить о том, насколько далеко он продвинулся в решении трех великих проблем жизни. Первая из этих проблем, или «жизненных задач», — это вопрос социальной ответственности, взаимоотношений между «я» и «вы», вопрос о том, помогал или мешал данный индивидуум устанавливать контакты между собой и ему подобными. Вторая проблема — проблема профессии или рода деятельности, а третья — это проблема любви и брака. Исследуя, насколько продвинулась та или иная личность в решении этих задач, мы можем сделать далеко идущие выводы относительно ее характера. В то же время мы можем использовать собранный таким образом материал для того, чтобы лучше постичь природу человека.

Описанные выше виды робости могут быть вызваны желанием индивидуума удалиться от решения задач, которые ставит перед ним жизнь. Однако в нарисованной нами картине, исполненной мрачного пессимизма, есть и светлая сторона. Нам следует признать, что наш пациент избрал свою жизненную позицию исключительно потому, что его прельстили соблазны, заключенные в этой светлой стороне. Суть этих соблазнов в том, что, если пациент начнет решать проблему, будучи для этого плохо подготовлен, он всегда сумеет отыскать смягчающие обстоятельства, и если его постигнет неудача, его тщеславие и самооценка не пострадают. Его положение становится более надежным; он похож на канатоходца, знающего, что внизу страховочная сетка, которая не даст ему разбиться.

Соответственно, если ему не удастся выполнить задачу из-за плохой подготовленности к ее решению, его самооценка не пострадает, потому что, объясняя свою неудачу, он может сослаться на целый арсенал объективных причин. Если бы он не начал так поздно или если бы он был лучше подготовлен, успех был бы обеспечен наверняка. Таким образом, виноваты оказываются не его личные недостатки, а какие-то малозначительные обстоятельства, за которые он, естественно, не может нести

ответственности.

Однако если ему что-то удается, это вдвое блестящий успех. Если кто-то добросовестно выполняет свои обязанности, никого не удивляет, что ему удается достигнуть намеченной цели; его успех кажется предопределенным заранее. Если же он начинает с опозданием или без должной подготовки, работает спустя рукава и тем не менее ему удается решить свою задачу, то он предстает совершенно в ином свете. Он оказывается героем, который совершил одной рукой то, что другие могут сделать лишь двумя!

СИНДРОМ ОБХОДНОГО МАНЕВРА

Приведенные выше примеры иллюстрируют преимущества движения в обход при решении психологических проблем. Однако синдром обхода является признаком не только честолюбия, но и тщеславия и указывает на то, что данному индивидууму нравится играть героические роли — героические хотя бы для него самого. Вся его деятельность направлена на самопропаганду с тем, чтобы он мог выглядеть особенно важным или могущественным.

Теперь рассмотрим других индивидуумов, которые желают избежать необходимости решать перечисленные нами три проблемы, или задачи, и дают этому всевозможные объяснения с тем результатом, что они либо вовсе не берутся за решение этих проблем, либо берутся, но очень нерешительно. Пытаясь их обойти, они погружаются во всяческие жизненные экстравагантности — например, лень, частая смена профессии, мелкие преступления и тому подобное. Некоторые люди выражают свою жизненную философию манерой держаться: у них бывает расхлябанная, шатающаяся походка. Это, безусловно, не случайность. С некоторыми оговорками мы можем причислить их к разряду индивидуумов, которые пытаются избежать проблем, обходя их стороной.

Это можно ясно увидеть на примере, взятом из реальной жизни. Речь идет о человеке, чья разочарованность в жизни ясно проявлялась в скуке и мыслях о самоубийстве. Ничто не доставляло ему удовольствия, и вся его социальная установка выставляла напоказ его пресыщенность жизнью. Во время консультации выяснилось, что он был старшим из трех сыновей чрезвычайно честолюбивого отца, для которого в течение всей жизни была характерна неослабевающая энергичность и который сумел достигнуть значительных успехов. Пациент был его любимым сыном, и ожидалось, что

он пойдет по стопам отца. Мать этого мальчика умерла, когда он был очень мал, но, вероятно благодаря особому покровительству отца, он отлично ладил с мачехой.

Будучи первенцем, он безоглядно поклонялся силе и власти. Все, что бы он ни делал, носило отпечаток его властолюбивой натуры. Он окончил среднюю школу первым в классе, затем стал управлять отцовским делом и вел себя как щедрый благодетель. Для каждого у него находилось доброе слово. Он хорошо обращался со своими рабочими, платил им самую высокую зарплату и всегда был готов исполнить их просьбы, если они не выходили за пределы разумного.

Перемена в нем произошла после австрийской революции 1918 года. Он стал горько жаловаться на недисциплинированное поведение своих рабочих и служащих. То, что они в прежние времена просили и получали, теперь требовали как свое законное право. Это его так ожесточило, что у него появилась навязчивая идея уйти из бизнеса.

Итак, мы видим, как пациент предпринимает на фронте властолюбия решительный обходный маневр. Раньше он был добрым хозяином, но стоило его взаимоотношениям с подчиненными нарушиться, и он оказался не в силах продолжать игру. Его жизненная философия подрывала не только налаженную работу его фабрики, но и налаженный ход его жизни. Если бы он не был так одержим амбициями «показать, кто в доме хозяин», обходный маневр мог бы принести успех. Однако для него единственной значимой ценностью был режим его личной власти над людьми. Логическое развитие социальных и деловых отношений сделало такую личную власть практически невозможной. В результате он перестал получать от работы и самой жизни всякое удовольствие. Его решение уйти на покой было и жалобой на слишком много о себе возомнивших служащих, и атакой на них.

Однако дальше тщеславие пациента было ему плохим помощником. Ситуация вышла из-под контроля, и он остался сидеть среди обломков взрыва. Из-за своего одностороннего развития он потерял способность менять решения и вырабатывать новый план действий; он оказался неспособным к дальнейшему развитию, поскольку его единственной целью была власть и превосходство над другими. Чтобы достичь этой цели, он позволил своему тщеславию стать в своем характере преобладающей чертой.

Если мы исследуем межчеловеческие взаимоотношения в его жизни, мы обнаружим, что его социальные способности были совершенно не развиты. Как и следовало ожидать, он собрал вокруг себя только тех, кто

признавал его превосходство и повиновался его воле. В то же время пациент был настроен резко критически и, будучи умным человеком, порой отпускал очень точные и оскорбительные замечания о других. Вскоре его саркастические манеры отпугнули от него людей, и он остался без единого настоящего друга. Он вознаградил себя за этот недостаток контактов с себе подобными, окружив себя всевозможными удовольствиями.

Однако самый страшный удар подстерегал его в вопросе любви и брака. Здесь его постигла судьба, которую довольно легко предугадать. Любовь требует товарищеских отношений и доверия, а на властолюбии в ней далеко не уедешь. Поскольку он всегда хотел командовать, ему бы следовало выбрать супругу в соответствии со своим характером. Однако властолюбивый человек никогда не выберет в супруги слабого индивидуума, над которым легко можно доминировать, а будет искать такого, которого необходимо покорять снова и снова, чтобы каждое такое покорение казалось новой победой. Таким образом, индивидуумов со сходным характером тянет друг к другу, а их брак превращается в непрерывную серию битв. Этот человек выбрал женщину, которая во многих отношениях была даже более властолюбива, чем он. Верные своим принципам, они оба боролись за достижение и сохранение господства друг над другом, не стесняясь в выборе средств. Это все более и более отчуждало их друг от друга. Поскольку каждый надеялся одержать окончательную победу над другим, они не помышляли о разводе и отказывались оставить друг другу поле битвы.

Ярким показателем душевного состояния нашего пациента был сон, который он видел в это время. Ему снилось, что он говорил с молодой женщиной, одетой как служанка и похожей внешне на бухгалтера в его конторе. Во сне он обращался к ней со словами: «Но я же все-таки дворянин!»

Нетрудно понять, какие мыслительные процессы вызвали к жизни это сновидение. Прежде всего из него видно, что наш пациент смотрит на других людей сверху вниз. Все вокруг кажутся ему слугами, существами низшего порядка, особенно если это женщины. В этой связи мы должны помнить, что он находится в состоянии войны со своей женой, так что нам следует предположить, что героиня сна символизирует его супругу.

Никто не в силах как следует понять нашего пациента, а себя он понимает еще меньше, потому что постоянно ходит задрав нос и тщетно стремится к недостижимой цели. Его оторванность от реальной жизни подкрепляется его заносчивостью, с которой он требует признания своего дворянства, не имея на то ни малейших оснований. В то же время он не в

силах признать других людей равнозначными себе. В такой жизненной философии нет места ни дружбе, ни любви.

Аргументы, с помощью которых оправдываются такие психологические обходные маневры, обычно имеют характерные черты. По большей части эти доводы вполне разумны и понятны, однако в реальности они относятся не к нынешней ситуации, а к другим. Например, наш пациент решает, что ему нужно больше бывать в обществе. В связи с этим он вступает в клуб, где впустую тратит время на пьянство, карты и тому подобную бесполезную деятельность. Он считает, что это единственный способ приобрести друзей. Он начинает поздно возвращаться домой, на следующее утро встает сонным и усталым и заявляет, что, если ему необходимо бывать в обществе, не следует ожидать, что у него останется энергия для других дел. Подобное обоснование могло бы быть приемлемым, если бы пациент в то же время обращал больше внимания на свою работу. Однако вместо этого его светская жизнь позволяет ему отлынивать от дел — чего и следовало ожидать. Он явно не прав, хотя и пользуется верными доводами!

Этот случай ясно доказывает, что не объективный опыт уводит нас с прямого пути развития, а наше личное отношение к этому опыту и наша оценка событий. Здесь мы встречаемся с широким диапазоном человеческих заблуждений. Описанный выше случай, как и другие ему подобные, показывает нам цепочку заблуждений и вероятность дальнейшего совершения ошибок. Мы должны попытаться исследовать их во взаимосвязи со всей поведенческой установкой индивидуума, понять его заблуждения и необходимым советом помочь ему их преодолеть. Этот процесс очень похож на процесс обучения, который также представляет собой преодоление ошибок.

Развитие в неверном направлении, причиной которого являются ошибки восприятия, может привести к трагедии. Мы должны восхищаться мудростью древних греков, которые либо признавали этот факт, либо чувствовали его реальность, когда они говорили о Немезиде, богине возмездия. Несчастья, постигающие индивидуума, являются результатом стремления к личной власти, а не к общему благу. Культ личной власти заставляет индивидуума идти к цели обходным путем, не принимая во внимание интересы себе подобных и ценой постоянного страха поражения. В этот момент развития личности мы, как правило, обнаруживаем нервные симптомы, причиной возникновения которых была необходимость уйти от выполнения той или иной задачи. Эти симптомы как бы говорят индивидууму, что каждый его шаг вперед сопряжен с чрезвычайными

опасностями.

В обществе нет места дезертирам. Для того чтобы принимать участие в жизненной игре, необходимо до некоторой степени обладать приспособляемостью и способностью взаимодействовать с другими. Нам требуется быть готовыми прийти на помощь, а не брать на себя распорядительские функции лишь для того, чтобы покомандовать. Все мы знаем индивидуумов, которые не удаляются от общества, хорошо себя ведут и не мешают другим, однако не способны завязывать тесные дружеские отношения, поскольку властолюбие им этого не позволяет. Неудивительно, что и у других к ним не лежит сердце. Подобные люди не общительны. Они предпочитают диалог открытой дискуссии, а свой характер проявляют в малозначительных вещах. Например, они из кожи вон лезут, чтобы доказать свою правоту, даже если другим до этой правоты нет никакого дела. Сам по себе предмет спора может быть для них не так уж важен, но главное — доказать, что они правы, а другие — нет. В момент начала обходного маневра у них появляются загадочные симптомы: необъяснимая усталость, бесцельная торопливость, бессонница, неспособность сосредоточиться — жалобы могут быть самыми разнообразными. Короче говоря, мы не слышим от них ничего, кроме жалоб, которым они не могут дать должного обоснования. Они выглядят больными, они «нервничают».

На самом деле все это — не более чем способы отвлечь внимание от тех симптомов, которые показывают, чего эти люди боятся на самом деле. Подобное оружие выбрано ими не случайно. Представьте себе непреклонность и упрямство человека, боящегося такого явления природы, как ночь! Мы можем точно сказать, что ему никогда не удастся примириться с жизнью на нашей планете. Его Эго удовлетворит только уничтожение ночи! Он требует этого в качестве предварительного условия того, что он приспособится к нормальной жизни. Однако, ставя это невыполнимое условие, он и выдает себя. Он говорит «нет» жизни.

Все подобные нервные явления возникают в тот момент, когда нервный индивидуум пугается проблем, которые ему предстоит решить, проблем, которые представляют собой не более чем самые обычные жизненные обязанности. Когда подобные проблемы появляются на горизонте, он ищет повода для того, чтобы замедлить свое приближение к ним или найти для себя смягчающие обстоятельства. Он может даже искать повода вовсе избежать необходимости решать эти проблемы. Таким образом он одновременно избавляется от надобности выполнять обязанности, необходимые для жизни в человеческом обществе, и наносит

ущерб не только своему ближайшему окружению, но, если смотреть на вещи шире, всем людям. Если бы мы лучше понимали природу человека и помнили о неизбежности, с которой рано или поздно наступают трагические последствия, мы, возможно, давно бы перестали считать такие симптомы извинительными.

Пытаться изменить логичные и незыблевые законы человеческого общества бессмысленно. Из-за большого разрыва во времени и могущих возникнуть бесчисленных осложнений мы редкоываем способны установить связь между ошибками и их последствиями и сделать выводы, которые все расставят по местам. Лишь тогда, когда мы сумели выявить поведенческую установку всей жизни человека и вдумчиво исследовать его биографию, нам удастся, да и то с большим трудом, осмыслить эти связи и обнаружить, где была сделана первая ошибка.

НЕВОСПИТАННОСТЬ

Встречаются люди, проявляющие черту характера, которую можно назвать склонностью к грубому или некультурному поведению. К этой категории принадлежат те, кто имеет привычку грызть ногти, ковырять в носу или отрыгивать пищу. Смысл этих привычек становится очевидным, стоит нам понаблюдать за жадным человеком. Он очень прожорлив, а как шумно он ест! Во время еды он откусывает огромные куски. В каких непомерных количествах поглощает он пищу, причем как быстро и как часто! Все мы встречались с людьми, которые счастливы только тогда, когда они едят.

Другим проявлением такого отсутствия манер является неопрятность и неряшлисть. Мы здесь имеем в виду не отсутствие педантизма у чрезвычайно занятых людей или естественный беспорядок, который мы порой видим на рабочем месте. Люди того разряда, о котором мы говорим, как правило, почти не занимаются полезным трудом и всегда окружены беспорядком и мусором. Есть индивидуумы, которые, кажется, наслаждаются грязью и развалом, и нам трудно их себе представить без этой отличительной черты.

Это лишь некоторые черты характера невоспитанного человека. Они ясно демонстрируют нам, что он не согласен играть по правилам и предпочел бы удалиться от других людей. Глядя на людей, совершающих перечисленные и другие подобные неприглядные поступки, мы поневоле приходим к заключению, что им мало дела до себе подобных. Чаще всего

некультурное поведение начинается в детстве, так как вряд ли можно найти детей, которые развиваются по прямой. Некоторые взрослые просто так и не сумели преодолеть свои детские привычки.

В основе этих проявлений невоспитанности лежит более или менее выраженное нежелание общаться с себе подобными. Любой невоспитанный индивидуум желает отойти от жизни и не склонен сотрудничать с другими. Легко понять, почему эти люди не прислушиваются к увещеваниям стать воспитаннее: когда человек не желает играть в жизни по правилам, подобное поведение для него, в сущности, вполне логично. Едва ли ему удалось бы найти лучший способ отпугнуть от себя других людей, чем грызть на виду у всех ногти или разгуливать в юбке, украшенной пятнами соуса. Какой еще образ поведения мог бы столь эффективно воспрепятствовать ему занять положение, в котором придется состязаться с другими, где он будет открыт для критики и обсуждения? Есть ли более эффективный способ избежать любви и брака, нежели предстать перед людьми в неприглядном виде? Проигрыш такого человека в состязании предопределен, и в то же время он может свалить вину за это на свою невоспитанность. «Чего бы я только не сумел сделать, если бы не эта дурная привычка!» — восклицает он, и в то же время с облегчением шепчет в сторону: «Но к несчастью, она у меня есть!»

Рассмотрим случай, в котором дурная привычка стала орудием самозащиты и использовалась с целью доминирования над другими людьми. Речь идет о двадцатидвухлетней девушке, страдавшей ночным недержанием мочи. Она родилась в семье предпоследней и, будучи ребенком слабым и болезненным, была предметом постоянной опеки своей матери, от которой стала в чрезвычайной степени зависеть. Ей удалось приковать мать к себе и днем, и ночью — днем из-за приступов тревоги, а ночью по причине недержания мочи. Вначале это казалось ей триумфом, было бальзамом для ее самолюбия. Благодаря своему дурному поведению ей удалось монополизировать мать за счет братьев и сестер.

Еще одна особенность этой девушки заключалась в том, что ее нельзя было уговорить с кем-либо подружиться или ходить в школу. Особенно встревожена она бывала, когда ей приходилось выходить из дома. Даже когда она подросла и ей пришлось по вечерам исполнять поручения родителей, идти одной в темноте было для нее сущей мукой. Она приходила домой совершенно изнуренной и охваченной страхом и рассказывала множество историй о том, каким опасностям она подвергалась. Как мы теперь видим, все эти склонности обозначали только

одно: эта молодая женщина хотела все время быть рядом с матерью. Но, поскольку финансовые обстоятельства этого не позволяли, ей пришлось искать работу. В конце концов ее удалось уговорить поступить на службу, однако всего лишь через два дня она снова начала мочиться в постель, и ей пришлось уволиться. Мать, которая не понимала истинного смысла ее болезни, обрушилась на нее с упреками. В ответ на это дочь совершила попытку самоубийства и попала в больницу, после чего мать поклялась никогда больше ее не оставлять.

Все эти средства — недержание мочи, страх темноты, боязнь остаться одной и попытка самоубийства — были направлены к достижению одной цели. Как мы понимаем, они означают: «Я должна оставаться рядом с матерью» или «Мать должна постоянно обо мне заботиться!». Таким образом, такая неприемлемая в обществе форма поведения, как ночное недержание мочи, наполняется ценным смыслом. Мы уже понимаем, что по этим дурным привычкам можно проанализировать всего человека. В то же время мы видим, что подобные отклонения в поведении могут быть устранины только в том случае, если мы вполне понимаем место пациента в его социальном контексте.

Одним словом, мы, как правило, обнаруживаем, что детские дурные привычки направлены на привлечение внимания взрослых. К ним прибегают дети, которые хотят либо играть во взрослом мире значительную роль, либо показать взрослым, насколько они слабы и беспомощны. Порой в самых благонравных детей будто бес вселяется, как только порог дома переступает гость. Ребенок хочет играть роль и не оставляет своих попыток до тех пор, пока не достигнет своей цели и не будет удовлетворен. Когда такие дети вырастают, они пытаются с помощью аналогичного поведения уйти от необходимости выполнять требования общества или нанести ущерб общему благу, расколов социальную группу. Под всеми подобными проявлениями скрываются властолюбие и самовлюбленность. Только то, что они искусно маскируются и их формы разнообразны, не дает нам распознать истинную причину их появления и цель, которой они служат.

13

ДРУГИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ХАРАКТЕРА

НАСТРОЕНИЕ И ТЕМПЕРАМЕНТ

Психологи ошибаются, когда считают, что зависимость отношения к жизни и ее проблемам от настроения или темперамента, встречающаяся у некоторых людей, наследственна. Склонность к перепадам настроения и темпераментный характер не передаются по наследству. Такие черты присущи чрезмерно честолюбивым, а потому гиперчувствительным натурам, которые, будучи не удовлетворены жизнью, различным образом уходят от нее. Их гиперчувствительность подобна вытянутому вперед щупальцу, которым они прощупывают новую ситуацию всякий раз перед тем, как вплотную подойти к ней.

Правда, может показаться, что есть люди, которые всегда пребывают в очень радостном расположении духа. Они делают все от них зависящее, чтобы прожить свою жизнь в атмосфере счастья и видеть в жизни прежде всего светлую сторону. Бодрость и веселость, как и все остальное, имеет различную степень выраженности. Бывают люди, которые всегда веселы и бодры. В их детском энтузиазме есть что-то необычайно трогательное. Они не уклоняются от решения жизненных задач, а решают их, причем помолодому, с легким сердцем. Они подходят к проблемам так, как если бы это были игры или головоломки. Пожалуй, трудно найти человеческий тип, чье восприятие жизни было бы более трогательным и обаятельным.

Но у некоторых эта бодрость и веселость заходит слишком далеко, и они в той же инфантильной манере воспринимают даже серьезные ситуации. Иногда в нашей серьезной жизни такой подход настолько неуместен, что он нас поневоле тревожит. Когда мы наблюдаем за их работой, у нас создается впечатление, что на самом деле они довольно безответственны и не воспринимают трудные ситуации с должной серьезностью. Из-за этого им стараются не поручать действительно сложных дел, от которых, впрочем, они и сами обычно стараются уклониться.

Однако мы не можем расстаться с этим гипероптимистическим типом, не отдав ему должное. С такими людьми всегда приятно работать, и они приятно контрастируют с теми, кто всегда ходит с мрачным видом.

Веселых людей привлечь на свою сторону гораздо легче, нежели мрачных и вечно недовольных пессимистов, видящих в каждой ситуации, в которую попадают, лишь темную сторону. Мы уже обращали внимание на тот факт, что оценить степень выраженности социального чувства человека легче всего, узнав, до какой степени он готов служить, помогать и доставлять удовольствие другим. Талант доставлять удовольствие другим делает человека интересным для нас. Довольные жизнью люди легче вступают с нами в контакт, и мы воспринимаем их с большей симпатией.

По всей видимости, мы инстинктивно чувствуем, что веселый темперамент, если эта веселость не чрезмерна, является показателем высокоразвитого социального чувства. Есть люди, которые могут оставаться оптимистами, которые не ходят с боязливым и удрученным видом и не стремятся переложить груз своих тревог на первого встречного. Находясь в компании, они вполне способны передать другим свою веселость и сделать жизнь красивее и осмысленнее. То, что они — хорошие люди, можно видеть не только по их поступкам, но и по их манере держаться, их речи, их заботе о наших интересах, а также по их наружности в целом, их манере одеваться, их жестам, их веселому нраву и непринужденному смеху.

Такой чуткий психолог, как Достоевский, сказал: «Мы можем гораздо лучше судить о характере человека по его смеху, чем по всяkim скучным психологическим исследованиям». Смех может создавать связи между людьми и разрушать их. Все мы слышали агрессивный смешок тех, кто смеется над чужим несчастьем. Некоторые люди совершенно не способны смеяться, ибо они настолько далеки от естественных связей, соединяющих все человеческие существа, что лишились способности доставлять и получать удовольствие. Есть также небольшая группа людей, которые совершенно не способны доставить кому-либо радость, потому что единственный предмет их забот — омрачить любую встречу. Они идут по жизни так, будто им хочется потушить кругом всякий свет. Они либо не смеются вовсе, либо смеются, только когда их к этому вынуждают или когда они хотят принять добродушный вид.

Это проливает яркий свет на тайну чувств симпатии и антипатии. Противоположность симпатичным людям составляют вечные брюзги и нытики. Для них мир — юдоль печали и страданий. Некоторые индивидуумы идут по жизни, будто согнувшись под тяжким грузом. Любую небольшую трудность они раздувают до гигантских размеров, а будущее им видится всегда черным и гнетущим; если другие радуются, они никогда не упускают возможности, уподобившись Кассандре, изречь какое-

нибудь мрачное пророчество об ожидающей их в грядущем горестной судьбе. Когда кто-нибудь в их окружении счастлив, они теряют покой и пытаются открыть ему глаза на мрачные стороны его положения — не только словами, но и раздражающими поступками. Таким образом они не дают другим жить счастливо и наслаждаться своим единством с человечеством.

МАНЕРА ГОВОРИТЬ

Процесс мышления и манера выражаться некоторых людей могут произвести на нас поистине неизгладимое впечатление и позволить глубже проникнуть в их личность. Например, в каждой культуре имеются мысли и слова, которые в приличном обществе высказывать не принято. Их вульгарность и грубость оказывают влияние на всю речь человека и порой пугают самого говорящего. Подобный стиль речи указывает на недостаток у говорящего воображения и вкуса.

Другие люди мыслят и говорят так, будто их умственный горизонт очерчен афоризмами и пословицами. Вам заранее известно, что они скажут. Слушать их — все равно что читать дешевый роман, а их речь наполнена сленгом и жаргонными выражениями. Отвечая на любой вопрос расхожей фразой или жаргонным словечком, они выказывают недостаток способности к самоотождествлению с другими, а мыслят и действуют в соответствии со стереотипами комиксов и кинофильмов. Нет нужды объяснять: множество людей не способно мыслить по-другому, что свидетельствует о нарушениях их психического развития.

ШКОЛЯРСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Зачастую мы встречаем людей, ведущих себя так, будто их развитие остановилось еще в школьном возрасте и не пошло дальше «начальной» ступени. Дома, на работе и в обществе они ведут себя как школьники: с нетерпением выслушивают других и ждут возможности высказаться. Они всегда торопятся дать ответ на любой вопрос, поднятый на собрании, как будто им не терпится показать, что они выучили свой урок, и получить хорошую отметку.

Ключом к разгадке поведения таких людей является то, что они чувствуют себя уверенно лишь в ситуациях, имеющих четкую структуру.

Стоит им попасть в ситуацию, где школьарское поведение было бы неуместно, как они стушевываются и теряют уверенность в себе. Эта склонность проявляется на всех уровнях развития интеллекта. При наименее привлекательных ее формах индивидуум выглядит сухим, суровым и неприступным или старается играть роль всезнайки, который все понимает с полуслова или пытается все разложить по полочкам в соответствии с заранее установленными правилами и стереотипами.

ПЕДАНТИЗМ И ПРЕДРАССУДКИ

Интересной разновидностью людей с подобным догматическим мышлением являются те, кто пытается закаталогизировать любой поступок и любое событие согласно какому-то раз и навсегда установленному принципу. Они верят в этот принцип, и их невозможно разубедить; также они не будут ведать покоя, если обнаружат нечто, не поддающееся истолкованию согласно их правилам. Это сухие, как пустыня, педанты. Кажется, они настолько не уверены в себе, что пытаются уместить все живое многообразие жизни в крохотную клеточку правил и стереотипов, чтобы не быть этой жизнью сметенными. Они избегают ситуаций, для которых у них не припасено шаблона, и оскорбляются и раздражаются, если видят, что кто-либо играет в игру, правила которой им неизвестны. Нетрудно догадаться, что таким образом можно добиться немалой власти; достаточно вспомнить множество тех, кто отказывается выполнять требования общества «по идейным соображениям». Нам хорошо известно, что всеми этими необычайно идейными индивидуумами движет надутое чванство и непреодолимое желание доминировать над другими.

Даже если педанты являются хорошими работниками, их социальная установка самоочевидна. Они безынициативны, круг их интересов чрезвычайно ограничен, и им присуще множество бессмысленных причуд и капризов. Например, у некоторых может появиться привычка всегда ходить по наружной стороне лестницы или обходить трещины на тротуаре. Других ничто не может заставить свернуть со знакомого пути. Людям всех этих типов недостает понимания реальных жизненных вопросов. Воплощая в жизнь свои принципы, они тратят даром уйму времени сами и заставляют делать то же самое окружающих. Стоит им встретиться с незнакомой проблемой — и они терпят полный крах, поскольку не способны ее разрешить. Они полагают, что ни в чем нельзя обойтись без правил и магических формул, и испытывают священный ужас перед

любыми переменами.

Например, для них может оказаться трудно даже привыкнуть к весне, потому что они так долго приспосабливались к зиме! Пробуждение внешнего мира, наступающее вместе с потеплением, вызывает у них страх, что им придется больше контактировать с другими людьми; и в результате они чувствуют себя несчастными. Таковы индивидуумы, которые жалуются на то, что весной они чувствуют себя больными. Поскольку они могут приспособиться к новой ситуации лишь с огромным трудом, работа, выполняемая ими, как правило, не требует инициативы. Никакой наниматель не даст им другого места. Эти признаки не являются наследственными или неизменными: они возникли из-за неправильного отношения к жизни, которое так глубоко укоренилось в психике подобных людей, что стало доминирующей чертой их личности. В конечном счете подобные индивидуумы не могут самостоятельно избавиться от собственных предрассудков.

ПОКОРНОСТЬ

Люди, для которых характерны угодничество и покорность, также плохо приспособлены к работе, требующей инициативы. Они чувствуют себя комфортно, лишь выполняя чей-либо приказ. Угодливый индивидуум живет по правилам и законам, установленным другими, стремление занять подчиненное положение у человека подобного типа едва ли не переходит в манию. Такую социальную установку можно обнаружить в самых разнообразных жизненных ситуациях. Догадаться о ее наличии можно по осанке человека, обычно несколько сутулой и раболепной. Эти люди — вечные соглашатели. Мы видим, как в присутствии других они подаются вперед, внимательно слушают, что говорит каждый из присутствующих, — не столько для того, чтобы взвесить и проанализировать их высказывания, сколько для того, чтобы исполнить их приказания и разделить и подтвердить их чувства. Они считают для себя честью угодничать, и порой их покорность достигает невероятной степени. Это люди, которые получают подлинное удовольствие, подчиняясь другим. Мы далеки от того, чтобы утверждать, будто те, кто всегда стремится доминировать, — это идеальный человеческий тип, однако мы считаем необходимым показать негативные стороны жизни тех, кто считает покорность подлинным решением их проблем.

Но будет справедливым сказать, что есть много людей, которым

подчинение кажется законом жизни. Здесь мы имеем в виду не профессиональных слуг, а женский пол. То, что женщины должны быть покорными, — неписаный, но глубоко укоренившийся закон, которому немало людей следуют так, будто это непреложная догма. Такие предрассудки отравили и разрушили взаимоотношения множества людей, однако искоренить их не удается. Есть немало тех, кто верят, будто подчинение женщины — это вечный закон, который они должны принять, особенно много таких среди женщин, однако эта точка зрения еще никому не принесла ни малейшей пользы. Более того, рано или поздно кое-кто жалуется: мол, если бы женщина не была такой покорной, дело могло бы принять лучший оборот!

Не говоря уже о том факте, что человеческий дух не способен подчиняться без бунта, рано или поздно покорная женщина окончательно утрачивает свою независимость и становится социальным паразитом, что демонстрирует случай из нашей практики. Нашей пациенткой была женщина, которая вышла замуж за знаменитого человека по любви. Как она, так и ее муж следовали догме, согласно которой участь женщины — подчиняться. Со временем она превратилась просто в машину, для которой в мире не было ничего, кроме долга, покорности и еще раз покорности. Она утратила способность что-либо предпринимать независимо. Ее окружение привыкло к ее подчиненному положению и не особо возражало, однако их молчание не могло исправить ситуацию.

Ситуация эта не разрешилась кризисом, поскольку ее участники были относительно культурными людьми. Однако если мы вспомним, что для значительной части человечества подчиненное положение женщин предопределено их судьбой, нам легко понять, сколько конфликтов порождает подобный взгляд на вещи. Когда муж ожидает такого подчинения как чего-то само собой разумеющегося, он скорее всего будет то и дело раздражаться, так как в реальности полное подчинение невозможно. Однако некоторые женщины настолько проникнуты духом покорности, что нарочно выбирают в мужья самых властолюбивых и жестоких мужчин. Рано или поздно неестественные взаимоотношения между ними перерастают в открытую войну. Иногда создается впечатление, что истинная цель этих женщин — выставить идею подчинения женщин на всеобщее осмение и доказать всем ее абсолютную ложность.

Нам уже известен выход из подобных трудностей. Когда мужчина и женщина живут вместе, они должны жить в условиях товарищеского разделения труда, при которых ни один из партнеров не подчинен друг другу. Даже если это пока что всего лишь идеал, по крайней мере он дает

нам эталон, по которому мы можем измерять степень культурности индивидуумов.

Вопрос подчинения играет роль не только во взаимоотношениях полов, где он взваливает на плечи мужского пола груз из тысячи неразрешимых проблем, но и в жизни народов. Вся экономическая структура древних цивилизаций строилась на институте рабства. Вероятно, большинство ныне живущих людей происходят из семей рабов, и в течение столетий два класса людей — рабы и рабовладельцы — жили в полном отчуждении и противостоянии друг другу. Даже в наше время у некоторых народов сохраняется кастовая система, и принцип подчинения и зависимости одной касты от другой продолжает существовать.

В древности было принято считать, что труд — дело позорное и заниматься им подобает рабам. Рабовладелец не унижался до обычной работы. Он считался не только хозяином других людей, но и воплощением всех человеческих достоинств. Правящее сословие состояло из «лучших», на что указывает греческое слово «аристос». Аристократия была господством «лучших», однако «лучших» не по своим качествам и добродетелям, а только по могуществу; оценке и классификации подвергали лишь рабов. Аристократом был тот, кто обладал властью.

В наше время рабство и аристократия остались в прошлом, однако они продолжают оказывать влияние на наш образ мыслей. Даже великий мыслитель Ницше выступал в защиту власти лучших и подчинения им всех остальных. И сегодня можно встретить людей настолько угодливых, что они могут быть счастливыми лишь тогда, когда кому-то за что-то благодарны. Кажется, они все время извиняются уже за то, что просто существуют на свете. Нам не следует обманываться и считать, будто они делают это с радостью. По большей части они чрезвычайно несчастливы.

Трудно вытравить из нашего мышления разделение на господ и слуг и признать всех людей абсолютно равными. Однако благодаря необходимости сблизить людей друг с другом институты рабства и аристократии лишились прежнего значения. Само существование новой точки зрения, согласно которой все люди совершенно равны между собой, — это шаг вперед и гарантия от будущих заблуждений.

ВЛАСТОЛЮБИЕ

Противоположностью только что описанному нами раболепному индивидууму является властолюбивый индивидуум, который всегда

должен доминировать. На протяжении всей жизни его заботит только один вопрос: «Как мне всех превзойти?» С этой ролью неразрывно сопряжены всевозможные разочарования.

Властолюбивая роль может оказаться до некоторой степени полезной, если она не сопровождается чрезмерной агрессией и враждебностью. Всякий раз, когда требуется организатор, на сцене появляется властолюбивый индивидуум. Они добиваются таких мест, на которых требуются командиры и управляющие. В смутные времена, например, во время революции, такие характеры выходят на авансцену — и вполне понятно почему: они имеют нужную манеру держаться, соответствующие социальные установки и желания, а также, как правило, и необходимую подготовку для того, чтобы взять на себя роль вождя. Они привыкли командовать в своем доме. Однако никакая игра не может их удовлетворить, если они не играют роль короля, правителя или генерала, и среди них есть такие индивидуумы, которые не способны сделать по приказу даже сущего пустяка. Когда им приходится подчиняться чужим приказам, они сразу же приходят в состояние возбуждения и тревоги. В спокойные времена такие индивидуумы возглавляют малые группы как в деловой, так и в общественной сфере. Они всегда находятся на авансцене, так как сами проталкиваются вперед и у них есть что сказать людям. Пока они не нарушают правил жизненной игры, мы не имеем ничего против них, однако мы не можем согласиться с той завышенной оценкой, которую дает им сегодня общество. Они тоже всего лишь грешные люди, ибо из них не выходит хороших рядовых и они плохо играют в команде. Всю жизнь они проводят в чрезвычайном напряжении и не могут расслабиться до тех пор, пока не докажут каким-либо образом свое превосходство.

НЕВЕЗЕНИЕ

Утверждение, что всякому, кто вступает в конфликт с абсолютной истиной и логикой общественной жизни, рано или поздно не миновать расплаты, является в психологии трюизмом. Как правило, индивидуумы, которые совершают подобные грандиозные ошибки, не извлекают из них никаких уроков, а видят в своем несчастье незаслуженно свалившуюся на них беду. Требуется вся их жизнь, чтобы показать: невезение преследовало их повсюду и они ни в чем не преуспели потому, что все, за что они брались, кончалось провалом. Такие невезучие люди склонны даже гордиться своим невезением, как будто причиной его является какая-то

сверхъестественная сила. Стоит более тщательно проанализировать данное утверждение — и окажется, что тщеславие вновь подняло свою безобразную голову! Эти люди действуют так, будто их избрало в качестве объекта преследования некое злобное божество. Во время грозы они считают, что молния попадет только в них. Они боятся, что ворам приглянется именно их дом. Если произошло какое-нибудь несчастье, они уверены, что оно их непременно затронет.

Так преувеличивать способна только личность, мнящая себя центром Вселенной. Кажется, человек, которого постоянно преследует судьба, — это прямая противоположность эгоиста, но когда такие индивидуумы полагают, что против них сплотились все темные силы мира, это говорит их упрямое тщеславие. Есть индивидуумы, чье детство было омрачено навязчивыми идеями, будто они станут жертвами разбойников, убийц, призраков и вампиров, словно бы всем этим категориям людей и аномальных явлений в то время было нечем больше заняться.

Следует ожидать, что их социальная установка будет отражена в их манере держаться. Они ходят так, будто на них что-то давит, и сгибаются в три погибели, чтобы каждый мог заметить тяжкое бремя, под грузом которого они томятся. Они напоминают мне карнатид, украшающих греческие храмы и всю жизнь держащих на плечах портики. Эти люди всегда все принимают настолько всерьез и судят обо всем с таким пессимизмом, что нетрудно понять, почему у них все валится из рук. Их преследует невезение оттого, что они омрачают не только свою собственную жизнь, но и жизни других. Корень их несчастий — тщеславие. Быть особо невезучим — еще один способ постоянно ощущать собственную важность!

РЕЛИГИОЗНОСТЬ

Некоторые из этих хронически не способных найти понимания людей уходят в религию, где действуют точно так же, как и раньше. Они жалуются и соболезнуют сами себе, а также стараются переложить свое бремя на плечи благодетельного Бога. Они думают только о собственной персоне. Поэтому для них вполне естественно полагать, будто Бог, это пользующееся чрезвычайным уважением и поклонением существо, занят исключительно служением им и отвечает за каждый их поступок. По их мнению, еще большее Его внимание можно привлечь к себе искусственными средствами, например, особо истовой молитвой или

другими религиозными обрядами. Одним словом, возлюбленному Господу просто нечего делать, кроме как заниматься их бедами и не спускать с них глаз. В таком религиозном поклонении заключено столько ереси, что если бы вернулись времена инквизиции, эти религиозные фанатики, вероятно, первыми взошли бы на костер. Они обращаются к Богу точно так же, как к себе подобным, — жалуются, хнычат, но не шевелят и пальцем, чтобы помочь себе или улучшить условия, в которых они живут. По их мнению, сотрудничество обязательно только для других.

История болезни восемнадцатилетней девушки показывает, до чего может довести человека подобный тщеславный эготизм. В детстве эта девушка была очень хорошим и прилежным ребенком, но отличалась повышенным честолюбием. Ее честолюбие выражалось в религиозности, причем она исполняла все обряды с величайшим благочестием. Однажды она стала упрекать себя за недостаточную твердость в вере, заявляя, что нарушала заповеди и время от времени допускала появление у себя греховных мыслей. В результате она целыми днями яростно обвиняла себя с таким пылом, что всем казалось, будто она сошла с ума. Она все время стояла на коленях в углу и горько каялась; однако другим упрекнуть ее в чем-либо не позволялось. Однажды священник попытался снять с нее бремя грехов, объяснив, что на самом деле она ни в чем не согрешила и в ее конечном спасении сомневаться не приходится. На следующий день эта девушка подошла на улице к священнику и закричала, что он недостоин войти в церковь, поскольку, принял на свои плечи тягчайшее бремя грехов.

Нам нет нужды анализировать этот случай далее, однако он показывает, как честолюбие врывается в религиозные вопросы и как тщеславие заставляет человека мнить себя судией в вопросах пороков и добродетелей, чистоты и развращенности, добра и зла.

14

ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ

Чувства и эмоции являются акцентированными проявлениями того, что мы ранее описали как черты характера. Эмоции проявляются подобно внезапной вспышке под давлением некоей сознательной или неосознанной необходимости. Подобно чертам характера, они имеют определенную цель и направление. Мы могли бы назвать их психологическими явлениями, ограниченными во времени. Чувства не представляют собой таинственные явления, которые не поддаются истолкованию; их проявление всегда определено стилем жизни и поведенческой установкой данного индивидуума. Их цель — изменить положение индивидуума, являющегося их субъектом, к лучшему. Это акцентированные, усиленные движения души, происходящие у индивидуума, который либо отбросил другие механизмы достижения своей цели, либо потерял веру в то, что ее можно достичь иными средствами.

Здесь мы опять имеем дело с индивидуумом, который, будучи удручен чувством собственной неполноценности и неадекватности, заставляющим его собрать все свои силы в кулак, предпринимает более энергичные усилия, чем это было бы необходимо в другом случае. Он считает, что посредством этих напряженных усилий ему удастся пробиться на передний край и оказаться победителем. Мы не можем ощущать гнев, не имея врага, мы не можем себе представить чувство гнева в отрыве от его цели — победы над врагом. В условиях нашей культуры достичь своих целей посредством такого аномального поведения все еще удается. Мы бы наблюдали куда меньше нервных срывов, если бы таким путем было невозможно достичь какой-либо цели.

Индивидуумы, не обладающие достаточной уверенностью в своей способности достичь цели, склонны под влиянием чувства неуверенности не отказываться от этой цели, а прилагать к ее достижению чрезмерные усилия и прибегать для этого к помощи дополнительных чувств и эмоций. Таким образом уязвленный чувством собственной неполноценности индивидуум мобилизует свои силы и пытается завоевать желаемый объект при помощи образа действий, больше приличествующего грубому, не имеющему понятия о цивилизации дикарю.

Поскольку чувства и эмоции тесно связаны с сущностью личности, они не являются уникальными чертами характера немногих индивидуумов,

а присущи в той или иной степени всем людям. Оказавшись в соответствующей ситуации, каждый индивидуум способен проявить ту или иную конкретную эмоцию; мы могли бы назвать эту способность эмоциональной способностью. Эмоции — настолько неотъемлемая часть человеческой жизни, что все мы способны их переживать.

Как только мы получили достаточно четкое представление о человеке, мы оказываемся в состоянии представить себе обычные для него чувства и эмоции, не видя их в действительности. Вполне естественно, что такой глубоко укоренившийся феномен, как эмоция, оказывает влияние и на тело, поскольку тело и дух находятся в тесной взаимосвязи. Внешними признаками физиологических явлений, которые сопровождают чувства и эмоции, являются изменения в деятельности кровеносных сосудов и дыхательного аппарата, например, покраснение, бледность, учащенный пульс и изменение частоты дыхания.

РАЗЪЕДИНИЮЩИЕ ЧУВСТВА

Гнев

Гнев — это чувство, наиболее типичное для стремления к власти и доминированию. Его цель — быстрое насильственное уничтожение любого препятствия на пути разгневанного индивидуума. Проводившиеся ранее исследования показали нам, что разгневанный человек — это тот, который стремится к превосходству над другими, не останавливаясь перед применением любых имеющихся в его распоряжении сил и средств. Борьба за признание порой переходит в патологическую жажду власти. Когда это происходит, нам приходится наблюдать индивидуумов, реагирующих яростными вспышками на любое происшествие, которое может хотя бы в самой малой степени подорвать их ощущение собственной власти. Они полагают (возможно, основываясь на прошлом опыте), что именно таким методом они лучше всего добываются своего и одержат верх над своими противниками. Такая методика действий не требует очень высокого уровня интеллектуального развития, однако во множестве случаев она оправдывает себя. Большинству людей не составит труда припомнить случай, когда они восстановили свой пошатнувшийся было авторитет или добились своего благодаря вспышке ярости.

Бывают ситуации, когда гнев вполне оправдан, но подобные случаи мы здесь не рассматриваем. Говоря о применении гнева, мы имеем в виду индивидуумов, у которых это чувство наличествует всегда и является

привычной, ясно выраженной реакцией. Некоторые люди систематически используют гнев для достижения своих целей, поскольку они не знают других способов решения своих проблем. Обычно это надменные, очень обидчивые люди, которые не могут вынести, когда кто-нибудь стоит выше них или даже наравне с ними, которые сами должны стоять выше других, чтобы быть счастливыми. Соответственно, они постоянно настороже на случай, если кто-нибудь приблизится к ним на слишком близкое расстояние или оценит их недостаточно высоко. Недоверчивость — вот черта характера, чаще всего сопутствующая подобной чувствительности. Такие люди не могут довериться себе подобным.

Их вспыльчивость сопровождается другими, находящимися с ней в тесной связи, чертами характера — обидчивостью и подозрительностью. В экстремальных случаях можно увидеть, например, как чрезвычайно честолюбивый индивидуум уклоняется от любых серьезных задач и оказывается не в силах приспособиться к жизни в обществе. Если ему в чем-либо откажут, ему известен лишь один способ отреагировать на это. Он выражает свой протест образом, обычно весьма болезненным для окружающих; например, он может разбить зеркало или дорогую вазу. Мы не можем принять его извинений, если позднее он будет оправдываться тем, что не ведал, что творил. Его желание выразить себя разрушительными действиями очевидно, ибо он всегда уничтожает что-нибудь дорогое и никогда не вымещает свой гнев на малоценных предметах. За его действиями должен скрываться некий план.

Хотя в мелких делах таким образом удается добиться некоторого успеха, этот метод теряет эффективность, едва контекст становится шире. Вследствие этого подобные вечно разгневанные люди вскоре оказываются в состоянии конфликта со всем миром.

Внешние признаки гнева настолько известны, что для того, чтобы представить себе вспыльчивого человека, достаточно лишь вспомнить слово «фурия». Враждебное отношение такого человека к окружающему миру не нуждается в доказательствах. Чувство гнева указывает на почти полное отсутствие социального чувства. Стремление к власти выражено столь отчетливо, что нетрудно представить такого человека даже убивающим своего оппонента. Мы можем использовать на практике наше знание природы человека, анализируя наблюдаемые нами различные эмоции и чувства, поскольку чувства и эмоции являются наиболее ясными внешними выражениями характера. Мы должны отнести всех вспыльчивых, гневливых, желчных индивидуумов к врагам общества и врагам жизни. Мы должны снова привлечь внимание к тому факту, что их

стремление к власти коренится в ощущаемом ими чувстве собственной неполноценности. Ни одному человеческому существу, уверенному в собственных силах, не требуется демонстрировать подобные агрессивные, яростные реакции и жесты. Этот факт не следует упускать из виду ни на минуту. Во время пароксизмов гнева вся схема взаимоотношений между чувством неполноценности и чувством превосходства предстает перед нами с полной ясностью. Это дешевый трюк, благодаря которому самооценка одной личности поднимается за счет другой.

Одним из важнейших пусковых механизмов гнева и ярости является алкоголь. Для возникновения такого эффекта зачастую достаточно очень небольшого количества алкоголя. Хорошо известно, что действие алкоголя приглушает или выключает сдерживающие факторы цивилизации. В состоянии опьянения человек действует так, как если бы он не был цивилизован. Таким образом он теряет контроль над собой и перестает принимать во внимание мнение других. Когда он трезв, он может ценой больших усилий скрывать свою враждебность к людям и сдерживать свое недружелюбие. Стоит ему опьянеть — и его истинный характер раскрывается. То, что люди, не нашедшие себя в жизни, прежде всего начинают пить, не случайно. В этом наркотике они находят некое утешение и забытье, а также оправдание, почему им не удалось добиться желаемого.

Вспышки злобы гораздо чаще встречаются у детей, чем у взрослых. Иногда достаточно самого незначительного повода, чтобы вызвать у ребенка приступ гнева. Причиной этого является тот факт, что дети, ввиду более сильного чувства собственной неполноценности и недостатка опыта, более явственно показывают свое стремление к власти. Злобный ребенок стремится к признанию, так как любое препятствие, встреченное им на пути, кажется ему чрезвычайно трудным, а то и вовсе непреодолимым.

Глубоко укоренившееся чувство гнева, когда оно выходит за рамки обычного в таких случаях поведения — ругани и беснования, — может принести как физический, так и психологический вред самому разгневанному человеку. В этой связи следует кое-что заметить относительно природы самоубийства. За частую самоубийство является попыткой причинить боль родственникам или друзьям и отомстить за какое-то реальное или мнимое поражение.

Горе

Горе встречается тогда, когда кто-то не может утешиться после потери или лишений. Горе, вместе с другими чувствами, является компенсацией за пережитое неудовольствие или слабость и попыткой добиться чего-то лучшего. В этом отношении его смысл аналогичен смыслу припадка

ярости. Разница в том, что горе является реакцией на другие раздражители, имеет другую социальную установку и прибегает к другим методам.

В чрезмерных внешних проявлениях горя стремление к превосходству играет такую же роль, как и во всех остальных чувствах. Если гнев используется для повышения самооценки данного индивидуума за счет принижения его оппонентов, горе представляет собой фактическое сжатие психологического горизонта, являющееся предварительным условием его последующего расширения, в ходе которого личность достигает самовозышения и удовлетворения. Однако это удовлетворение принимает вид некоего приступа, реакции против социальной среды, хотя в иной форме, нежели при гневе. В горе человек жалуется, и в этих жалобах выражается его оппозиция к себе подобным. Хотя человеку и свойственно печалиться, преувеличенные проявления этого чувства являются враждебным по отношению к обществу жестом.

Отношение к охваченному горем человеку помогает ему возвыситься. Нам всем известно, какое облегчение чувствуют такие индивидуумы, когда другие спешат им на помощь, сочувствуют им, поддерживают их, ободряют и всячески стараются повысить их благополучие. Если человек, поплакав, чувствует, что ему стало легче, это потому, что, выступив в качестве обвинителя против существующего порядка вещей, он сумел возвысить себя. Чем больше требует этот обвинитель от окружающей действительности на основании своего горя, тем более очевидными становятся его притязания. Горе становится неопровергимым доводом, который накладывает серьезные обязанности на друзей, соседей и членов семьи человека, испытывающего это чувство. Для него характерны стремление перейти от слабости к превосходству над другими и попытка, сохранив свою позицию, избежать чувства беспомощности и неполноценности.

Отвращение

Аффект отвращения также социально деструктивен, хотя и в меньшей степени, чем у других чувств. С физиологической точки зрения отвращение возникает тогда, когда неприятный вид или запах вызывает раздражение стенок желудка. С психологической точки зрения отвращение представляет собой склонность и попытку душевной «рвоты». Именно в этот момент становится очевидной деструктивная природа отвращения. Отвращение представляет собой чувство антипатии. Гримасы, сопровождающие его, означают презрение ко всему и вся и попытку решить проблему жестом отрицания.

Этим чувством легко можно злоупотребить, превратив его в удобный

способ выхода из неприятной ситуации. Симулировать чувство тошноты нетрудно, а изобразив его, мы должны по необходимости выйти из ситуации, в которой находимся. Ни одно чувство нельзя вызвать искусственно с такой легкостью, как отвращение. После небольшой практики каждый может начать ощущать тошноту в любой удобный для себя момент. Таким образом, безвредное чувство становится мощным оружием против общества или надежным способом удалиться от него.

Страх

Страх — одно из наиболее важных явлений в жизни человеческих существ. Сложность этого чувства заключается в том, что оно не является только разъединяющей людей эмоцией, но, подобно печали, помогает создавать одностороннюю связь с себе подобными. Механизм страха не демонстрирует превосходства напрямую — напротив, он, как кажется, означает поражение. Когда мы боимся, мы пытаемся сделаться как можно меньше по размеру, но именно в этот момент становится очевидной другая сторона этого чувства, включающая в себя жажду превосходства над другими. Будучи охвачены страхом, индивидуумы бегут, ища защиты друг у друга, и таким образом пытаются обрести силу до такой степени, когда они ощутят себя способными встретиться с теми опасностями, которые, по их мнению, им угрожают, и восторжествовать над ними.

Анализируя такое чувство, как страх, мы имеем дело с явлением, обладающим глубоко укорененной органической функцией. Это отражение примитивного страха, который свойствен всем живым существам. Человеческие существа в особенности подвержены страху из-за их естественной слабости и неполноценности. Те знания о трудностях жизни, которые мы получаем при рождении, настолько недостаточны, что ребенок не может найти в этой жизни место без посторонней помощи. Все, чего он лишен, должны восполнить другие. Ребенок ощущает эти трудности, едва он приходит в мир и мир начинает предъявлять ему свои требования. Всегда имеется опасность, что ему не удастся компенсировать свою неполноценность, в результате чего у него разовьется пессимистическая жизненная философия. Поэтому наиболее значительной чертой характера ребенка становится некая жажда помощи и внимания окружающих. Чем он дальше от решения проблем жизни, тем он более осторожен. Если такие дети бывают вынуждены предпринять что-либо самостоятельно, они несут с собой все, что понадобится, чтобы прикрыть отступление. Они всегда готовы к бегству, и, разумеется, наиболее распространенная и очевидная черта их характера — это боязливость.

Зачатки противопоставления себя обществу — пусть косвенного и

лишенного открытой агрессивности — мы видим в формах выражения страха. Иногда нам особенно ясно удается проникнуть в механизм действия психики, когда мы встречаем патологические проявления этого чувства. В этих случаях мы отчетливо видим, как охваченный страхом индивидуум протягивает руку за помощью, как он старается подтянуть и приковать к себе других людей.

Дальнейшее изучение этого феномена приводит нас к тем умозаключениям, которые мы уже обсудили, говоря о беспокойстве. В этом случае мы имеем дело с индивидуумами, требующими чьей-либо поддержки, желающими, чтобы кто-то постоянно держал их в фокусе своего внимания. Фактически в данном случае речь идет об установлении рабства, о том, что кто-то обязан быть рядом с обеспокоенным человеком, чтобы помогать ему и поддерживать его. Если мы проанализируем этот вопрос глубже, мы обнаружим немало людей, которые идут по жизни, требуя к себе особого внимания. Они потеряли свою независимость до такой степени (в результате недостаточных и несовершенных контактов с жизнью), что с чрезвычайным пылом требуют особых привилегий. Вне зависимости от того, ищут они общества других или нет, настоящее социальное чувство у них выражено слабо. Страх помогает им и уйти от требований жизни, и поработить всех, кто их окружает. В конечном счете страх прокрадывается в повседневные взаимоотношения с людьми и становится самым важным орудием доминирования данного индивидуума над себе подобными.

Злоупотребление эмоциями

Нельзя познать смысл и значение чувств и эмоций, не уяснив себе, что они являются ценными орудиями, при помощи которых личность преодолевает чувство собственной неполноценности, возвышается над другими и достигает признания. Способность проявлять эмоции находит в психике широкое применение. Стоит ребенку, решившему, что им пренебрегают, понять, что он может тиранически обращаться с окружающими при помощи ярости, слез или боязливости, он будет снова и снова применять на практике этот метод завоевания господства над другими. Таким образом у него быстро формируется поведенческая установка, позволяющая ему отвечать своей обычной эмоциональной реакцией на слабые раздражители. Он пользуется своими эмоциями всякий раз, когда это соответствует его целям. Погруженность в эмоции — дурная привычка, которая иногда переходит в патологию. Стоит ей развиться в детстве, и такой человек будет злоупотреблять своими эмоциями постоянно. Подобный индивидуум использует страх, горе и другие чувства для игры, как марионеток. Это

бессмысленное и зачастую неприятное поведение лишает эмоции их истинной ценности. Актёрство с эмоциями становится привычной реакцией всякий раз, когда подобному индивидууму в чем-нибудь отказывают или когда доминирование его личности оказывается под угрозой. Горе может выражаться с такой неистовостью, что оно начинает отдавать безвкусицей и становится слишком громким, слишком нарочитым, слишком театральным. Нам приходилось видеть людей, производящих впечатление, что они с кем-то соревнуются в степени выражения своего горя.

Так же точно можно злоупотребить и внешними физиологическими проявлениями, сопровождающими эмоцию. Хорошо известно: есть люди, у которых гнев оказывает настолько сильное влияние на пищеварительную систему, что в гневе у них начинается рвота. Этот механизм выражает их враждебность к происходящему еще более очевидно. Аналогичным образом такая эмоция, как горе, ассоциируется с отказом от пищи, в результате чего убитый горем человек действительно теряет в весе и начинает в самом деле выглядеть, как «рыцарь печального образа».

Мы не можем пройти мимо этих примеров злоупотребления эмоциями, так как они оказывают воздействие на других людей. В тот момент, когда испытывающий страдание человек становится предметом заботы своего ближнего, описанные нами бурные реакции, как правило, прекращаются. Однако есть индивидуумы, которые так страстно желают вызвать к себе дружеские чувства, что они продолжают выказывать свое горе или страх до бесконечности, поскольку в этом состоянии они благодаря получаемым от друзей и окружающих многочисленным проявлениям дружелюбия и сострадания ощущают, что их самооценка повышается.

Хотя гнев, горе, отвращение и страх в различной степени вызывают наше сочувствие, это разъединяющие эмоции. Они не сближают людей. Горе действительно может сблизить людей между собой, однако если обе стороны этого союза не вносят в него одинаковый вклад, он не может нормально развиваться. Поскольку утешителю рано или поздно приходится вносить большую долю, подобный союз отражает искаженное социальное чувство.

ОБЪЕДИНИЮЩИЕ ЧУВСТВА

Радость

Радость — это чувство, которое с наибольшей эффективностью

стирает расстояния между людьми. Радость не допускает изоляции. Поиск человека, с которым хочется поделиться своей радостью, объятия и тому подобное доказывают: внешние признаки счастья появляются у людей, желающих быть рядом или наслаждаться чем-то вместе. Радость соединяет людей, поскольку это движение к единству, протянутая рука, переданное тепло.

Следует признаться, мы опять имеем дело с людьми, которые пытаются преодолеть чувство неудовлетворенности или одиночества с тем, чтобы добиться некоего превосходства или, как это часто бывает, продвинуться по направлению от чего-то меньшего, нежели счастье, к чему-то большему, нежели счастье. Фактически радость — это, вероятно, лучшее средство преодолеть трудности. Смех, с его освобождающей энергией, с его способностью к раскрепощению, идет рука об руку с радостью и является, если можно так выразиться, краеугольным камнем этого чувства. Он выходит за пределы одной личности и привлекает симпатию других.

Однако смехом и счастьем можно злоупотреблять в личных целях. Так, пациент, который боялся показать обуревающее его чувство собственного бессилия и незначительности, стал выказывать признаки радости, услышав сообщение о сильном землетрясении. Будучи печален, он чувствовал себя бессильным; поэтому он отринул печаль и начал стараться испытывать противоположное чувство — радость. Еще одним примером злоупотребления счастьем является Schadenfreude — радость, проявляемая при виде боли или несчастья, которые испытывают другие. Радость, которая возникает не в надлежащее время и не в надлежащем месте, которая отрицает социальное чувство и уничтожает его, является разъединяющим чувством, орудием агрессии.

Сострадание

Сострадание — это самое чистое выражение социального чувства. Всякий раз, когда мы обнаруживаем у человеческого существа сострадание, мы можем в принципе быть уверены, что это зрелая личность, обладающая социальным сознанием, поскольку сострадание может быть хорошим мерилом способности человека отождествлять себя с другими.

Вероятно, общеизвестные злоупотребления этим чувством более распространены, чем само оно в чистом виде. Те, кто злоупотребляет им, играют роль чрезвычайно преисполненных гражданских чувств и преувеличенно благожелательных людей. Так, например, есть люди, которые толпятся вокруг места аварии, чтобы попасть в газеты и получить известность, не делая при этом ничего, чтобы помочь пострадавшим.

Другие как будто получают удовольствие, повсюду разыскивая и выслеживая людей, которых постигло несчастье. Профессиональных жалельщиков и раздавателей милостыни почти невозможно убедить оставить свою деятельность: на страданиях жертв несчастья или бедности, которым они якобы помогают, они создают чувство собственного превосходства. Как сказал такой мудрый судия человеческой природы, как Ларошфуко, «мы всегда можем найти некоторое удовлетворение в несчастьях наших друзей».

Нельзя считать удачной попытку объяснить этим явлением то наслаждение, которое мы получаем, когда смотрим в театре трагедии. Это объяснялось тем, что зритель чувствует свое превосходство над персонажами на сцене. Однако для большинства людей это не так; причиной нашего интереса к трагедиям в основном является желание познать себя и получить полезные наставления. Мы не забываем, что это всего лишь спектакль, и используем извлеченный из него опыт как дополнительный импульс к решению наших жизненных проблем.

Смирение

Смирение — чувство одновременно и объединяющее, и разъединяющее. Это чувство также является частью наших взаимоотношений с окружающим миром, и посему его не следует отделять от нашей психики. Человеческое общество не могло бы существовать без некоторого смирения и скромности, позволяющих нам осознать необходимость сотрудничества между людьми.

Смирение выходит на сцену в тех случаях, когда кажется, что ценность личных качеств данного индивидуума может быть поставлена под вопрос, или когда появляется возможность потери самооценки. Это чувство сильно передается телу, в результате чего происходит расширение периферических капилляров. Гиперемия кожных капилляров, или покраснение, наблюдается обычно на лице, однако есть люди, которые краснеют всем телом.

Смирение может также стать поводом к уходу от действительности. Оно может превратиться в жест самоизоляции, сопряженной с легкой депрессией, что равносильно готовности бежать от угрожающей ситуации. Опущенные глазки и скромный вид являются приготовлениями к бегству, что показывает: смирение, подобно другим чувствам, при злоупотреблении им может разъединять людей.

Некоторые так легко смущаются, что эта разъединяющая черта портит все их взаимоотношения с другими людьми. Ее назначение — быть средством самоизоляции — становится очевидным, когда она настолько преувеличена.

15

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ВОСПИТАНИЮ И ОБУЧЕНИЮ ДЕТЕЙ

В заключение позвольте мне добавить несколько замечаний по теме, которой в наших предыдущих размышлениях мы уже касались. Это вопрос о влиянии обучения дома, в школе и в жизни в целом на развитие психики.

Нет сомнения, что воспитание детей в семье в его нынешнем виде дает обильную почву для развития стремления к власти и тщеславия. Каждый может привести подтверждающий это пример из собственного опыта. Безусловно, семья — это институт, обладающий огромными достоинствами, и трудно представить себе институт, лучше приспособленный для ухода за детьми, чем семейная среда, где они, собственно, и воспитываются. Семья — это институт, оптимальный для сохранения рода человеческого, особенно в том, что касается ухода во время болезни. Если бы родители к тому же были хорошими педагогами, достаточно проницательными и способными распознать дефекты развития своих детей в самом зародыше, и кроме того — если бы они были способны правильно исправлять эти дефекты и направлять развитие своих детей, мы бы с радостью констатировали, что представить себе институт, лучше служащий для воспитания приспособленных к жизни в обществе людей, невозможно.

Однако, к сожалению, родители, как правило, не бывают ни хорошими психологами, ни хорошими педагогами. В настоящий момент, как нам кажется, в деле воспитания детей господствует патологический семейный эгоизм разной степени выраженности. Этот эгоизм требует, чтобы своих детей особо холили и считали необычайно ценными, даже за счет других детей. Таким образом, подобное домашнее воспитание совершает грубейшую из возможных психологических ошибок, внушая детям ложную идею, что они якобы должны превосходить всех остальных людей.

Предпосылкой возникновения этого явления служит типичное распределение социальных ролей в семье, основой которого является руководящая роль и превосходство отца. Этот отцовский авторитаризм имеет очень мало общего с чувством человеческой всеобщности и взаимозависимости людей в обществе. С самого начала жизни испытав на себе отцовскую власть, индивидуум сворачивает на путь открытого или

тайного сопротивления социальному чувству. Открытые попытки бунта редки. Самая большая опасность авторитарного воспитания состоит в том, что оно дает ребенку идеал власти и демонстрирует ему преимущества, связанные с обладанием властью. С возрастом у ребенка вырабатывается страстное желание доминировать над другими, и он становится тщеславным и властолюбивым. Теперь каждый ребенок старается быть первым, каждый ребенок желает, чтобы его уважали, и рано или поздно он начинает требовать для себя тех же знаков повиновения и подчинения, какие на его глазах оказывались индивидууму, который из всех ему известных располагает наибольшей властью. Неизбежным результатом его ложных ожиданий оказывается агрессивное отношение к своим родителям и остальному миру.

Ребенку, находящемуся под влиянием преобладающих формирующих факторов своего дома, практически невозможно упустить из виду такую цель, как превосходство над другими. Мы наблюдаем это как у маленьких детей, которым нравится играть в «больших», так и впоследствии у индивидуумов, которым мысли или бессознательные воспоминания о детстве ясно указывают, что они должны вести себя в мире так, будто это их семья. В случае неудачи они пытаются удалиться от мира, который им опротивел.

Нельзя отрицать, что семья также хорошо приспособлена для воспитания у детей социального чувства. Однако если мы вспомним, какое сильное влияние оказывает на них стремление к власти, а также очевидное присутствие в доме авторитарного лидера, мы поймем, что в этой обстановке социальное чувство может развиться лишь до определенной степени. Первые стремления ребенка к любви и нежности связаны с его взаимоотношениями с матерью. Вероятно, это наиболее важный опыт в жизни ребенка, поскольку, общаясь с матерью, он обнаруживает, что существует еще один абсолютно надежный человек. Он узнает о различии между «я» и «ты». Ницше однажды сказал, что «каждый создает образ своей любимой, основываясь на взаимоотношениях со своей матерью». Иоганн Генрих Песталоцци, швейцарский педагог-реформатор, также показал, что мать — это идеал, который определяет будущее взаимоотношений ребенка с окружающим миром. И действительно, общение с матерью определяет всю последующую деятельность ребенка.

Следовательно, функция матери состоит в том, чтобы развить у ребенка социальное чувство. Эксцентричные личности, которые встречаются среди детей, возникают на основе общения с матерями, и направление их развития указывает на характер отношений между матерью

и ребенком. Всякий раз, когда отношения между матерью и ребенком неудовлетворительны, мы, как правило, обнаруживаем у детей те или иные социальные дефекты. Наиболее распространены два вида ошибок.

В первом случае мать не выполняет надлежащим образом свою материнскую роль, а ее ребенку не удается сформировать у себя какого-либо социального чувства. Этот дефект очень значителен и влечет за собой много неприятных последствий. Ребенок вырастает иностранцем в незнакомой стране. Если мы хотим помочь такому ребенку, то нам не остается ничего, кроме как сыграть ту роль, которую должна была сыграть его мать и которая по какой-то причине выпала из его развития. Это единственный способ, если можно так выразиться, сделать из него подобное нам человеческое существо.

Вторая ошибка, вероятно, более распространена. Мать действительно является матерью; однако она играет свою роль настолько преувеличенно и эмпатически, что ребенок не способен развить в себе какого-либо социального чувства, не относящегося к его матери. Эта мать позволяет любви, развившейся у ребенка, быть обращенной только на нее. Можно сказать, что такого ребенка интересует лишь его мать, а остальной мир для него не существует. Не стоит и говорить, что у этого ребенка отсутствует основа для социального развития.

Кроме взаимоотношений с матерью, есть и много других факторов, играющих важную роль в процессе взросления. Счастливое раннее детство помогает ребенку обрести свое место в мире. Если мы вспомним, против каких трудностей приходится бороться большинству детей и сколь немногим из них удается в первые годы жизни примириться с окружающим миром или найти себе приятное место для жизни, нам станет ясно, какое огромное значение имеют первые впечатления ребенка. Это вехи, указывающие, каким путем он пойдет в мир. Теперь давайте вспомним, что немало людей появляются на свет болезненными детьми и испытывают здесь только боль и страдания. Давайте также вспомним, что детство большинства детей вовсе не рассчитано на то, чтобы сделать их счастливыми. Теперь нам легко понять, почему так мало детей вырастает с хорошим отношением к жизни и обществу и почему так мало мотивируется в жизни подлинным социальным чувством.

Вдобавок мы должны принять во внимание чрезвычайную важность влияния ошибок, совершаемых в ходе воспитания. Строгое, авторитарное воспитание вполне способно погасить имеющуюся у ребенка естественную радость жизни, точно так же как воспитание, которое убирает с пути ребенка всяческие препятствия и окружает его тепличной атмосферой, так

его «акклиматизирует» к жизни, что, став взрослым, он окажется неспособным существовать в условиях более суровых, чем тропический климат его семьи.

Поэтому мы видим, что в нашем обществе и цивилизации воспитание в семье меньше всего приспособлено к воспитанию проникнутых общественными интересами «граждан мира», которых мы могли бы пожелать. При таком воспитании чрезвычайно велика вероятность появления у ребенка неоправданных амбиций и желания самовозвеличиться.

Какое учреждение способно устраниć ошибки, совершенные на раннем этапе развития ребенка, и помочь ему более удачно адаптироваться к миру? Ответ один — школа. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что школа в ее нынешнем виде также приспособлена к решению этой задачи не лучшим образом. Едва ли и сегодня найдется хоть один учитель, могущий заявить, что он всегда способен распознать трудности в эмоциональном развитии ребенка и исправить их при существующих в современной школе условиях. Учитель совершенно не подготовлен к такой задаче. Его дело — пройти с учениками определенную программу, не осмеливаясь всерьез задуматься о тех человеческих жизнях, с которыми он имеет дело. Тот факт, что в классе всегда слишком много детей, также препятствует ему надлежащим образом выполнить свою задачу.

Есть ли еще какой-нибудь институт, способный исправить дефекты семейного воспитания? Некоторые могут предположить, что таким институтом является сама жизнь. Однако и возможности жизни не беспредельны. Жизнь не может фундаментальным образом изменить человека, хотя внешне иногда кажется, будто так и произошло, — ей не позволяют этого человеческое тщеславие и честолюбие. Сколько бы ошибок ни совершил индивидуум, он либо будет винить в них все остальное человечество, либо полагать, что он уже ничего не может сделать. Мы очень редко видим людей, которые, встретив на пути препятствие или повернув не в ту сторону, остановились поразмыслить, в чем они были не правы. Этот факт иллюстрирует данный нами в предыдущей главе анализ неправильного использования жизненного опыта.

Сама по себе жизнь не в силах что-либо кардинально изменить. С психологической точки зрения это понятно, поскольку жизнь имеет дело с готовой продукцией человечества — человеческими существами, которые уже обладают своей сформировавшейся точкой зрения и стремятся к власти над другими. Скорее наоборот, жизнь — наихудший из возможных учителей. У нее нет рассудка, она ни о чем нас не предостерегает, она нас

не учит; она просто отвергает нас и позволяет нам погибнуть.

Нам остается сделать только один вывод: единственным институтом, с помощью которого можно надеяться что-то изменить, является школа. Мы могли бы сделать наши школы способными выполнить эту функцию, если бы они правильно использовались. До самого последнего времени любой человек, получивший контроль над школой, всегда использовал ее для воплощения своих тщеславных и честолюбивых замыслов. Сегодня мы слышим требования восстановить в школах старый режим. Однако удавалось ли при старом режиме добиться каких-либо хороших результатов? Как может оказаться полезным авторитарный подход, всегда считавшийся вредным? Почему авторитаризм в школе должен принести добрые плоды, когда мы видим, что авторитаризм в семье, где теоретически ситуация более благоприятна, приводит только к одному: бунту против него?

Любой авторитет, который не признан спонтанно, а должен навязываться нам силой, является фальшивкой; истинное уважение и дисциплина исходят изнутри. Слишком многие дети приходят в школу с чувством, что их учитель — не более чем государственный служащий. Невозможно навязать такому ребенку строгий режим без плачевых последствий для его психического развития.

Даже если учитель знает свои обязанности, с неопровергимой логикой вытекающие из самой жизни, мы не можем заставить ребенка принять эту логику. Единственная возможность двигаться вперед заключена в том, чтобы избегать, насколько это возможно, всякой конфронтации и видеть в ребенке не объект обучения, а субъект; видеть в нем зрелую личность, равную учителю. Тогда ребенку будет труднее счастье, будто на него оказывают давление или его игнорируют, а посему он обязан вступить со своими учителями в битву не на жизнь, а на смерть. Именно из этой агрессивной установки с неизбежностью развиваются ложные амбиции, столь характерные для наших мышления, поступков и склада характера. Авторитет не должен зависеть от силы — он должен всецело основываться на социальном чувстве.

Школа — это учреждение, через которое в ходе своего психологического развития проходит каждый ребенок. Поэтому оно должно отвечать требованиям здорового психологического роста. Только та школа, которая гармонирует с психологическими потребностями своих учеников, может быть названа действительно хорошей школой, и только такую школу можно будет считать дающей образование для общественной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой книге мы пытались показать, что психика не определяется наследственностью. Ее развитие целиком и полностью обусловлено социальными факторами. С одной стороны, требования организма должны быть удовлетворены, с другой — должны быть выполнены требования человеческого общества. Именно в таком контексте развивается психика, и в этих условиях она растет.

Исследовав это развитие далее, мы проанализировали способности и возможности восприятия, памяти, чувства и мысли. Наконец, мы рассмотрели черты характера и эмоции. Мы показали, что между всеми этими явлениями существует неразрывная связь; что, с одной стороны, они подчинены правилам коллективной жизни, а с другой стороны — находятся под влиянием стремления индивидуума к власти над другими и к самоутверждению. Эти две силы вырабатывают психику индивидуума, и картина их взаимодействия в каждом конкретном случае специфична, индивидуальна и уникальна. Мы показали, что цель самоутверждения, видоизмененная социальным чувством (в зависимости от степени его развития), формирует специфические черты характера. Подобные черты ни в коей мере нельзя считать наследственными: они развиваются таким образом, чтобы уложиться в картину психологического развития личности и повести кратчайшим путем к цели, которая всегда, хотя и с разной степенью осознанности, существует у каждого.

Ряд этих черт характера и чувств, являющихся важными для понимания человека индикаторами, мы рассмотрели в подробностях, в то время как описание других было опущено. Мы показали, что честолюбие и тщеславие в той или иной степени присущи любому человеческому существу в зависимости от его индивидуального метода борьбы за власть над другими. В том, как они выражаются, мы можем ясно различить борьбу индивидуума за самоутверждение и наблюдать, как она ведется в конкретном случае. Мы также показали, как преувеличенные амбиции и тщеславие мешают упорядоченному развитию личности: рост социального чувства либо заторможен, либо невозможен вообще. Из-за раздражающего действия этих двух черт не только замедляется эволюция социального чувства, но властолюбивый индивидуум идет навстречу собственной гибели.

Этот закон психологического развития представляется нам

непреложным. Он является важнейшим ориентиром для любого человеческого существа, которое желает определять свою судьбу сознательно и открыто, а не отдавать себя на растерзание темным и таинственным психологическим силам. Наше исследование принимает форму экспериментов в области науки о природе человека, науки, которую невозможно изучать или развивать по-другому. Как нам представляется, понимание природы человека необходимо любому, и изучение этой науки — самая важная область деятельности человеческого ума.

СЛОВАРЬ ВАЖНЕЙШИХ ТЕРМИНОВ

ДРУГОЙ ПОЛ — термин Адлера, заменяющий «противоположный пол»; это указывает, что мужское и женское начало не противоположны, а дополняют друг друга.

ЖИЗНЕННЫЕ ЗАДАЧИ — три широких сферы человеческой деятельности, в которых необходимо действовать каждому индивидууму: задача найти общественно полезную профессию или занятие; выстроить плодотворные взаимоотношения с другими людьми и сыграть свою роль в любви, браке и семейной жизни.

ИЗБАЛОВАННОСТЬ — чрезмерная снисходительность или чрезмерное покровительство ребенку, тормозящие развитие у него самостоятельности, мужества, ответственности и способности сотрудничать с другими.

КОМПЛЕКС НЕПОЛНОЦЕННОСТИ — чувство собственной неполноты, которое вызывает стресс, психологические обходные маневры и компенсаторный импульс, направленный к обретению иллюзорного чувства собственного превосходства.

МУЖСКОЙ ПРОТЕСТ — реакция любого пола на бытующие в нашем обществе предрассудки относительно мужественности и женственности. Поведение мужчины может представлять собой протест против требований, налагаемых на него мифом о превосходстве мужчин; поведение женщины может быть протестом против пренебрежительного отношения к женственности и ограничений, налагаемых на женщин.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ — попытка косвенно компенсировать чувство собственной неадекватности или ненадежности своего положения, основанная на ошибочной «собственной логике».

ОРГАНИЧЕСКАЯ НЕПОЛНОЦЕННОСТЬ — физический дефект или слабость, зачастую обуславливающая компенсаторное поведение.

ПСИХИКА — разум, включающий в себя как сознание, так и бессознательное личности, направляющий ее развитие, придающий значение воспринимаемому и ощущаемому и вырабатывающий потребности и цели.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ — изучение индивидуума как неделимого целого, как единой и направленной к определенной цели личности, которая в нормальном, здоровом состоянии является полноценным членом общества и участником межчеловеческих

взаимоотношений.

СОЦИАЛЬНОЕ ЧУВСТВО (или социальный интерес) — коллективный дух, чувство общечеловеческого братства и самоотождествления со всем человечеством, которое формирует позитивные социальные взаимоотношения. Согласно Адлеру, эти взаимоотношения могут быть конструктивными и здоровыми только тогда, когда они включают в себя равенство, взаимодействие и дух сотрудничества. Социальное чувство начинается со способности отождествлять себя с себе подобным и ведет к стремлению построить идеальное общество, основанное на сотрудничестве и равенстве личностей. Это понятие является ключевым в адлеровской концепции индивидуума как социального существа.

СТИЛЬ ЖИЗНИ — ключевое понятие психологии личности: комплекс личной философии данного индивидуума, характерных для него верований и взглядов на жизнь, являющийся стержнем его личности. Стиль жизни представляет собой творческую реакцию самого индивидуума на опыт первых лет жизни, который, в свою очередь, влияет на всю картину его восприятия себя и мира, а следовательно — на его эмоции, мотивы и действия.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Studie über Minderwertigkeit von Organen. Berlin, Vienna: Urban & Schwarzenberg, 1907.

Zwei Traume einer Prostituierten II Z. Sexualwissensch. Bd. 1. S. 103–106. 1908.

Erklärung II Zentbl. Psychoanal. Bd. 1. S. 433. 1911.

Über den nervosen Charakter. Grundzüge einer vergleichenden Individual-Psychologie und Psychotherapie. Wiesbaden: Bergmann, 1912.

Individualpsychologische Behandlung der Neurosen II Jahreskurse für ärztliche Fortbildung/Hrsg. D. Sarason. Munich: Lehmann. S. 150–140. 1913.

Heilen und Bilden: ärztlich-pädagogische Arbeiten des Vereins für Individualpsychologie. Munich: Reinhardt, 1914/Hrsg. A. Adler und C. Furtmüller. (2-е дополненное изд. — 1922).

Статьи Адлера в этом сборнике:

Die Theorie der Organminderwertigkeit und ihre Bedeutung für Philosophie und Psychologie.

Der Aggressionstrieb im Leben und in der Neurose.

Das Zartlichkeitbedürfnis des Kindes.

Über neurotische Disposition; zugleich ein Beitrag zur Ätiologie und zur Frage der Neurosenwahl.

Der psychische Hermaphroditismus im Leben und in der Neurose.

Trotz und Gehorsam.

Die Rolle der Sexualität in der Neurose.

«Verdrangung» und «mannlicher Protest».

Zur Erziehung der Eltern. Der nervose Charakter. Organdialekt.

Bolschewismus und Seelenkunde //Int. Rundschau (Zurich). № 4. S. 597–600. 1918.

Die andere Seite. Eine Massenpsychologische Studie über die Schuld des Volkes. Vienna: Leopold Heidrich GmbH.

Fortschritte der Individualpsychologie //Int. Z. Indiv. Psychol. Bd. 2. № 1. S. 1–7. № 3. S. 10–12. 1923.

Die Tragfähigkeit der menschlichen Seele //Int. Z. Indiv. Psychol. Bd. 2. № 2.8.42. 1923.

Psychische Kausalität //Int. Z. Indiv. Psychol. Bd. 2. № 6. S. 38. 1923.

Praxis und Theorie der Individualpsychologie. Vorträge zur Einführung in die Psychotherapie für Ärzte, Psychologen und Lehrer. Munich: Bergmann,

1924.

Salvaging mankind by psychology //Int. Z. Indiv. Psychol. Bd. 3. S. 332–335. 1924–1925.

Individualpsychologie //Einführung in die neuere Psychologie / Hrsg. E. Saupe. Osterwieck-Harz: A. W. Zickfeldt. S. 399–407. 1926.

Menschenkenntnis. Leipzig: Hirzel, 1927 (5-e изд. — Zurich: Rascher, 1947).

The Practice and Theory of Individual Psychology. New York: Harkourt, Brace & Co, 1927.

Zusammenhänge zwischen Neurose und Witz //bit. Z. Indiv. Psychol. Bd. 5. S. 94–96. 1927.

Individualpsychologie und Wissenschaft //Int. Z. Indiv. Psychol. Bd. 5. S. 401–409. 1927.

Kurze Bemerkungen über Vernunft, Intelligenz und Schwachsinn //Int. Z. Indiv. Psychol. Bd. 6. S. 267–272. 1928.

Individualpsychologie in die Schule. Vorlesungen für Lehrer und Erzieher. Leipzig: Hirzel, 1929.

Problem of Neurosis: a Book of Case-Histories. London: Kegan Paul, Trench, Truebner & Co, 1929.

The Science or Living. New York: Greenberg, Publisher Inc. 1929.

Individualpsychologie in der Neurosenlehre //Int. Z. Indiv. Psychol. Bd. 7. S. 81–88. 1929.

Obertreibung der eigenen Wichtigkeit // Int. Z. Indiv. Psychol. Bd. 7. S. 245–252. 1929.

Education of Children. New York: Greenberg, Publisher Inc. 1930.

Pattern of Life. New York: Rinehart & Co, Inc. 1930.

Das Problem der Homosexualität: erotisches Training und erotischer Rückzug. Leipzig: Hirzel, 1930.

Die Technik der Individualpsychologie. 77. 2. Die Seele der schwererziehbaren Schulkinder. Munich: Bergmann, 1930.

Nochmals—Die Einheit der Neurosen II Int. Z. Indiv. Psychol. Bd. 8. S. 201–216. 1930.

What Life Should Mean to You. Boston: Little, Brown & Co. 1931.

Zwangsnurose II Int. Z. Indiv. Psychol. Bd. 9. S. 1–16. 1931.

Trick und Neurose II Int. Z. Indiv. Psychol. Bd. 9. S. 417–423. 1931.

Rauschgift II Int. Z. Indiv. Psychol. Bd. 10. S. 1–19. 1932.

Personlichkeit als geschlossene Einheit //Int. Z. Indiv. Psychol. Bd. 10. S. 81–89. 1932.

Der Aufbau der Neurose //Int. Z. Indiv. Psychol. Bd. 10. S. 321–328. 1932.

Der Sinn des Lebens. Vienna, Leipzig: Rolf Passer, 1933.

Religion and Individualpsychologie // Ernst Jahn, Alfred Adler. Religion und Individualpsychologie; eine prinzipielle Auseinandersetzung iiber Menschenfuhrung. Vienna, Leipzig: Rolf Passer-1933.

Vor- und Nachteile des Minderwertigkeitsgeftths II Pad. Warte. Bd. 40. S. 15–19. 1933.

Zur Massenpsychologie II Int. Z. Indiv. Psychol. Bd. 12, S. 133–141. 1934.

*Der Komplexzwang als Teil der Personlichkeit und der neurose //*Int. Z. Indiv. Psychol. Bd. 13. S. 1–6. 1935.

On the interpretation of dreams II Int. J. Indiv. Psychol. V. 2- S. 3— 16. 1936.

Die Symptomwahl des Kindes II Int. Z. Indiv. Psychol. Pd. 14. S. 65–80. 1936.

Neurotisches Weltbild // Int.Z. Indiv. Psychol. Bd. 14. S. 129–137. 1936.

Psychiatric aspects regarding individual and social disorganization Amer. J. Sociol. V. 42. P. 773–780. 1937.

*Selbstmord //*Int. Z. Indiv. Psychol. Bd. 15. S. 49–52. 1937.

*Social Interest: a Challenge to Mankind.*London: Faber & Faber, Ltd. 1938.

*Sleeplessness //*Indiv. Psychol. Bull. V. 3. P. 60–64. 1944.

The individual Psychology of Alfred Adler. A systematic presentation in selection from his writing I Ed. and annot. by Heinz L. Ansbacher Rowena R. Ansbacher. New Jork: Basic Books, 1956.

Практика и теория индивидуальной психологии. М.: фонд «За экономическую грамотность», 1995. («Библиотека современной психологии»).

Наука жить. Киев, 1997.